

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2010

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2010
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремеенко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2010

Содержание

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

А. В. Николенко

Эвакуация производительных сил – необходимое условие победы в Великой Отечественной войне 7

Н. Ю. Иванченко

К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных в концентрационных лагерях на территории северо-западных областей страны (1941–1944 гг.) 15

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В. В. Фортунатов

Становление научных школ в Петербургском государственном университете путей сообщения – старейшем транспортно-строительном вузе России 29

М. П. Бородин

Система оповещения о пожарах в столице Российской империи в XIX в. 35

Н. В. Ершов

Динамика запусков космических аппаратов с испытательных полигонов в 1957–1975 гг. (по материалам открытых источников информации) 49

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. А. Исеев

«Школа Бернарда Бейлина» в историографии Американской революции 1776–1787 гг.: Гордон Вуд и его труды 63

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А. А. Голубев

Железнодорожная символика в нагрудных знаках наградной системы Российской империи 72

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В. И. Данильченко

Роль государственных органов Российской империи в организации выставочной деятельности в середине XIX – начале XX в. 88

В. В. Шевлякова

Передовые сельскохозяйственные технологии конца XIX – начала XX в. и их пропаганда российской периодической печатью 94

<i>Т. В. Алексеев</i> Фирма «Сименс и Гальске» и ее вклад в региональную диверсификацию промышленности средств связи России в годы Первой мировой войны	104
--	-----

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

<i>П. Д. Николаенко</i> «... Не было министра в России просвещеннее ... и способнее к его званию ...» (штрихи к портрету князя В. П. Кочубея)	111
<i>Д. В. Рыбин</i> Проблемы пореформенной кадровой политики Министерства юстиции Российской империи в воззрениях И. В. Михайловского	125

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>М. В. Пулькин</i> Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии)	134
<i>С. В. Зайцева</i> Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX в.	144
<i>Л. В. Шевнина</i> Патронат над преступными детьми в России в конце XIX – начале XX в.	152

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>А. В. Гостенков</i> Начало германской мировой политики. Оккупация Цзяочжоу	163
--	-----

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>И. А. Тропов</i> Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 г.	178
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Б. Вайль</i> Незаменимый справочник Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)	188
<i>Н. Д. Козлов</i> Ученые Ленинграда и оборона страны Судариков А.М. Ученые-ленинградцы и создание ракетно-ядерного щита страны в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.): моногр.	191
Сведения об авторах	194

Contents

65 YEARS-ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

A. V. Nikolenko

Evacuation of the productive forces – a necessary condition for the Victory in the Great Patriotic War..... 7

N. Yu. Ivanchenko

To the question of extermination by german-fascist occupational authorities of soviet prisoners of war in concentration camps on the territory of Northern-West region of the country (1941–1944 years) 15

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

V. V. Fortunatov

The formation of scientific schools in the St. Petersburg State University of Communications, the oldest transport construction university of Russia 29

M. P. Borodin

Alert Fire in the capital of the Russian Empire in the XIX century 35

N. V. Ershov

The dynamics of space vehicles launches from proving grounds during 1957–1975 period (by materials of public sources of infomation)..... 49

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE

S. A. Isaev

Bernard Bailyn’s school in historiography of the American Revolution, 1776–1787: Gordon S. Wood and his studies 63

AUXILIARY HISTORICAL DISCIPLINES

A. A. Golubev

Railway symbolism in breast signs of the Russian Empire rewarding system..... 72

ECONOMIC HISTORY

V. I. Danilchenko

The role of public authorities of the Russian Empire in the organization of exhibition activity in the middle of XIX – early XX centuries..... 88

V. V. Shevlyakova

Advanced agricultural technology of late XIX – early XX centuries and its propaganda by the Russian periodical press 94

T. V. Alexeev

Firm «Siemens and Galske» and its contribution to the regional Diversification of the industry of a communication facility of Russia In days of the First World War..... 104

PERSONALITY IN HISTORY

P. D. Nikolaenko

«... There was no minister in Russia more enlightened ...
and more capable to its title ...»
(Strokes to the portrait of Prince V.P. Kochubey) 111

D. V. Rybin

The views of I.V. Mikhailovsky on the Issue
of the Manpower Policy of the Ministry of Justice
of the Russian Empire in the Post-reform Period 125

RUSSIAN HISTORY PAGES

M. V. Pulkin

The sacrament of penance: the problems of implementation
in the XVIII-beginning of the twentieth century
(Based on Olonetskaya Diocese) 134

S. V. Zaitseva

Factors influencing the birth of illegitimate children
in the Russian Empire in the second half of the XIX century 144

L. V. Shevnina

Patronage of criminal children in Russia
in the late XIX – early XX centuries 152

WORLD HISTORY PROBLEMS

A. V. Gostenkov

The beginning of Germany's world policy.
The occupation of Jiaozhou 163

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

I. A. Tropov

Revolution in the province: Luga District
of Petrograd province in 1917 178

SUMMARY AND REVIEW

B. Vayl'

An indispensable reference.
Bazanov P.N. Publishing activities of political organizations
of the Russian emigration (1917–1988) 188

N. D. Kozlov

Scientists of Leningrad and country defense
Sudarikov A.M. Scientists of Leningrad and the establishment
of nuclear-missile shield of the country in the first postwar decade
(1945–1955): monography 191

About authors 194

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)-2

*А. В. Николенко**

Эвакуация производительных сил – необходимое условие победы в Великой Отечественной войне

В статье анализируется влияние эвакуации на ход и исход Великой Отечественной войны. Показана её роль в перестройке экономики СССР и срыве стратегических планов Германии на мировое господство.

The paper in question analyses the influence of evacuation on the Great Patriotic War course and result. Its role in reorganization of the USSR economy and frustration of Germany world supremacy strategic plans is shown.

Ключевые слова: эвакуация, экономика, производительные силы, материальные ценности, ресурсы, план «Барбаросса».

Key words: evacuation, economy, productive forces, material values, resources, «Barbaross» plan.

Нападение Германии на Советский Союз явилось посягательством на свободу и независимость нашей Родины. Со стороны Германии это было промежуточной точкой в достижении мирового господства. Но именно СССР стал главным борцом против фашизма.

Великая Отечественная война, как часть Второй мировой войны, вписала множество драматических страниц в историю нашей страны. Одной из них является эвакуация – процесс, когда в тыл были вывезены тысячи промышленных предприятий, учреждений, научных и культурных ценностей, а главное, – миллионы мирных жителей. Эвакуация коренным образом изменила карту населения и общеэкономическую карту Советского Союза.

Термин «эвакуация», применяемый в условиях Великой Отечественной войны – это организованный центральными и местными органами власти процесс перемещения больших масс людей, промышленных предприятий, учреждений и других материальных ценностей из прифронтовых районов в тыл страны с целью спасения человеческих жизней и экономики страны для достижения победы в войне.

* **Николенко Александр Викторович**, соискатель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Санкт-Петербургское высшее военное училище радиоэлектроники (Военный институт)

В мировой истории различные страны сталкивались с необходимостью проведения эвакуации. Во всех предыдущих случаях приходилось убеждаться, что без вмешательства государства эвакуационный процесс становился неуправляемым и слабоэффективным. Проводимые ранее эвакуационные мероприятия не имели существенного влияния на ход и исход войны, а иногда были слабо организованы государственными органами власти. Так, не увенчались успехом попытки провести эвакуацию промышленности во время Первой мировой войны в Румынии и России, при этом причины неудач были схожими [18, с. 114].

Эвакуация, проведённая в Советском Союзе в 1941–1942 гг., представляется весьма интересной для изучения. Проанализировав не только советские, но и немецкие источники, можно сделать определённые выводы.

Во-первых, эвакуация производительных сил была необходима Советскому Союзу для спасения экономики и населения.

Массовая эвакуация была не только целесообразной, но и жизненно важной. Прежде всего нужно было спасти население страны, которое, по мнению немецко-фашистского руководства, подлежало уничтожению. В ходе войны врагом была оккупирована территория СССР, на которой проживало более 85 млн человек [3, с. 31]. По имеющимся данным население СССР в 1940 г. составляло 194,1 млн чел. На сравнительно небольшой территории в оккупации проживало 42 % жителей [4, с. 15], большая часть из которого подлежала физическому уничтожению. В обращениях германского руководства к своим солдатам говорилось о необходимости поставить не колени весь мир. В памятке солдатам указывалось: «... убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик ...». Генералам вермахта было дозволено самостоятельно принимать решение по истреблению людей. Рейхенау в своём приказе требовал полного уничтожения Советского государства и его вооружённых сил [14, с. 47]. При разработке плана «Барбаросса» немецко-фашистское руководство для оправдания своей агрессии перед гражданами навязывало мысль о том, что большевизм является угрозой для национал-социалистического немецкого народа. Позже был определён широкий круг советских граждан, в первую очередь подлежащих физическому уничтожению: все государственные и партийные должностные лица, хозяйственные руководители, профессиональные военные и политкомиссары, рядовые коммунисты, интеллигенция, евреи и т. д. [16, с. 299]. Несомненно, выполнение подобных приказов рано или поздно должно было привести к уничтожению большей части населения страны.

Аналогичная ситуация была и с материальными ценностями. В соответствии с планом «Барбаросса» ещё до наступления зимы

1941–1942 гг. немецко-фашистские войска должны были выйти на линию Архангельск – Волга [7, с. 504]. Причём, при составлении планов учитывалось, что у Советского Союза останется ещё промышленный район Урала, но его рассчитывали парализовать при помощи авиации [16, с. 291].

На оккупированной территории СССР до начала войны размещалось 31850 заводов и фабрик, 7,5 тыс. из которых были крупными [13, с. 139]. К началу Второй мировой войны Германия и Советский Союз по основным отраслям промышленности имели следующие показатели (табл. 1) [6, с. 576]:

Таблица 1

	Электро- энергия, млрд кВт/ч	Нефть, млн т	Уголь, млн т	Чугун, млн т	Сталь, млн т	Желез- ные руды, млн т	Марган- цевые руды, млн т
СССР	48,6	31,1	165,9	14,9	18,3	29,9	3,1
Германия	69,4		284,0	19,8	25,6	21,9	0,42

На огромной площади восточных районов страны (включая Поволжье) с большими природными запасами ресурсов, доля производства основных видов промышленной продукции составляла:

Электроэнергия	25,5 %
Нефть	12,2 %
Уголь	35,9 %
Чугун	28,5 %
Сталь	37,0 %
Прокат черных металлов	36,5 %
Железной руды	28,7 %
Марганцовой руды	8,4 %
Станки металлорежущие	15,6 %
Тракторы	50,8 %

Практически по всем отраслям промышленности до 2/3 производства находилось в западных областях.

Нетрудно понять, что СССР, потеряв огромное количество предприятий и людских ресурсов, не смог противостоять мощи Германии. К началу Великой Отечественной войны промышленный потенциал Германии превосходил СССР по количеству станочного парка в 2,5 раза. Немецкая промышленность производила больше электроэнергии, стали, алюминия, магния, цемента, локомотивов [4, с. 805].

О необходимости эвакуации можно сделать вывод из данных по потере производственных мощностей важнейших отраслей промышленности (табл. 2) [19, с. 85].

Таблица 2

Основные отрасли и виды производства	Наличие на 1 января 1941 г.	Потери на 1 ноября 1941 г.	Потери мощностей, %
Каменный уголь, тыс. т	240772	151570	62,95
Первичная обработка нефти, тыс. т	32845	9372	28,53
Электроэнергия, тыс. кВт	6398	3718	58,11
Чугун, тыс. т	18200	12825	70,46
Сталь, тыс. т	22600	13472	59,61
Железная руда, тыс. т	34000	22000	64,70
Марганцевая руда, тыс. т	3100	1800	58,06
Станки металлорежущие, шт	32328	19822	61,31
Синтетический каучук, тыс. т	127	90	70,86
Кокс, тыс. т	24000	16000	66,66

Меньше 50 % потери были только в первичной обработке нефти. Это объясняется тем, что Гитлер не успел добраться до бакинских нефтепромыслов, которые до войны давали от 80 до 96 % горюче-смазочных материалов, производимых в СССР [2, с. 34]. Тем не менее, часть оборудования была эвакуирована с Кавказа.

Из приведённых выше фактов следует, что эвакуация для Советского Союза была жизненно необходима. Это подтверждается всем ходом войны. Именно благодаря включению в производство эвакуированных в восточные регионы страны военных заводов, в действующей армии неуклонно возрастало количество всех основных видов боевой техники. Танков и САУ в декабре 1941 г. было произведено 1731. К 1 октября танковые заводы были переведены за Урал [20. Л. 7–7]. Вслед за заводами проследовали и квалифицированные рабочие [19. Л. 3]. К ноябрю 1942 г. было произведено 6014, а к июню 1943–9580 танков и САУ. Всего к концу 1941 г. на восток было эвакуировано и снова введено в строй более 747 крупных заводов, в результате чего удалось существенно увеличить выпуск военной продукции [7. Л. 1]: артиллерийских орудий с 21983 штук в 1941 г. до 72505 и 98790 в 1942 и 1943; боевых самолётов – с 2495 (только новых типов) до 3088, 8293 соответственно [9, с. 310–311]. Благодаря наращиванию военного производства советское командование получило возможность создать превосходство над противником по всем видам боевой техники, необходимой для проведения наступательных операций.

Во-вторых, эвакуация срывала планы верховного немецко-фашистского руководства, рассчитывавшего использовать производительные силы СССР для достижения мирового господства.

При объяснении необходимости нападения на Советский Союз Гитлер говорил: «Необходимо напасть на Россию, захватить её ресурсы, не считаясь с возможностью смерти миллионов людей в этой

стране. Нам надо взять у России всё, что нам нужно. Пусть гибнут миллионы» [15]. Главной экономической целью всей войны Германии против Советского Союза было превращение нашей страны в сырьевой придаток и источник дешевой рабочей силы [8, с. 46].

Перед началом войны против СССР из необходимых стратегических материалов Германия обладала в нужных количествах только 25 % [17, с. 245]. Немецкая военная машина жила за счёт привозных ванадия, вольфрама, платины, молибдена, ртути, сурьмы, слюды, без которых нельзя было получить прочную сталь [8, с. 37]. Без постоянного производства оружия Германия не могла бороться за мировое господство. Тем более, что немецко-фашистскому руководству постоянно необходим был противник. Без непрерывных войн режим Гитлера не мог существовать. План «Барбаросса» предусматривал быстрое выведение Советского Союза из войны. Причем не предполагалось уничтожение промышленных районов. Молниеносная война была необходима для уничтожения вооруженных сил, чтобы парализовать у советских людей волю и желание к дальнейшей борьбе. План войны против СССР занимал центральное место в программе немецкого руководства на пути к мировому господству, и Советский Союз был только промежуточным пунктом в достижении этой цели.

Руководство Германии хотело и могло бы использовать всю экономическую мощь Советского Союза в дальнейшей борьбе против других стран. Причём, Гитлер не собирался использовать захваченные ресурсы в борьбе против СССР. Изначально предполагалось для ведения войны с Советами использовать то, что находилось на складах и в резервах. На захваченной территории планировалось создать гражданскую систему управления, на всех предприятиях, создать свою охрану и подготовить их к дальнейшему использованию во время борьбы за мировое господство. Но постепенно ситуация изменилась. После того как стало ясно, что блицкриг провалился, немецко-фашистское командование принялось разрабатывать план по использованию экономического потенциала захваченных районов уже в ходе войны [8, с. 53].

Критическая ситуация была не только с промышленностью. Чтобы воевать, выпускать военную продукцию, нужны люди, которых необходимо было обеспечить продовольствием. Сильно пострадало и сельское хозяйство. В свою очередь Германия ещё до начала Второй мировой войны испытывала трудности с производством продуктов питания. До войны немецкие политики пытались сделать свою страну независимой от экономик других государств, но добиться этого не удалось [6, с. 22–40]. В итоге на момент начала войны Германия ввозила мясо из Дании, жиры из Голландии, зерно из Польши, рыбу из Норвегии [1, с. 24–25]. Это при том, что оккупа-

ционные войска снабжались продовольствием за счёт порабощённых стран. На захваченной советской территории до войны находилось и производилось: 47 % посевных площадей; 50 % зерна; 86 % сахарной свёклы и 87 % сахара; 71 % подсолнечника; 50 % поголовья скота [5, с. 5].

Германия рассматривала Россию как важнейшего поставщика продовольствия в Европу. Но благодаря удачному проведению эвакуации сельскохозяйственной продукции немецко-фашистское руководство не смогло получить то, на что рассчитывало. Так например, Леноблисполком и Ленинградским обкомом 15 августа 1941 г. было принято постановление об эвакуации высокопродуктивного и племенного скота, тракторов и ценного имущества МТС, совхозов и колхозов. В результате этого немецко-фашистское руководство несколько раз снижало нормы сдачи продовольственных товаров местным населением [21. Л. 241–243].

Нетрудно подсчитать, что при удачной реализации плана «Ольденбург» Германия могла претендовать на мировое экономическое господство, за которым следует и военное.

В-третьих, проведение эвакуации давало СССР время, а Германию лишало преимущества «блицкрига», на котором строилась вся её стратегия.

Чтобы бороться с таким сильным противником, как Германия, Советскому Союзу необходима была мощная военная экономика. Руководство нашей страны имело огромную территорию, большие людские ресурсы, но неудачное начало войны лишило его главного – времени.

Перед развязыванием войны против Советского Союза Гитлер допустил ряд ошибок, одна из которых – уверенность в том, что можно разгромить СССР в военном отношении в ходе одной кампании. Если это и было возможно, то только разрушив всю советскую систему [20, с. 180].

Сравнив две армии, мы видим:

- примерно равный численный состав;
- боевая подготовка немецкого солдата была лучше, но личные качества – любовь к Родине, храбрость, отвага – хуже [10];
- СССР уступал в развитии военной науки и опыте ведения войны;
- германская стратегия была опробована и показала свою эффективность.
- на стороне противника была внезапность.

Война – это противостояние не только вооружённых сил, а всех государственных институтов и общества.

Единственным способом спасти экономику, а соответственно продолжить борьбу против сильного противника, была эвакуация промышленности и материальных ценностей в восточные районы страны. От этого зависел весь ход войны и окончательная победа.

Важность эвакуации понимало руководство Советского государства. При докладе первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко 22 июня 1941 г. о ситуации в республике Сталин ответил «...приступайте к эвакуации. Кроме населения, и особенно детей, родители которых на фронте, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов, государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь ...», но особо было указано на то, что делать это необходимо так, чтобы люди видели, что эвакуация – это тоже элемент войны [12, с. 124–125].

Эвакуацию промышленности и населения, проведённую советским правительством, по своим итогам и масштабам можно сравнить с великими битвами Второй мировой войны. У Гитлера был хороший план войны против Советского Союза. «Блицкриги» показали свою эффективность на примере других государств. При удачной реализации планов «Барбаросса» наша страна терпела военное и экономическое поражение в войне, немецко-фашистская армия могла усилиться нашими ресурсами. Но у Германии не было плана на случай затягивания войны, а Советский Союз совершил невероятное: в течение нескольких месяцев ценой огромных усилий была спасена промышленность и миллионы людей, которые потом трудились во имя Победы.

Цена победы или поражения в этой битве могла стоить «жизни» всему Советскому государству. Понеся большие потери в армии в начальный период войны, советское правительство понимало, что нужно спасти экономику. С начала эвакуации по 20 ноября 1941 г. только советские железнодорожники погрузили 914380 вагонов, всего же во втором полугодии 1941 г. для перемещения в тыл огромных масс населения, промышленных предприятий, сырья, топлива, крупнорогатого скота, сельскохозяйственной продукции и других материальных и культурных ценностей потребовалось 30 тыс. поездов или около 1500 тыс. вагонов [11, с. 114].

В короткие сроки большое количество предприятий было свёрнуто, перевезено на новое место и снова запущено. Всё это приходилось делать в условиях войны, ни на секунду не останавливая производство вооружения, военной техники и боеприпасов.

Успешное перебазирование и быстрое налаживание производственной деятельности эвакуированных заводов на новые места дали огромный военно-экономический эффект. Советские люди своим самоотверженным трудом сорвали планы гитлеровских стратегов, рассчитывавших захватом экономических важных районов подорвать огромную промышленность и военно-хозяйственную мощь СССР.

Проблема спасения миллионов людей и промышленных предприятий перед властными структурами СССР в годы Второй мировой войны стала первоочередной, в силу разрушительного характера оружия и жестокости оккупационного режима, устанавливаемого немецко-фашистскими войсками на захваченных территориях. К началу войны никто не представлял масштабы той опасности и той трагедии, которая повисла над страной.

От размеров и темпов перемещения огромных масс населения и производственных ресурсов из угрожаемых районов на восток во многом зависели организация прочного тыла, развертывание производства боевой техники, обеспечение количественного и качественного превосходства над врагом по всем видам вооружения и в конечном счете – исход вооруженной борьбы с фашизмом.

Эвакуация, проведенная Советским Союзом стала важнейшим пунктом перестройки экономики на военный лад, не позволила использовать Германии в полном объеме экономический потенциал нашей страны, что в свою очередь явилось одним из главных факторов победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Абасов М.Г. о глы, Баку в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Баку, 1967.
2. Баранов М.А., Стародубцев В.Ф. Конвенция на войну: экономическое сопротивление в годы испытаний 1939–1945. – М., 2005.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. – М., 1985.
4. Володарский Л. Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. – М., 1946.
5. Всемирная история. Вторая мировая война. – Мн., 1997.
6. Гальдер Ф. Военный дневник. – М., 1969.
7. Государственный архив Российской Федерации Ф. 6822. Оп. 1. Д. 538. (посчитано авт.).
8. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). – М., 1980.
9. История Коммунистической партии Советского Союза: в 5 т. – Т. 5. – Кн. 1. – М., 1970.
10. Красная Звезда. – 2001. – 24 ноября. Доклад генерал-лейтенанта С.А. КАЛИНИНА Военному совету Западного фронта «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя». 25 сент. 1941 г.
11. Куманёв Г.А. На службе фронта и тыла.– М.: Наука, 1976.
12. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровения и свидетельства. – М., 1999.
13. Куманёв Г.А. Советский тыл в период Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1988.
14. Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. – М., 1983.
15. Правда. – 1965. – 19 нояб.

16. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. – М.: 1989.
17. Файнгар И.М. Очерки развития германского монополистического капитала. – М.: Соцэкгиз, 1958.
18. Фёдоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. – М., 1939.
19. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 4779.
20. ЦГАИПД СПб Ф. 4000. Оп. 10. Д. 834.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга Ф. 3355. Оп. 2. Д. 1.
22. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1985.
23. Э. Манштейн. Утерянные победы. – Ростов н/Д, 1999.
24. Muller Norbert. Wehrmacht und Okkupation 1941–1945.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,71

*Н. Ю. Иванченко**

**К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими
окупационными властями советских военнопленных
в концентрационных лагерях на территории
северо-западных областей страны (1941–1944 гг.)**

В статье раскрываются особенности жизни советских военнопленных в период немецко-фашистской оккупации, на примере Ленинградской, Новгородской и Псковской областей северо-запада страны. Для понимания многообразия проблем периода оккупации северо-западных областей, особенностей содержания советских военнопленных в созданных немецкими властями концентрационных лагерях, приводятся данные, относящиеся к смертности по различным причинам, расстрелам и намеренному уничтожению красноармейцев Советской армии. Особое внимание уделено проблемам содержания, питания, условиям жизни военнопленных в концентрационных лагерях.

The article exposes the peculiarities of life of soviet prisoners of war, during german-fascist occupation, on the example of Leningradskaya, Novgorodskaya, Pskovskaya regions of Northern-West of the country. For the deeper understanding of all the variety of problems related to the period of occupation, of temporary occupied areas of Northern-West of the country, the peculiarities of maintenance of soviet prisoners of war in created by german occupational authorities concentration camps, there is information about different death reasons, shootings, and intentional extermination of Red Army man of soviet Army . The special attention is paid to the problems of maintenance of soviet prisoners of war, the food supplying organization, living conditions of soviet prisoners of war in concentration camps.

* **Иванченко Нелли Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Ключевые слова: северо-запад страны, оккупация, военнопленные, концентрационные лагеря, паек, расстрелы.

Key words: the Northern-West of the country, occupation, the prisoners of war, concentration camps, ration, shootings.

Оккупировав территории северо-запада СССР, немецко-фашистские захватчики приступили к прямому методическому истреблению советских людей. В мае 1941 г. последовала директива: «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск» [10, с. 27], которая заняла центральное место среди бесчисленных документов, предписывающих применение беспредельной жестокости ко всему населению СССР. Она была, концентрированным выражением планов истребления и закабаления советских людей, планов германских монополий, предписывала проявлять «полную безжалостность» к советским военнослужащим и к гражданскому населению. Всех виновных и невиновных, совершивших какие-либо действия или заподозренных, было приказано немедленно расстреливать без суда.

Еще один документ германского правительства – это директива Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии об уничтожении захваченных в плен политработников Красной армии и служащих советских учреждений от 12 мая 1941 г. Директива объявляла политработников и служащих государственных, коммунальных и хозяйственных учреждений особенно опасными для осуществления планов колонизации Советского Союза. Политработников предписывалось не считать военнопленными и уничтожать немедленно, не допуская их эвакуации в тыл [4, с. 90].

В отношении той части военнопленных, которым сохранялась жизнь, был предусмотрен чудовищно жестокий, каторжный режим, обрекавший их на постепенную смерть. Разрабатывал его по заданию германских властей генерал-лейтенант Рейнеке – начальник Управления по делам военнопленных при ставке Верховного главнокомандования. На секретном совещании в Берлине в марте 1941 г. он, инструктируя своих подчиненных, подчеркивал, что лагерь для русских военнопленных рекомендуется устраивать под открытым небом [8, с. 440]. Германское военное командование считало себя необязанным предоставлять советским военнопленным снабжение.

С германских солдат и офицеров не только снималась всякая ответственность за преступления в отношении военнопленных и мирных жителей, но, напротив, на них возлагалась безусловная обязанность осуществлять преступления и злодеяния. Распоряжение предусматривало организацию широких карательных операций против населения, вводило преступную систему круговой поруки, массовых репрессий, неограниченных насильственных мер [7, с. 358–359].

Свои чудовищные преступления оккупанты пытались прикрыть циничными ссылками на якобы неприменимость общепринятых правил обращения с военнопленными к советским людям. В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД утверждалось: «Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией» [5, с. 20].

Рассмотрим систему угнетения советских военнопленных, которая была создана оккупантами на территории Германии и оккупированных стран. Система пленения, регистрации, содержания и трудоустройства вражеских военнопленных была создана и отработана вермахтом в ходе боевых операций на различных европейских театрах военных действий. Лагеря военнопленных делились на категории: сборные пункты, пересыльные лагеря – «дулаги», стационарные лагеря – «шталаги», рабочие лагеря. Ответственность за судьбы и содержание советских военнопленных между собой делили прежде всего военные из ОКХ (Верховное командование сухопутных сил) и ОКВ (Верховное командование вооруженных сил Германии), а также СС, СД, гестапо и абвер. В пределах рейха часть ответственности перенимали также имперские службы труда. Непосредственно в прифронтовой полосе и оперативной зоне (а это территории с глубиной от 250 до 800 км), где, как правило, происходили пленение или добровольная сдача, военнопленными занимались подчиненные ОКХ регулярные войска, в частности служба генерал-квартирмейстера армии. Последнему подчинялись так называемые начальники военнопленных в оперативных районах групп армий, а тем, в свою очередь, окружные коменданты по делам военнопленных и, далее, коменданты войсковых сборных и пересыльных лагерей, получавшие приказания также и от комендантов тыловых районов. Сборные пункты создавались в непосредственной близости к линии фронта или в районе проводимой операции. Здесь шло окончательное разоружение пленных, составлялись первые учетные документы. Следующим этапом движения пленных были пересыльные лагеря, которые располагались вблизи железнодорожных узлов. После первоначальной сортировки пленных отправляли в стационарные лагеря, имевшие, как правило, постоянное месторасположение в глубоком тылу [9, с. 217–218].

В июле-октябре 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками были полностью и частично оккупированы территории Ленинградской, и входивших в ее состав Новгородской и Псковской областей северо-запада страны. Как и на других участках советско-германского фронта, здесь в первые месяцы войны в плену оказалось большое количество советских солдат. Для полного понимания

захватнической политики уничтожения и истребления военнопленных на оккупированной территории автор осознанно дает обзор основных концентрационных лагерей для военнопленных на примере оккупированных областей северо-запада страны.

За период оккупации в Новгородской области было организовано более 50 пунктов содержания военнопленных. Создание первых из них относится к июлю-августу 1941 г. В это время были созданы несколько лагерей, в которых содержались от 1 тыс. до 10 тыс. пленных солдат и офицеров. В частности, в конце июля в Новгородской области был создан лагерь в г. Старая Русса на территории базы № 104 [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 35]. В августе лагеря были созданы в г. Новгород, с. Медведь Шимского района, д. Налючи Полавского района, Дуброво Солецкого района (содержалось 3 тыс. чел.) [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 8], деревне Грязная Харчевня Борковского сельсовета Новгородского района. Наиболее крупные лагеря, с числом военнопленных более 10 тыс. были организованы в сентябре-октябре 1941 г. Эти лагеря располагались в г. Чудово, поселках Демянск и Шимск, с. Молвоптицы и д. Муравьево Старорусского района. Так, в Чудовском районе, на станции Чудово II размещались лагеря для военнопленных [3. Оп. 34. Д. 372. Л. 135–140], на территории совхоза «Коммунар» был лагерь, (погибло не менее 50 тыс. чел.) [3. Оп. 34. Д. 372. Л. 136]. В 1942 г. был создан лишь один крупный лагерь в д. Малое Засово Залучского района. Одновременно создавались и десятки более мелких пунктов заключения военнопленных, в которых содержались от нескольких десятков до нескольких сотен солдат [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 79].

Так, в Стругокрасненском районе на территории Лудонского сельсовета существовали концлагеря для военнопленных [3. Оп. 39. Д. 339. Л. 3]. В Ленинградской области в период ее оккупации был организован ряд концлагерей для военнопленных. Наибольшее количество лагерей оккупанты устроили в Гатчинском районе. В Гатчине в 1941 г. был создан «лагерь добровольно умирающих», в нем одновременно содержалось 4–5 тыс. чел., (было уничтожено 19560 чел.); [12. Оп. 1. Д. 81. Л. 9; Д. 398. Л. 7] на гатчинском аэродроме располагался «лагерь смерти», где содержалось от 4 до 5 тыс. чел. [12. Оп. 1. Д. 81. Л. 9] в артиллерийских казармах размещался лагерь, где содержалось 3 тыс. чел. [12. Оп. 1. Д. 398. Л. 8] на территории фабрики «Граммфон» в 1941 г. находился лагерь, где было 170–200 чел. [12. Оп. 1. Д. 398. Л. 8–9]. В Гатчинском районе лагеря находились: в селах Корсино; Саблино [3. Оп. 30. Д. 242. Л. 6]; Ропша [12. Спец фонд. Оп. 1. Д. 38. Л. 74–79]; Тайцы (лагерь для беженцев «Штатланд», где содержалось 1100 чел.). [12. Спец фонд. Оп. 1. Д. 38. Л. 66]. В селе Рождественно (с сентября 1941 г. по 11 мая 1942 г. был лагерь на 13 тыс. чел., из которых было уничто-

жено 8500 чел.) [12. Оп. 1. Д. 84. Л. 6]. В деревне Малая Выра с декабря 1941 г. по май 1942 г. был пересыльный лагерь для гражданского населения и военнопленных, где было заключено более 3 тыс. чел., из них 1700 работало вне лагеря [12. Спец фонд. Оп. 4. Д. 1. Л. 14–16]. В поселке Дудергоф с октября 1941 г. по июль 1942 г. существовал пересыльный лагерь для военнопленных «Дулаг» – 140, в нем содержалось около 4–5 тыс. чел. [12. Спец фонд. Оп. 10. Д. 3. Л. 68]. Во Мге с сентября 1941 г. по январь 1944 г. был лагерь для военнопленных [12. Оп. 30. Д. 242. Л. 6].

У станции Волосово существовал лагерь для военнопленных на 700 чел., у Известкового завода был лагерь, где размещалось около 6 тыс. чел. [3. Оп. 30. Д. 329-а. Л. 264–265]. В Мгинском районе, поселке Погорелушка был лагерь с сентября 1941 г. по январь 1944 г. [3. Оп. 30. Д. 168. Л. 10]. На окраине г. Демянска находился лагерь, в котором погибло до 3 тыс. чел. [3. Оп. 30. Д. 3. Л. 21–об, 3] В Кингисеппском районе в селе Котлы существовал пересыльный лагерь для гражданского населения и военнопленных «Дулаг» № 101, в нем содержалось около 1 тыс. чел, 90 чел. работали вне лагеря и 500 чел. – на территории [12. Оп. 4. Д. 1. Л. 14]. В Кингисеппе был пересыльный лагерь № 200 для гражданского населения и военнопленных, где содержалось более 5 тыс. чел., из которых только 800 работали на его территории [12. Оп. 4. Д. 1. Л. 16], впоследствии он переместился в город Нарва с 19 января – 11 мая 1942 г. и числился как пересыльный лагерь № 200 для мирного населения [12. Спец фонд. Оп. 10. Д. 1. Л. 1; Оп. 6. Д. 2. Л. 92–93]. В Красном Селе с 11 сентября 1941 г. по 19 января 1944 г. тоже существовал лагерь [12. Спец фонд. Оп. 10. Д. 1. Л. 1; Оп. 6. Д. 2. Л. 92–93].

В Ленинградской области в Плескау был лагерь № "VIE" для офицеров, в котором содержалось около 20 тыс. чел. заключенных, из которых 13 тыс. работали вне территории лагеря и 4,5 тыс. на территории. [12. Спец фонд. Оп. 4. Д. 1. Л. 14–16]. В Ораниенбаумском районе с сентября 1941 г. в селе Дягилицы существовал лагерь для военнопленных, в котором содержалось около 700 чел., [12. Оп. 1. Д. 174. Л. 5.] и в деревне Гостилицы был лагерь, где содержалось около 600–700 чел. В указанных лагерях находилось 1400 чел., (погибло около 1200 чел.) [12. Оп. 1. Д. 174. Л. 5]. В Островском районе с осени 1941 г. существовал лагерь в поселке Грызавино на 350-370 чел., (из которых погибло более 300) [3. Оп. 30. Д. 1736. Л. 3]. В г. Павловск с сентября 1941 г. по январь 1944 г. были лагеря для военнопленных в зданиях фабрики «Спартак», школ № 4, 34 (погибло свыше 1 тыс. чел.) [3. Оп. 30. Д. 247. Л. 7]. В городе Луга с декабря 1941 г. по 1 мая 1942 г. был пересыльный лагерь № 320 для гражданского населения и военнопленных, в нем находилось около 10 тыс. чел., из которых 7 тыс. работали вне лагеря,

1200 – в лагере [12. Спец фонд. Оп. 4. Д. 1. Л. 14–16]. При дорожной комендатуре в поселке Вырица был лагерь для военнопленных на 700 чел. [3. Оп. 30. Д. 248. Л. 5]. В селе Выра Пушкинского района был лагерь с мая по август 1944 г. [3. Оп. 30. Д. 1728. Л. 23]. В Лодейнопольском районе в Свирском монастыре находился Свирский лагерь для военнопленных, который был сборным пунктом, откуда заключенных переправляли в Ильинский лагерь Олонецкого района [3. Оп. 30. Д. 163. Л. 3–4]. В Тосненском районе в деревне Лисино в мае 1942 г. существовал лагерь, где содержалось 1777 чел. [12. Спецфонд. Оп. 6. Д. 2. Л.101–102]; в городе Любань был лагерь № 17, где находилось свыше 10 тыс. чел. [12. Оп. 1. Д. 239. Л. 3-об]; в селе Покровское в 1942 г. был лагерь № 121 [12. Спецфонд. Оп. 1. Д. 29. Л.18, 23].

В Псковской области также был создан ряд лагерей для военнопленных. В западной части города Пскова, в районе Завеличья в бывших кавалерийских казармах в 1941–1944 гг. размещался лагерь военнопленных под названием «Шталаг» – 372, позднее «Дулаг» – 376. Количество заключенных временами достигало 100 тыс. чел., (погибло 75 тыс. чел.) [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 28–30]. В г. Пскове существовал лагерь под названием «госпиталь», он находился на Интернациональной улице. Ежедневно в нем умирало около 20 чел. Состав «госпиталя» обновлялся через каждые пять дней. За время существования «госпиталя» было уничтожено 34 тыс. чел. [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 31–33]. В Пскове в июне 1941 г. в местечке «Пески» на южной окраине города в 1,5 км от телеграфной станции находился лагерь, где содержалось 50–60 тыс. чел., в последующие годы 12–15 тыс. чел., (погибло 50 тыс. чел.) Лагерь был расформирован в 1943–1944 гг. [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 36] В трех км восточнее Пскова, в поселке «Кресты», в бывших мастерских псковской МТС размещался лагерь, который был создан в июле 1941 г. (погибло 65 тыс. чел.) [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 28-30]. В Псковском районе в совхозе «Диктатура» (6 км западнее г. Пскова) в свинарниках находился лагерь (было уничтожено 1200 чел.) [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 43], в деревне Затроповье был лагерь, где ежедневно истреблялось 2500 чел., [2. Оп. 6. Д. 1. Л. 140–140-об], в поселке Моглино (в 10–12 км юго-западнее Пскова) в конюшнях бывшей погранзаставы был лагерь (в нем было уничтожено 260 военнопленных и 107 мирных граждан) [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 17]. Был лагерь в поселке Черех Псковского района [3. Оп. 39. Д. 334. Л. 5]; в поселке Черняковичи с 1941 г. по 1944 г. находился концлагерь в бывших зданиях психбольницы [3. Оп. 39. Д. 334. Л. 5]. В Псковском районе в деревне Овсище тоже был лагерь [3. Оп. 39. Д. 334. Л. 5].

В трех километрах юго-восточнее г. Дно в местечке Колотушино

находился лагерь, в котором содержалось не менее 12–15 тыс. чел., [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 42], на территории лагеря была газовая камера и погибло не менее 25 тыс. чел. [3. Оп. 39. Д. 316. Л. 1, 9, 133, 157, 191].

На территории завода «Маяково» Новосельского района Катенского сельсовета был лагерь, где содержалось до 3900 чел. [3. Оп. 39. Д. 320. Л. 2, 78–80].

В Островском районе существовало два лагеря для военнопленных [2. Оп. 6. Д. 47. Л. 5, 5-об]. В поселке Грызавино Островского района в августе 1941 г. был организован лагерь на торфоразработках, где содержалось 300 чел., (погибло 216.) [3. Оп. 39. Д. 321. Л. 3]. В Плюсском районе с. Заполье в период оккупации существовал концлагерь, где умерло от голода около 70 чел. [3. Оп. 39. Д. 457. Л. 20-об], в поселке Плюса в лагере только за два месяца 1941 г. было расстреляно 125 чел. и умерло от голода около 100 чел. [3. Оп. 39. Д. 321. Л. 3].

В Порховском районе в деревне Заполянье в лагере было уничтожено свыше 3 тыс. чел. [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 18], в городе Порхове существовали лагеря для военнопленных, где было расстреляно свыше 5 тыс. чел. [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 18], в августе 1941 г. на территории бывшего военного городка г. Порхова был организован лагерь, который существовал до 1944 г. В нем размещалось одновременно от 25 до 30 тыс. чел., (погибло от 75 до 85 тыс. чел., за 1942–1943 гг. умерло свыше 4 тыс. военнопленных, 230 из них – заболевших тифом – были сожжены на кострах) [2. Оп. 3. Д. 8. Л. 18].

После краткого обзора существовавших концлагерей приступим к более подробному рассмотрению системы лагерей для военнопленных. С начала оккупации, т. е. с июля – августа 1941 г. на территории захваченных северо-западных областей были созданы лагеря, в которых содержались от 1 до 10 тыс. пленных солдат и офицеров. В сентябре-октябре 1941 г. создавались наиболее крупные лагеря, с числом военнопленных более 10 тыс., одновременно организовывались и десятки более мелких пунктов заключения военнопленных, в которых содержались от нескольких десятков до нескольких сотен солдат.

Система лагерей, созданная на оккупированной фашистами территории, представляла собой сложную структуру. Так например, «Дулаг» № 110 в г. Старая Русса имел несколько подразделений, подчинявшихся ему и дислоцировавшихся на большом расстоянии от самого лагеря. Так, в Шимске находился сборный пункт, в котором в ноябре 1942 г. содержались 375 военнопленных [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 79], на станции Волот тоже располагался лагерь, подчиненный «Дулагу» № 110. В обоих лагерях в это время содержалось 4 тыс. пленных солдат. В д. Горцы, недалеко от Шимска находился еще один пункт заключения, подчиненный лагерю в Старой Руссе.

Небольшие лагеря носили статус рабочих команд. Труд военнопленных использовался для нужд наступающего вермахта. Использование труда советских пленных фашистскому руководству представлялось явлением естественным и нормальным. Военнопленные, как правило, использовались на ремонте и очистке дорог, железнодорожных путей, постройке и ремонте мостов. Рабочие команды военнопленных были приписаны к тому или иному «шталагу». Они были зарегистрированы в стационарном лагере, отсюда они получали приказы и наказания. «Шталаги» являлись для них базовыми и опорными центрами [9, с. 268].

Крайне тяжелым было положение советских военнопленных в зоне действия 18-й немецкой армии, которой командовал генерал-полковник фон Кюхлер. В начале ноября 1941 г. отдел оберквартирмейстера констатировал, что уход за военнопленными «ни в коей мере» не является достаточным, так как пленные «поступают совершенно изголодавшими и страдают от холода из-за плохой одежды и условий размещения» [5, с. 20].

Рассмотрим особенности жизни в военных концлагерях. Условия жизни во всех лагерях были одинаковыми. Нередко лагерь для военнопленных представлял собой огороженный колючей проволокой участок земли, где люди находились круглые сутки под открытым небом. [12. Оп. 1. Д. 220. Л. 12]. Зимой лагеря устраивались в помещениях неотапливаемых конюшен, свинарников, дощатых сараев. [12. Оп. 1. Д. 220. Л. 12]. Не только зимой 1941–1942 гг., но и в 1943–1944 гг. лагеря советских военнопленных являлись самыми настоящими лагерями уничтожения. Изнурительный, голодный режим содержания и использования военнопленных приводил их к не знающей прецедентов смертности. Так например, в селе Медведь Новгородской области, около 5 тыс. советских солдат были загнаны в здания конюшни и манежа, при этом конюшня представляла собой коробку без крыши, а манеж, наоборот, находился под крышей, но без стен [1. Ф.Р. – 1293. Оп. 1. Д. 34. Л. 277, 301]. В отдельных местах, например в деревне Корпово Полавского района, жилищем военнопленных были шалаши из хвои и открытые земляные щели [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 9]. В Старорусском районе лагерь военнопленных находился в помещении бывшей сенобазы [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 35].

Со стороны руководства, во всех лагерях устанавливался жесткий режим, ограничивающий все сферы жизни заключенных, включавший подчинение строгим правилам лагерной жизни и непрерывный, каторжный труд. Так, Г.К. Степанов, работавший врачом в лагере военнопленных в поселке Волосовского района, рассказывал: «За время моей работы в лагере мне приходилось встречаться с рядом зверств и издевательств со стороны немецких

оккупантов. Все военнопленные помещались в неотопливаемом помещении. Они размещались на нарах в два этажа и под нарами лежали плотно друг к другу, без постельных принадлежностей» [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 9].

В июле 1941 г. в трех километрах восточнее города Пскова, возле шоссе Ленинград – Остров – Киев, на территории бывших Псковских машинно-тракторных мастерских, в поселке «Кресты», был организован крупный лагерь. Его территория была оцеплена двойной, а местами тройной, стеной колючей проволоки. Первое время пригнанные в него военнопленные были размещены прямо под открытым небом, и только позднее были построены, силами самих же военнопленных, дощатые бараки, не имевшие ни пола, ни нар, ни отопительной системы [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 34]. Такой же лагерь военнопленных немецким командованием был организован в местечке «Пески», расположенном в полутора километрах от станции Псков-I и Псков-II. Площадь размером 600 на 800 м была обнесена двойной стеной густо переплетенной колючей проволоки. Пленные размещались в совершенно непригодных для жилья дощатых бараках, не имевших никакого иного оборудования [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 35].

В Дновском лагере для размещения военнопленных было занято более 15 крупных бараков, в которых по показаниям свидетелей размещалось одновременно не менее 12–15 тыс. чел. Площадь лагеря, в Колотушино превышала 1500 квадратных метров. Военнопленные советские военнослужащие находились в исключительно тяжелых условиях. Помещения, в которых жили люди, не имели ни нар, никакого другого оборудования. Пленные лежали на грязном полу, на котором не было даже подстилки из соломы. Режим обоих лагерей был рассчитан также на изнурение его заключенных непосильным трудом и умерщвление их голодом. Широкое применение имели в обоих лагерях и расстрелы [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 48].

На территории военного городка в Завеличском районе, в городе Пскове для размещения военнопленных были использованы конюшни бывшей кавалерийской дивизии. Каждая из них имела длину 84 м и ширину 23 м, причем в этих помещениях, числом свыше 30, оборудованных тремя рядами нар, помещалось не менее 2 тыс. человек. Следовательно, из-за исключительной перегруженности помещений и нехватки мест на нарах, заключенные вынуждены были сидеть и лежать под нарами практически на земле. Таким образом, по показаниям свидетелей, общее количество обитателей лагеря достигало временами до 100 тыс. чел. [3. Оп. 39. Д. 455. Л. 34].

С целью предумышленного умерщвления военнопленных советских военнослужащих германское командование использовало и так называемый «госпиталь», находившийся по Интернациональной

улице Пскова в зданиях бывшей колхозной поликлиники, гараже и бараке № 45 Первой советской больницы. Никаких, даже самых элементарных условий для лечения заболевших и раненых военнопленных в нем создано не было. Не было никакого оборудования, ни коек, ни матрацев, ни посуды, ни белья и даже соломы, больных клали прямо на грязный пол. Когда помещения переполнялись, больных выносили в коридор и на улицу, в гаражи и сараи. Весь режим госпиталя был рассчитан на предумышленное уничтожение раненых и военнопленных путем оставления их без медицинской помощи, создания крайне тяжелых и непосильных даже для здорового организма условий существования, а также голода [З. Оп. 39. Д. 455. Л. 38].

Голод, изнуряющий труд, побои, расстрелы – свидетельства того, что военнопленные систематически истреблялись немцами. Условия в лазарете для военнопленных по существу не отличались от условий в лагере. Тот же врач Степанов рассказал: «Отсутствие хотя бы примитивных больничных условий (подушки, одеяла, простыни), наличие большой скученности и отсутствие диеты, крайне необходимых для излечения подобного вида больных, приводило их к массовой гибели» [З. Оп. 34. Д. 373. Л. 9, 10].

Таким образом, из всех вышеприведенных фактов можно сделать вывод, что немецкое командование не создало никаких условий для жизни военнопленных в лагерях, и следовательно, преследовало единственную цель – уничтожить советских военнопленных.

Во всех лагерях военнопленных на территории северо-запада страны был создан каторжный режим пребывания в лагерях. Исправная одежда и обувь отбиралась у военнопленных и сдавалась на склады для германской армии. Взамен ничего не выдавалось, военнопленные ходили на работу зимой и летом в рваных гимнастерках или нательном белье с намотанными на ноги тряпками. Жительница города Старая Русса В.Ф. Андерсон сообщала: «В 1942 году, когда части Красной Армии прорвались на окраину города и немецким частям удалось оттеснить их, были взяты в плен несколько красноармейцев. Этим пленным немцы разували прямо на поле боя, так как в город их вели уже босыми и без рукавиц. Я сама видела, как мимо моего дома по ул. Бетховена гнали партию пленных. Один из них был обут в валенки и на руках имел рукавицы. Когда это увидел немецкий конвоир, то угрожал ему оружием, заставил сесть прямо на дорогу и снял с него валенки и рукавицы, дальше пленный пошел в одних портянках» [З. Оп. 34. Д. 373. Л. 9].

Житель местечка Пески, Ф.И. Яснгов рассказывал: «...лагерь находился от моего дома, примерно, метров 600 ... одновременно число содержащихся в нем достигало 12–35 тысяч человек. Почти

каждый день прибывали и новые пополнения, причем обитатели лагеря гибли в огромных количествах. В 1942 году немцы сожгли целый барак, наполненный заболевшими тифом, когда перегоняли военнопленных из лагеря в лагерь, очень часто обессиленных военнопленных пристреливали на месте...» [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 36].

Жительница оккупированного Пскова А.М. Михайлова вспоминала, что если кому-либо из прохожих удавалось перебросить через проволоку находившегося на территории военного городка лагеря корку хлеба, то охрана выбивала хлеб из рук военнопленного, а его самого до полусмерти избивала палками и прикладами: «Я сама видела, как проходившему под конвоем военнопленному одна деревенская женщина подала морковь. Немец-конвоир ударил его по голове толстой березовой палкой. От удара он упал и тогда немец пристрелил его, а морковь положил возле трупа, подчеркивая, что она была причиной его смерти» [3. Оп. 39. Д. 455. Л. 31]. Описанный голодный режим в отношении военнопленных сочетался с изнурительным, непосильным трудом. И уже первые дни пребывания в лагере тягчайшим образом отражались на организме человека.

Священник Иван Спиридонович Иванов, переживший немецкий оккупационный режим в городе Пскове рассказывал: «С первых же дней захвата города немцами, по улицам его гоняли голодных, полуодетых и почти босых наших русских военнопленных, жуткую картину представляли собою эти несчастные страдальцы, двигавшиеся, как тени, державшиеся друг за друга от истощения. Мы видели своих братьев, умирающих от голода, и не имели ни прав, ни возможности оказать им посильную помощь. Принявшего ее тут же, среди белого дня, на глазах народа расстреливали. Пристреливали и тех пленных, которых покидали остатки сил и от истощения они не могли дойти до лагеря» [3. Оп. 39. Д. 455. Л. 32].

Смертность в созданных для содержания военнопленных лагерях приобрела невиданные размеры. Среди военнопленных началось настоящее вымирание. Армейское командование было вынуждено принять меры для спасения не только работающих, но и всех военнопленных. Выполнение этих мер было сопряжено, однако, с большими сложностями, прежде всего с нехваткой продовольствия. 7 ноября 1941 г. был представлен «перечень срочности» продовольственной политики, согласно которому снабжать следовало в первую очередь гражданских лиц, находящихся на службе у оккупационных властей, затем – работающих военнопленных, далее – неработающих военнопленных и в самую последнюю очередь – гражданское население. При этом констатировалось, что средств хватает лишь для снабжения первой группы. Активные мероприятия по борьбе с голодом среди населения были отклонены [11, с. 115].

С критикой продовольственной политики выступил комендант тыла 18-й армии генерал-майор Кнут. В своей докладной записке от 15 ноября 1941 г. он отмечал перемену настроения среди населе-

ния, которое поначалу «радостно приветствовало наступающие войска». «Дикие реквизиции», конфискация фуража так, что невозможно стало кормить «последнюю корову», плачевное положение эвакуированных, голод и вымирание среди военнопленных создавали дополнительную напряженность. Кнут предлагал смягчить оккупационную политику: «Надо дать людям есть...» [11, с. 115].

Показаниями многочисленных очевидцев установлено, что в лагере «Кресты» Псковской области широко применялись расстрелы, причем расстреливали особенно много людей, потерявших силы от истощения и голода, так как суточный паек 110–150 г недоброкачественного хлеба и от 500 до 1000 г жидкой похлебки из испорченного, неочищенного картофеля был установлен и здесь [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 33].

Очевидец тех событий, Л.В. Анисимова вспоминала: «В лагере для военнопленных Псковской области "Песках" бойцов и офицеров Красной Армии содержали в ужасных условиях, людей раздевали, снимали обувь и вместо обуви давали тряпье. Кормили супом из картофельной шелухи, иногда бросали кошек. Хлеба давали менее 100 граммов и нерегулярно. Люди массами гибли от истощения. Часто в одну яму бросали вместе с мертвецами и живых людей, находящихся на стадии крайнего истощения» [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 35].

Находившийся на излечении в «госпитале», располагавшемся на Интернациональной улице Пскова, бывший военнопленный сержант И.Г. Маляренко рассказывал: «Питание состояло из 150 граммов хлеба с примесью древесных опилок и пол-литра жидких щей или супа "баланды". В январе и феврале 1942 года питание стало еще хуже. Ту же порцию пищи нам давали уже через день или через два дня» [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 38]. Работавший там врач Котельников добавлял: «В Псковском лазарете военнопленных питание было явно недостаточным. Военнопленные ловили и ели лягушек, а также съели всю траву во дворе лазарета. Зимой было очень холодно, окна были забиты очень узкими досками, между которыми зияли огромные щели. Больные и раненые лежали укрывшись с головой ветхим одеялом или шинелью, а часто ложились по двое, стараясь согреть друг друга своим костлявым телом. Голод, холод и вшивость приводили к различным заболеваниям. Сыпной тиф, простудные болезни, голодные поносы ускоряли гибель. Раны долго не заживали, больные и раненые фактически умирали от голода» [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 39].

П.Н. Дерюгина, проживавшая в деревне Сырково и бывавшая в Новгороде, вспоминала: «Я хорошо помню, что в мое посещение Новгорода а августе 1941 года все окраинные дома были целы и много было таких улиц, где все дома были сохранены. Немцы гоняли пленных разбирать хорошие кирпичные дома, а кирпич увозили по железной дороге, причем, разбирали не разрушенные дома» [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 23].

Лагеря для советских военнопленных были созданы в большинстве районов Новгородской области. Военнопленные подвергались в них неслыханным издевательствам. Характерным для всех концлагерей является обращение с военнопленными в лагерях Демянского района. Так, в лагере деревни Кривая Часовня содержалось 380 военнопленных. Питание для пленных готовили из тухлого конского мяса. Суп и хлеб (150–180 г) выдавали один раз в сутки. Пленных заставляли выполнять тяжелую работу по заготовке леса, стройке дорог, для строительства которых заставляли на себе носить бревна из леса за 2 км. Тех, кто не мог идти и падал, охрана лагеря избивала и пристреливала. В этом лагере погибло 118 чел. Один пленный пытался бежать, но неудачно. После этого по приказу коменданта из лагеря было выведено 10 чел. Всех их на глазах остальных расстреляли. Двух военнопленных немцы вывели из лагеря и привязали веревками к телеграфным столбам на высоте 50 сантиметров от земли. В таком положении они находились двое суток и немцы, проходя всякий раз, издевались над ними: кололи штыками, ножами, бросали в них палками и т. д., пока не замучили их. В лагерях военнопленных Чудовского района было истреблено немцами 53250 чел. [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 35].

В Новгороде для советских военнопленных был организован ряд лагерей: в Зверинском монастыре, на черепичном заводе, в Колмовской больнице и в Григорове. Из опросов военнопленных немецких солдат и опросов советских солдат и советских граждан, проживавших в период оккупации в местах расположения лагерей, установлено, что пленные советские военнослужащие, в том числе больные и раненые, подвергались систематическим издевательствам, побоям и ежедневно десятками умирали голодной смертью. Санитарка Колмовской больницы, где размещался лагерь военнопленных, Анна Васильевна Фурина рассказывала: «В 1942 г. на территории нашей больницы вспыхнула эпидемия тифа. Тифозные и раненые лежали в одном корпусе. Умирали люди в большом количестве, больше не от болезней, а от голода» [7, с. 20]. Новгородская областная комиссия установила, что в Новгороде погибло 3,5 тыс. военнопленных [8, с. 20].

Таким образом, опираясь на вышеприведенные примеры, можно сделать вывод, что основной целью организации всех лагерей в оккупированных областях северо-запада страны немецко-фашистское командование ставило массовое умерщвление военнопленных.

Следовательно, весь период оккупации на территории северо-западных областей целенаправленно и планомерно уничтожались военнопленные в концентрационных лагерях. По данным Ленинградской областной комиссии по расследованию злодеяний оккупантов в лагерях для военнопленных погибло 109955 чел. [12. Оп. 1. Д. 271. Л. 17].

По данным Новгородской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в лагерях для военнопленных на этой территории погибло 186760 чел. [3. Оп. 34. Д. 373. Л. 18]. Псковской областной комиссией документально доказан факт преднамеренного уничтожения на территории Псковской области за период временной ее оккупации 371755 военнопленных советских военнослужащих [2. Оп. 3. Д. 93. Л. 48].

Таким образом, на оккупированной территории северо-запада страны был создан ряд концентрационных лагерей для советских военнопленных. Военнопленные подвергались в них неслыханным издевательствам. Все факты говорят о том, что немцы поставили перед собой задачу массового истребления военнопленных. В результате немецко-фашистской политики в отношении военнопленных советских граждан на территории Северо-запада страны, население, которое вернулось из концлагерей, было физически подорвано, что впоследствии не давало возможности стабильного воспроизводства.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО.) Ф.Р. – 3735.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО.) Р. – 903.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Москва (ГАРФ.) Ф. Р. – 7021.
4. Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1975.
5. Зверства немецко-фашистских захватчиков: документы. – М., 1944. – Вып. 12.
6. И ничто не забыто: документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле. – Новгород: Кириллица. 1996.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. – М., 1960. – Т 1.
8. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 7 т. – М., 1958. – Т. 3.
9. Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, уничтожение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине. – М., 2002.
10. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. – М., 1968.
11. Северо-запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – СПб., 2005.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.) Ф. 9421. Оп. 1.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 378.662.9(470.23-25)«1809/2009»:001.89
ББК 72.4(2)713г

*В. В. Фортунатов**

Становление научных школ в Петербургском государственном университете путей сообщения – старейшем транспортно-строительном вузе России

В статье характеризуются научные школы, сформировавшиеся в Петербургском государственном университете путей сообщения за более чем 200-летнюю историю его существования. Обращается внимание на то, что ученые вуза внесли серьезный вклад не только в развитие специальных научных дисциплин, таких как мостостроение, строительные материалы, проектирование и т. д., но и значительно обогатили фундаментальную науку.

The article characterizes scientific schools formed in the St. Petersburg State University of Communications for more than 200 year history of its existence. Attention is drawn to the fact that university scientists made a major contribution not only to the development of special scientific disciplines, such as bridge engineering, building materials, design, etc., but also greatly enriched fundamental science.

Ключевые слова: Россия, научная школа, Петербургский государственный университет путей сообщения, Корпус инженеров путей сообщения, специальные научные дисциплины.

Key words: Russia, Scientific School, St. Petersburg State University of Communications, the Corps of Engineers of Railway Transport, special disciplines.

Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ныне ПГУПС) был основан 2 декабря 1809 г. ИКИПС возник в период очередных российских реформ, которые в правление Александра I (1801–1825) проводились М. М. Сперанским (1772–1839). Высшее руководство страны, наиболее дальновидные государственные деятели стремились избавить Россию от возможной революции наподобие тех, что произошли в Нидерландах, Англии, Северной Америке и Франции. Новые люди, подготовленные в открывавшихся учебных заведениях на основе лучшего мирового научного и педагогического опыта, должны были повести страну путем постепенной эволюции.

* **Фортунатов Владимир Валентинович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения

Эпоха глобального перехода от феодализма к капитализму сопровождалась острыми противоречиями, наиболее масштабным из которых стали наполеоновские войны. ИКИПС возник в краткий мирный промежуток в острых взаимоотношениях между Россией и Францией. Благодаря стечению обстоятельств и настойчивым усилиям ряда известных российских деятелей первым ректором ИКИПС стал ученый-энциклопедист и признанный организатор высшей школы испанец Агустин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия и Молина де Бетанкур, получивший в России известность под именем Августин Августинович Бетанкур. Первыми преподавателями стали представители французской Политехнической школы и Школы мостов и дорог К. И. Потье, П. П. Базен, Г. Ламе, Б. Клайперон, которые работали бок о бок с крупнейшими российскими учеными, такими как М. В. Остроградский, Н. И. Фусс, Д. С. Чижов и др.

С самого момента основания Институт Корпуса инженеров путей сообщения выступал не только как центр подготовки инженерных кадров, способных создать в стране сеть путей сообщения, соответствующую её размерам и обеспечивающую решение важнейших экономических, социальных, военно-стратегических и геополитических задач. ИКИПС выступал как мощный форпост российской науки, где ученые призваны были решать важные прикладные и теоретические вопросы транспортной отрасли с применением самого передового научного аппарата высшей математики и новейших достижений механики.

Научные школы в первом высшем транспортном учебном заведении России стали возникать с самых первых лет работы ИКИПС, что было связано с активной разработкой в институте различных направлений, связанных с созданием сети сухопутных и водяных путей сообщения: строительная механика, строительные материалы, дорожное и мостовое строительство, гидротехника, портостроение, железнодорожное строительство и др.

Под научной школой понимается устоявшаяся система научных исследований (в одной из отраслей наук), возглавляемых признанными в научном мире крупными лидерами, а также имеющая неординарные положительные результаты теоретических и практических работ, учеников-последователей и перспективы развития.

Особое место среди первых научных школ занимает мостостроительная, обеспечивающая проектирование, строительство и последующую эксплуатацию мостовых переходов на новой основе – с математическим обеспечением прочности. Мостостроительная школа дала России выдающихся инженеров-ученых: А. А. Бетанкура, Д. И. Журавского, Н. А. Белелюбского, Л. Д. Проскурякова, Г. П. Передерия и многих других.

Так, Николай Апполонович Белелюбский (1845–1922) окончил ИКИПС в 1867 г., а уже в 1873 г. – был профессором ИИПС. В 1868–1886 гг. на железнодорожной линии Петербург – Москва Н. А. Белелюбский заменил все деревянные мосты на металлические. Он разработал 56 типов мостовых сооружений. Одним из первых Н. А. Белелюбский стал широко применять железобетон в строительных работах. По его инициативе началось сооружение пролетных строений мостов из литого железа. Была разработана технология поточного изготовления мостов. На заводах изготавливались отдельные секции, элементы мостовых переходов, которые доставлялись по железной дороге к месту строительства и затем быстро монтировались. Таким способом было изготовлено более 100 мостов. Белелюбский представлял отечественное мостостроение на многих конференциях в Европе. С 1912 г. он являлся президентом Международного общества по испытанию строительных материалов, что являлось признанием достижений ученых ПИИПС в этой области [4, с. 230–231, 291].

подавляющее большинство таких сооружений, как набережные с их пристанями-спусками, многочисленные мосты из дерева, металла, камня, большие, средние и малые, различных конструкций, с разводными пролетами и без них – все это плод труда питомцев и профессоров Путейского вуза.

Мостостроительная школа со временем превратилась в национальную российскую школу, представители которой и в начале XXI в. решали сложные исследовательские и практические задачи, связанные со строительством мостов новейших конструкций. Так, например, специалисты научно-исследовательских институтов «Ленгипротранс», «Гипростроймост – Санкт-Петербург» с участием других организаций, где трудятся в основном выпускники ПГУПС, в 2006–2007 гг. подготовили проект уникального вантового моста через бухту Золотой Рог во Владивостоке протяженностью 1400 м.

С 1820-х гг. берет свое начало одна из ранних школ с многочисленными научными направлениями – «Строительные материалы». Эта школа возникла благодаря работам А. Рокура, Б. Клайперона и их последователей М. С. Волкова и Н. И. Богданова. Эта научная школа включила в себя и научные достижения в области химии вяжущих.

Раннее бурное развитие получили математическая, физическая школы, школы начертательной геометрии, теоретической и прикладной механики, которые непрерывно обогащали своими достижениями научные школы в области прикладных наук (строительное искусство, строительная механика и т. д.).

У истоков многих научных школ стояли ученые с мировым именем, выпускники или преподаватели ведущего транспортного вуза –

строители железной дороги Санкт-Петербург – Москва П. П. Мельников и Н. О. Крафт, строитель первого постоянного моста через Неву (Благовещенского) С.В. Кербедз, создатель Периодической системы химических элементов Д. И. Менделеев*, выдающийся механик С. П. Тимошенко, специалист в области водоснабжения В. Е. Тимонов, паровозостроитель А. П. Бородин и многие другие. В честь этих выдающихся ученых поставлены памятники, изготовлены медали, их имена присваивались институтам, станциям, городам, улицам, учебным лабораториям. Картинная галерея выдающихся ученых, расположенная в аудиториях, залах и коридорах современного Петербургского государственного университета путей сообщения, включает более 80 полотен.

Наука о проектировании железных дорог началась с анализа заграничного опыта, так как в Европе железнодорожный транспорт появился в 1825 г. В 1835 г. вышла в свет книга преподавателя ИИПС инженера-майора Павла Петровича Мельникова «О железных дорогах», где были изложены его теоретические исследования вопросов взаимодействия железнодорожного пути и подвижного состава и др. Мельникову принадлежит заслуга создания номенклатуры технических и железнодорожных терминов и слов, которые и поныне сохраняются в научном и практическом обиходе. В железнодорожной отрасли России используется собственный сочный и точный русский «железнодорожный язык». Ещё в 1844 г. П. П. Мельников на основе экономических расчетов подготовил проект сети главных линий железных дорог России протяженностью 11 тыс. км. В 1866 г. новый план развития сети железных дорог, подготовленный уже министром путей сообщения генералом П. П. Мельниковым, был утвержден Александром II и в последующие 50 лет был почти целиком выполнен. Не будет преувеличением утверждать, что в каждой из 70 тыс. верст железных дорог, которыми располагала Россия к 1913 г., была частица труда ученых первого транспортного вуза страны.

П. П. Мельников был не только выдающимся ученым, но и замечательным русским патриотом. Он считал, что Россия не должна закупать за границей подвижной состав, как это делалось в первые десятилетия развития железных дорог в стране. Во многом благодаря ученым, сотрудникам и даже студентам ИИПС в России было налажено собственное производство локомотивов, вагонов, рельсов, шпал, железнодорожных креплений и многого другого. Император Николай I дважды посещал выставки дипломных работ студентов института.

* Именно в стенах ПИИПС Д. И. Менделеев завершил работы по созданию своего самого популярного в России изделия. Одна из лабораторий в ПГУПС носит имя великого русского ученого. См.: Фортунатов В. В. Российская история в лицах. – СПб.: Питер, 2009. – С. 351–352.

Инженер-технолог и инженер путей сообщения Александр Парфентьевич Бородин (1848–1898) уже в 28 лет был назначен управляющим Юго-Западными дорогами. Он разработал и внедрил более гибкую и оперативную систему управления, приблизившую руководство служб к производству, к линейным подразделениям, предоставив им значительную самостоятельность. Предпринятые меры позволили четко организовать воинские перевозки во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ещё более известен стал построенный под руководством А. П. Бородина первый четырехцилиндровый паровоз тандем-компаунд, имевший двукратное расширение пара. Это произошло в 1885 г., на пять лет раньше появления подобного паровоза в США. А. П. Бородин предложил так называемые «паровые рубашки» в машинах паровозов. Парижское общество гражданских инженеров за это инженерное решение присудило автору золотую медаль [2, с. 38–39].

Научные школы в комплексе зданий, сегодня расположенных по адресу Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 9, появлялись не случайно. В XIX – начале XX в. не употреблялись понятия «технополис», «бизнес-инкубатор» или «инновационный центр». Но именно в Петербургском институте инженеров путей сообщения создавались настоящие испытательные центры – первые в стране и в мире. Так, Механическая лаборатория на протяжении более ста лет являлась единственной всероссийской лабораторией строительных материалов и конструкций. В Институте были созданы и самые передовые для своего времени гидравлическая, гидротехническая, электротехническая лаборатории, использовавшиеся как в учебных, так и в научно-исследовательских целях.

В эпоху первой российской, тогда капиталистической, индустриализации огромный опыт, накопленный в ПИИПС за первые пятьдесят лет развития, оказался весьма востребованным. В последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в. в России появилась сеть железных дорог протяженностью более 70 тыс. км. Были осуществлены такие масштабные проекты, как строительство Транссибирской магистрали (1891–1901) и Великого Северного пути (1915–1917). Этот период характеризовался становлением и совершенствованием новых направлений транспортной науки, среди которых автоматика и телемеханика, транспортная связь и радиотехника, управление движением поездов, электроснабжение железных дорог, промышленный и городской рельсовый транспорт.

Во второй половине XX – начале XXI в. ЛИИЖТ «добрался» до космоса. Дело в том, что вся транспортная инфраструктура (специальные пути) космодрома Байконур была запроектирована и сконструирована коллективом кафедры «Железнодорожный путь» во главе с профессорами С. В. Амелиным, М. П. Смирновым и

В. Ф. Яковлевым. В настоящее время межкафедральное объединение, связанное с обслуживанием транспортных нужд Байконура, возглавляет кафедра «Изыскания и проектирование железных дорог».

В советское время, с 30-х по 80-е гг. XX в. старейший транспортный вуз страны был известен как ЛИИЖТ – Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Не все знают, что до 20-х гг. XX в. в Ленинградском институте инженеров путей сообщения имелись факультеты, на которых готовили специалистов не только по железнодорожным, но и по автомобильным, водным и воздушным путям сообщения. Так, ещё в 1909 г. в ИИПС появилось направление, связанное с воздушным сообщением. Первую программу и первый курс прочитал энтузиаст воздухоплавания профессор Н. А. Рынин. В институте работал первый в России воздухоплавательный кружок. В 1914 г. в ИИПС проходил III Всероссийский съезд воздухоплавателей, на котором присутствовали многие пионеры-воздухоплаватели и известные ученые, такие как И. И. Сикорский, С. А. Чапыгин, А. А. Саткевич, К. Э. Циолковский. В 1930–1932 гг. на базе ЛИИПС возникли Ленинградский институт инженеров воздушного флота, Ленинградский институт инженеров водного транспорта, Ленинградский автодорожный институт, Военно-транспортная академия. В эти вузы перешли ученые, профессора, преподаватели из ЛИИПС, благодаря которым в новых учебных заведениях были сразу налажены полноценный учебный процесс и профилированные научные исследования.

На протяжении двухсот лет возникло более 30 главных и крупнейших научных школ. Среди них следует выделить те, которые имеют общероссийское значение для всех отраслей народного хозяйства. Это научные школы в области водоснабжения, водоотведения, гидравлики, оснований и фундаментов, тоннелей и метрополитенов. В последние десятилетия всероссийское признание получили достижения ученых института в области неразрушающего контроля объектов транспорта, информатики и вычислительной техники, экономики транспорта.

Научные школы вуза – главная сокровищница знаний, предмет гордости преподавательских коллективов факультетов и кафедр. Не будет большим преувеличением утверждать, что на протяжении всей двухсотлетней истории института целый ряд его ученых, не являвшихся профессиональными историками по своему образованию, выступили в качестве авторов серьезных исторических трудов. В связи с 250-летием со дня рождения (февраль 1758 г.) первого ректора ИКИПС состоялась международная научно-теоретическая конференция [3], вышли новые работы, посвященные А. А. Бетанкуру [7]. Большая научная делегация из ПГУПС в феврале 2008 г. побывала в Мадриде, а также на Канарских островах, в городе Пуэрто-де-ла-Крус, в котором родился будущий великий механик. Солидная

монография появилась к 200-летию со дня рождения выпускника ИКИПС, первого министра путей сообщения России Павла Петровича Мельникова (1804–1880) [1]. К 200-летию университета вышла солидная и прекрасно иллюстрированная «История Петербургского государственного университета путей сообщения». Первый том представляет собой переиздание фундаментальной работы выпускника института А. М. Ларионова, вышедшей к 100-летию университета. Последующее столетие представлено двумя книгами, составившими второй том [5]. Целый ряд книг был выпущен некоторыми факультетами и даже кафедрами. Поэтому с полным основанием можно говорить о наличии в университете своей исторической научной школы с такими главными направлениями, как история транспорта и история первого транспортного вуза страны.

Список литературы

1. Воронин М. И., Воронина М. М., Киселёв И. П. и др. Мельников – инженер, ученый, государственный деятель. – СПб.: Гуманистика, 2003.
2. Выдающиеся выпускники и деятели Петербургского государственного университета путей сообщения. – СПб.: ПГУПС, 2009.
3. Известия Петербургского университета путей сообщения. – СПб.: ПГУПС, 2008. – Спец. вып.
4. История железнодорожного транспорта России. – Т. I: 1836–1917 гг. – СПб., 1994.
5. История Петербургского государственного университета путей сообщения: в 2 т. – 3 кн. – СПб.: ПГУПС, 2009.
6. Научные школы Петербургского государственного университета путей сообщения. 1809–2009 / под ред. В. В. Сапожникова. – СПб.: ПГУПС, 2009.
7. Павлов В. Е. Русский испанец. – СПб.: ПГУПС, 2007.

УДК 94(470.23-25)«18»:614.842
ББК 38.96г(2)5

*М. П. Бородин**

Система оповещения о пожарах в столице Российской империи в XIX в.

В статье показано становление и развитие системы оповещения о пожарах в России в XIX в. Наибольшее внимание уделяется каланчовой службе и эволюции ее использования в указанный период.

The article shows the formation and development of warning systems for fires in Russia in the XIX century. Most attention is paid to watchtower service and the evolution of its use in the period.

* **Бородин Михаил Павлович**, старший преподаватель кафедры переподготовки и повышения квалификации, Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России

Ключевые слова: каланча, оповещение, системы сигнализации, каланчовые сигналы, «пожарный телеграф», электросигнальный пожарный звонок, комбинация сигналов, сила (номер) пожара, район выезда части, технический прогресс, динамика, альтернатива.

Key words: fire-observation tower, fire alarm notification, signalization systems, fire-observation tower signals, “fire alarm telegraph”, electrical signal bell for fire alarm, signal combination, fire force (number), fire station district, technical progress, dynamic, alternative.

История человеческого общества сопровождалась и продолжает сопровождаться пожарами, из-за которых гибли целые цивилизации, города, селения. Причиной пожаров являлись некоторые природные явления, а чаще сам человек – его беспечность или преднамеренные действия. Поэтому на всех этапах развития человеческого общества происходило строительство пожарной охраны, призванной обеспечить пожарную безопасность общества. Успешная деятельность пожарной охраны определяется несколькими составляющими, одна из которых – оповещение о пожарах – в результате развития стала системой оповещения о пожарах пожарных и населения, а в дальнейшем – в целом, системой связи пожарной охраны.

Издавна звон колокола на Руси оповещал народ о надвигающейся опасности пожара, набега врагов или призывал к мятежам. При возникновении пожара беспорядочный звон колоколов вносил сумятицу, люди выбегали на улицу, не ведая, откуда идет огненная напасть, куда бежать с противопожарными инструментами, выполняя пожарную повинность. Вероятно, именно эти обстоятельства привели в 1668 г. к появлению звуковой набатной сигнализации, устанавливавшей порядок подачи сигналов о пожаре в Москве: «Буде загорится в Кремле городе, в котором месте нибудь и в тою пору бить во все 3 набата в оба края по скору. А буде загорится в Китае, в котором месте нибудь, и в тою пору бить оба же края полехче, один край по скору же. А буде загорится в Белом городе от Тверских ворот по правой стороне где нибудь до Москвы-реки, и в тою же пору бить в Спасский же набат в оба края потише. А буде в Земляном, в обои же края и тово потише». По колокольному звону собирали народ на пожары и в других городах и поселениях [10, с. 73–74].

До 1719 г. во вновь заложенной столице Санкт-Петербурге сообщение о пожарах осуществлялось с помощью трещоток и ударов палками в доски. В 1719 г. первый петербургский генерал-полицмейстер А.Э. Девиер заменил этот способ барабанным боем. В

1740 г. для пожарной тревоги при Сенате был сформирован особый отряд барабанщиков. Позднее, в 1748 г., в Санкт-Петербурге последовало распоряжение отлить колокол в 50 пудов и повесить его при главной полицейской канцелярии.

Для лучшего обзора в некоторых городах существовал обычай ставить караульную стражу на возвышенном месте. В XVIII столетии в Москве для наблюдения за пожарами устраивались на съезжих избах «особыя башенки», из которых наблюдали дежурные полицейские за прилегающей местностью. С постройкой съезжих домов в Петербурге появились башни на значительной высоте, получившие название «каланчи» [6, с. 66]. Характерно, что каланчи строились так, чтобы дежурившие на каждой из них могли видеть друг у друга поднятые «сигналы оповещения».

С ростом городов все труднее становилось точно определять место пожара, особенно ночью и в плохую погоду. В этой связи для повышения точности информации начали строить на башнях квадратные комнаты с четырьмя окнами – по одному на каждую сторону. Почин был сделан в Вене. Здесь же у окон стали помещать таблицы с детальным описанием местности. Пошли в ход и подзорные трубы. Если венские наблюдатели обходились одной трубой, то пожарные г. Висмаре (Германия) устанавливали подзорные трубы стационарно во всех направлениях.

В XIX в. на смену подзорным трубам пришли специальные приборы – топоскопы. Прибор был несложен: астрономическая труба, закрепленная на подставке, угломерные шкалы, указатели. При повороте трубы в вертикальной или горизонтальной плоскости отсчет по указателям давал координаты пожара. Первый такой топоскоп был установлен в 1837 г. на башне Св. Стефана в Вене. Далее необходимо было найти способ быстрой передачи координат пожара брандмейстеру. Как быстро спуститься с башни высотой в 50 с лишним метров? Решили не спускаться, а спускать координаты пожара по трубе, проложенной по контуру башни с наблюдательного пункта в казарму. В верхней части труба имела воронкообразную форму и герметически закрывалась. Дозорный вкладывал адрес выезда в капсулу, вставлял ее в воронку, закрывал крышку и начинал качать ручной мех. Так, в 70-х гг. XVIII в. в пожарной охране зародилась пневматическая почта, получившая в дальнейшем широкое распространение [8, с. 59].

Коренные преобразования в оповещении о пожарах связаны с изобретением русского ученого П. Шиллинга. В 1832 г. им, а спустя пять лет американцем С. Морзе, был создан телеграфный аппарат,

который стали успешно применять при оповещении о пожарах. В 1851 г. берлинская пожарная команда впервые стала использовать для вызова на пожары аппарат системы Вернер-Сименса, в которой в качестве приемной станции вошел телеграфный аппарат Морзе. Аппараты для вызова пожарных команд были установлены в местах массового скопления людей – театрах, учреждениях и др. [12, с. 201].

В России первый уличный извещатель был установлен в Санкт-Петербурге в 1858 г., к этому же времени относится и сооружение Петербургского городского телеграфа, при помощи которого осуществлялась связь между пожарными командами города. С этого времени информация о пожаре поступала во все части города через 3 мин. после сигнала [8, с. 60].

Становление и развитие оповещения о пожарах как системы в Санкт-Петербурге начинается с создания профессиональной пожарной охраны.

29 ноября 1802 г. Александр I указом учредил при столичной полиции пожарную команду в составе 1602 чел. из солдат, неспособных к фронтовой службе [5, с. 377]. Это стало важным шагом в создании профессиональной пожарной охраны в Санкт-Петербурге, да и в целом в России.

24 июня 1803 г. вышел указ «О повинностях обывателей города Санкт-Петербурга», который освобождал жителей столицы от обязательного прибытия на тушение пожаров. Эту дату считают временем образования городской, профессиональной пожарной охраны Санкт-Петербурга. Согласно этому же указу пожарная охрана Санкт-Петербурга должна была состоять из 11 пожарных частей, по примеру западно-европейских пожарных команд. Необходимые средства на содержание пожарной охраны, в размере 36.053 р. асс., «повелено было отпускать из городских доходов». В состав новой пожарной команды вошли брандмейстеры, погонщики, «обоз» и лошади, уже имевшиеся в полицейских частях по штатам 1798 г. Во главе пожарной команды остался брандмайор с окладом в 450 р. в год. Были утверждены также штаты и расписание пожарных команд Петербурга и Москвы с определением «числа и окладов брандмейстерам», их помощникам, нижним чинам и «фурманам» при пожарных орудиях. С учреждением пожарных команд началось и строительство пожарных депо – съезжих домов с каланчами, в которых и размещаются полицейские и пожарные учреждения. Все эти нововведения по пожарной команде резко изменили хаотический

строй пожарной охраны столиц и установили до известной степени стройную противопожарную организацию [1, с. 40–41].

Указ от 24 июня 1803 г. явился историческим актом в пожарной охране России. С этого момента начались вначале в столицах, а затем по всем городам империи «действия правильно организованных пожарных команд».

Из общего числа 1602 чел., положенных по штату чинов полицейской стражи Петербурга, 786 предназначались для тушения пожаров и зажигания фонарей, а остальные – для дежурства у будок. Число лошадей при полиции положено было иметь 264 и из них 224 – для пожарных, 16 – для двух полицмейстеров и для императорских театров и Эрмитажа. На нижних чинов команды, кроме их прямой обязанности по тушению пожаров, возлагалось еще зажигание уличных фонарей, а на брандмейстеров – наблюдение.

С появлением профессиональных пожарных команд система извещения о пожарах претерпела серьезные изменения. Появилась необходимость извещать членов как дежурной пожарной команды, так и соседней с ней команд при совместном выезде на крупный пожар. Система флагов, шаров, крестов и фонарей, поднимаемых на каланче, указывала район и силу (номер) пожара. Дополнительные силы вызывались определенной комбинацией сигналов. Красный флаг или фонарь обозначали сбор всех частей, белый флаг или зеленый фонарь – требование резерва. Пожарные команды следовали к пожарным пунктам, их встречал верховой и направлял к месту пожара [12, с. 203].

К этому времени в Санкт-Петербурге были следующие пожарные части: 1-я Адмиралтейская, расположенная на Малой Дворянской, дом № 5; 2-я Адмиралтейская – на Офицерской улице, дом № 28; 3-я Адмиралтейская – на Садовой улице, дом № 58; 4-я Адмиралтейская – на Фонтанке, дом № 201; Нарвская – на Ново-Петергофском проспекте, дом № 18; Московская – на Загородном проспекте, дом № 37; Каретная – на Невском проспекте, дом № 91; Рождественская – на Мытнинской улице, дом № 3; Литейная – на Сергиевской улице, дом № 49; Васильевская – на Большом проспекте, дом № 67; Петербургская – на углу Большого проспекта и Съезжинской улицы, дом № 2; Выборгская – на Мало-Сампсониевском проспекте, дом № 6.

Поскольку с каланчи было трудно определить точно место пожара и указать его силу, то обычно на каждый пожар выезжала вся команда, собираясь для этого на сборных пунктах, назначенных в

нескольких частях города. Для сигнализации о сборе команд на пожар применялись днем цветные флаги, а ночью – фонари [6, с. 66].

Различные комбинации флагов и фонарей указывали, где произошел пожар. Так например, флаг, обозначающий, что пожар возник в районе выезда 1-й Адмиралтейской части, был красный, 2-й – белый, Васильевской части – красный с белым, шахматный и т. д. В ночное время в районе 1-й Адмиралтейской части вывешивали сверху красный фонарь и снизу два белых горизонтально; во 2-й части – сверху два белых фонаря горизонтально и над ними красный, а если пожар возник в Васильевской части – сверху красный, снизу белый и т. д. Дополнительный красный фонарь или флаг означал крупный пожар и, следовательно, сбор всех частей [12, с. 295].

Обнаруживали пожар двое часовых, дежурившие на каланчах пожарных частей и сменявшиеся каждые два часа, а в зимнее время – через час. Обязанности между часовыми на каланчах были распределены следующим образом: один из них должен был смотреть на каланчу дома обер-полицмейстера, а другой – «на весь город вообще и особенно на свою часть». Если на каланче дома обер-полицмейстера вывешивали флаг или фонари, такой же флаг или фонарь вывешивали и в каждой части.

Бдительность часовых на каланчах в ночное время проверялась через каждые четверть часа. Стоящий у пожарных инструментов часовой при наступлении сумерек давал сигнал свистком. Часовые на каланче должны были отзываться на звук свистка, удостоверяя тем самым, что «они не дремлют, стоят осторожно и наблюдают за пожарами». С каланчи были протянуты «для извещения с привязанными колокольчиками веревки, одна – в казарму пожарных служителей, другая – в комнату брандмейстера». Наверху каланчи устанавливался длинный ящик с 12 перегородками, в которых хранились флаги частей города с надписью, какой части принадлежит флаг, а для ночных сигналов – три фонаря: один красный и два белых. В самой будке наверху каланчи находились таблицы сигналов флагами и фонарями для руководства часовым в случае пожара. При обнаружении пожара один часовой на каланче с помощью проведенных к колокольчикам веревок извещал о пожаре брандмейстера, служителей и голосом – часового у пожарного обоза, а другой часовой днем мгновенно вынимал из ящика флаг, а ночью готовил фонари [11, с. 34].

Система оповещения и вызова пожарных частей на пожар была разработана и для условий плохой видимости: при снежной погоде,

туманах и др. В таких случаях в канцелярию обер-полицмейстера, где обычно круглосуточно находился дежурный брандмейстер, направлялся от городской пожарной части верховой пожарный. Получив сообщение о пожаре от дежурного брандмейстера, верховой немедленно возвращался в свою часть, чтобы сообщить, на территории какой части возник пожар и его местонахождение [7, с. 82].

В тех случаях, когда нельзя было различить поднятые сигналы, части вывешивали сигнал ближайшего к пожару сборного пункта и направлялись туда. Так же на эти пункты команда собиралась, когда место пожара не было определено точно или по «ложным» (учебным) тревогам, при этом высылая каждый раз к обер-полицмейстеру за приказаниями конных верховых («махальных»).

Сборные места пожарных команд были следующие: 1-й части – на Петровской площади, 2-й – у Большого театра, 3-й – на Сенной площади, 4-й – у Калинкина моста, Нарвской – по Измайловскому проспекту, Литейной – у Спаса Преображения, Московской – у Владимирской, Каретной и Рождественской – на Конной площади, Васильевской – у Академии художеств, Петербургской – у Крепости, Выборгской – у главного госпиталя [6, с. 68].

В 1833 г. горизонтальная система каланчовых сигналов, поднимаемых для извещения команд о возникшем пожаре и их сборе, как неудобная была заменена вертикальной системой сигнализации. Деревянные шесты, на которых поднимались флаги, были заменены железными двухсторонними штангами. В результате со всех 15 каланчей одновременно дежурные пожарные могли наблюдать друг у друга поднятые сигналы [6, с. 24].

Вертикальная каланчовая система сигнализации состояла из шаров (диаметром 70 см, выкрашенных в черный цвет) и крестов. Расстояние между шарами и крестами было разное – одинарное и двойное. Это позволяло увеличить количество комбинаций из сигналов (шаров и крестов), не увеличивая их количества. Ночью шары и кресты заменялись фонарями [11, с. 41].

Каланчовый сигнальный шар состоял из трех или четырех (в зависимости от размеров шара) деревянных или железных обручей, обтянутых парусиной, которая окрашивалась черной краской. Обручи скреплялись сверху и внизу заклепанными концами двух железных стержней, противоположные концы которых были загнуты крюками, предназначенными для поднятия шара. На рис. 1 представлен каланчовый сигнальный шар и его каркас [4, с. 269–270].

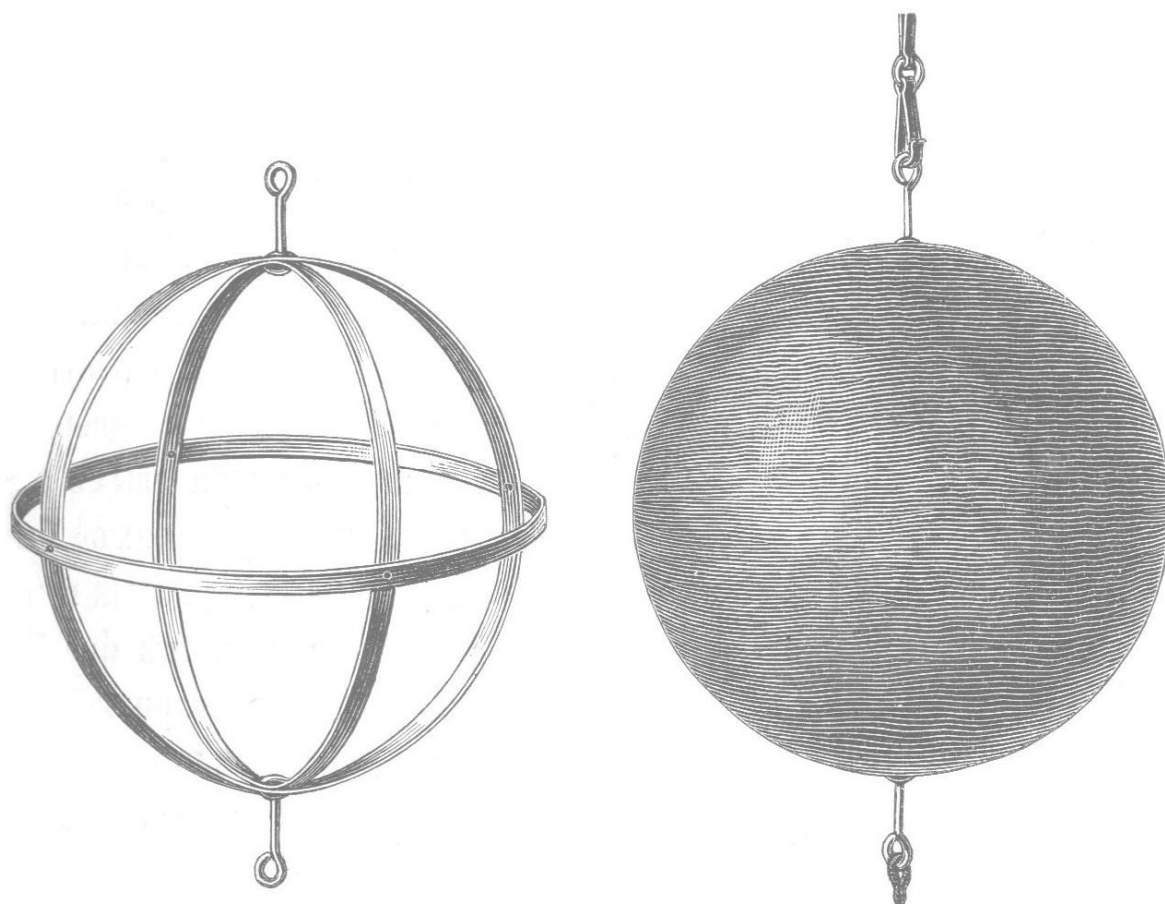

Рис. 1. Каланчовый сигнальный шар

Каланчовая сигнальная доска (крест) (рис. 2) состояла из двух досок (каждая толщиной около двух дюймов), которые вставлялись крестообразно одна в другую, «в особые вырезы, сделанные для этого на каждой из них»; затем доски скреплялись железным стержнем, для поднятия креста.

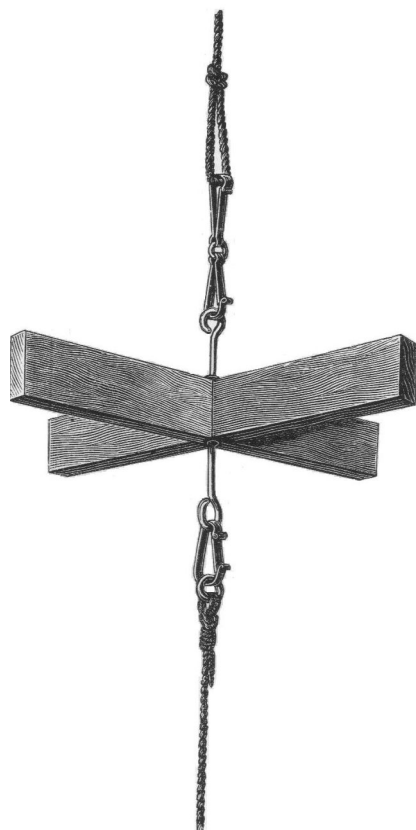

Рис. 2. Каланчовая сигнальная доска

Корпус каланчового сигнального фонаря (рис. 3) состоял из толстой проволоки с напаянной по краям жестью. В фонаре четыре стекла, из которых одно представляло собой выдвижную дверцу. Стекла в каланчовых сигнальных фонарях были белые, красные и зеленые. На крышке фонаря находилась «дымогарная» трубка; на дне фонаря посередине – узкая продолговатая трубка для свечи, а вокруг этой трубки – «вентилятор» в виде невысокого подъема дна, снабженного небольшими отверстиями для притока воздуха, необходимого для горения свечи [4, с. 270–271].

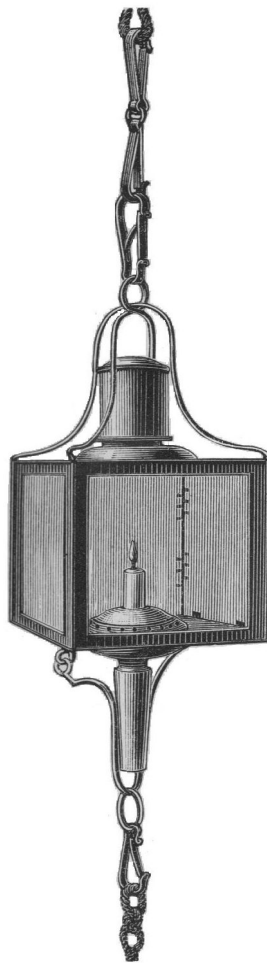

Рис. 3. Каланчовый сигнальный фонарь

Для того чтобы выезжавшим на пожар командам легче было ориентироваться в пути следования и своевременно получать сведения об изменившейся пожарной обстановке, в центре Санкт-Петербурга над зданием городской думы в 1836 г. была возведена специальная башня для визуального «пожарного телеграфа», аналогичная пожарной каланче над зданиями пожарных частей. При этом «телеграфе» дежурил взвод пожарных служителей [11, с. 41].

На рис. 4 показан выезд пожарной команды и условные сигналы пожарных частей Санкт-Петербурга в 1834 г. [6].

СИГНАЛЫ ДЛЯ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЖАРНОЙ КОМАНДЫ

1 Адмиралт.		2 Адмиралт.		3 Адмиралт.		4 Адмиралт.		Нарвская		Московская		Каретная		Рождествен.		Литейная		Васильевская		Петербургская		Выборгская		Охтенская			
Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.	Дневн.	Ночн.		
●	□	●	□	●●	□□	●●●	□□□	●●	□□	●●●	□□□	●●●	□□□	●●●	□□□	●●	□□	●	□	●●	□□	●●	□□	●●	□□	●	□

Рис. 4. Выезд пожарной команды и условные обозначения пожарных частей в 1834 году

По распоряжению С.-Петербургского градоначальника, генерал-майора Н.В. Клейгельса была составлена инструкция для С.-Петербургской пожарной команды, которая регламентировала все направления деятельности пожарной охраны, в том числе и обязанности чинов пожарной охраны. Материалами для ее составления послужили: инструкция, изданная для Варшавской пожарной команды, распоряжения градоначальника и брандмайора полковника Кирилова, отдаваемые в приказах по градоначальству и пожарной охране, инструкция для городских пожарных команд князя А.Д. Львова и уставы внутренней и гарнизонной службы в войсках. В уставе внутренней службы вышеуказанной инструкции были определены обязанности часового на каланче из восьми пунктов, в которых говорилось, что для наблюдения за окружающей местностью, на случай возникновения пожара, ставился на каланчу часовой. Часовому устанавливались следующие обязанности:

1. Поскольку от «исправности» часового на каланче зависел успех пожарного дела, то на этот пост назначались преимущественно старослужащие (по одному человеку) хорошо знавшие местность и умевшие отличить пожарный дым от обычного. Молодых же служителей ставить на каланчу строго воспрещалось.

2. О всем замеченном ставить в известность дежурного по команде, вызывая его звонком.

Если часовой увидел густой опасный дым или зарево, или на каланчах прочих частей поднятые сигналы о пожаре, то он немедленно должен был подать тревогу звонком.

3. По приказанию дежурного поднимать или опускать сигналы.

4. Ночью, через каждые четверть часа при проверке дежурным по команде, часовые должны были отвечать с каланчи свистком на поданный сигнал.

5. Зимой, при сильных морозах, часовые сменялись ежечасно.

6. Заступать на каланчовое дежурство в рабочем обмундировании и фуражке. Летом в «гимнастических» рубахах, с погонями, имея всегда поясной ремень. В сырую погоду одевать постовую шинель, а зимой – тулуп и теплые сапоги.

7. При передаче иметь: сигнальные знаки, фонари, шары и полевые бинокли.

Во все время дня и ночи часовой должен был ходить кругом будки, а не стоять на одном месте [2, с. 30–31].

Оповещение о пожарах происходило не только с помощью каланчовой системы, но и путем заявлений о пожарах от чинов полиции, дворников, да и вообще от обывателей города. Для возможно быстрого и удобного приема таких заявлений пожарная команда должна была иметь пост часового «под полевым колоколом» при входе в пожарную часть. Часовой «под полевым колоколом» обязан был немедленно бить тревогу сначала внутреннюю, с помощью полевого колокола, а затем наружную, с помощью полевого колокола. Если ему кто-либо заявлял о пожаре или об ином бедствии, то часовой должен попросить заявителя остаться до выхода брандмейстера, или его помощника, или дежурного по команде, для точного указания места несчастья.

В тех пожарных командах, где закладка лошадей в пожарные ходы производилась внутри трубной, различия между внутренней и наружной тревогой почти не существовали. В тех же пожарных командах, где закладка лошадей в пожарные ходы происходила вне трубных (во дворе части или, прямо на улице) различие между внутренней и наружной тревогой было весьма существенно: по внутренней тревоге все пожарные спешили стать по своим местам и «одеть» лошадей; а по наружной тревоге трубники выкатывали пожарный обоз из трубной, топорники и кучера сначала закладывали лошадей в пожарные ходы, затем кучера садились на козлы, а топорники и трубники становились у тех ходов, на которых они должны были выезжать на пожар – и часть, таким образом, была готова к движению [13, с. 35–36].

В инструкции для С.-Петербургской пожарной команды были определены обязанности часового у ворот (часового «под полевым колоколом»). Вот некоторые из них. Часовые у ворот ставились: а) для приема заявлений от различных лиц о пожарах; б) для наблюдения за трубами и охраны имущества, находящегося там; в) для наблюдения порядка вблизи здания части. Часовой у ворот подчинялся брандмейстеру, его помощнику и дежурному по команде [2, с. 28–29].

В первой половине XIX в. было два основных вида оповещения о пожарах: по уведомлениям и «усмотрено с каланчи». Во второй половине XIX в. появились такие технические средства связи, как электросигнальные пожарные звонки и телефон, которые успешно стали использоваться для оповещения о пожарах. С развитием данных видов связи роль каланчовой службы в системе оповещения о пожарах стала уменьшаться. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. В 1886 г. в Санкт-Петербурге было 570 пожаров, из них «усмотрено с каланчи» – 135 пожаров; в 1894 г. – 538 пожаров, «усмотрено с каланчи» – 102; в 1901 г. – 1001 пожар, «усмотрено с каланчи» – 153 [9. Л. 165, 223]; в 1913 г. – 1580 пожаров, из них обнаружено с каланчей всего 65 [3, с. 5].

Для качественной оценки динамики изменения роли каланчовой службы в системе оповещения о пожарах во второй половине XIX и начале XX вв. произведем расчет в процентах количества пожаров, «усмотренных с каланчи», к общему количеству пожаров в соответствующие годы. Результаты данного расчета приведены в таблице.

Годы	1886	1894	1901	1913
Количество пожаров «усмотренных с каланчи» в % от общего количества пожаров	23,7	18,9	15,3	4,2

По имеющимся данным построим график (рис. 4) динамики изменения количества пожаров, обнаруженных с каланчи. По графику видно, что в начале XX в. произошло резкое уменьшение количества пожаров, обнаруженных с каланчи в сравнении с общим количеством пожаров.

Таким образом, оповещение о пожарах с помощью каланчовой службы с возникновением и развитием профессиональной пожарной охраны Санкт-Петербурга превратилось в главную составляющую системы оповещения как отдельных пожарных частей, так и в целом пожарной команды столицы. Принцип каланчовой системы

оповещения о пожарах заключался в визуальной передаче условных сигналов («визуальный телеграф») между пожарными частями и башней городской думы. С помощью условных сигналов передавали информацию о силе и месте пожара.

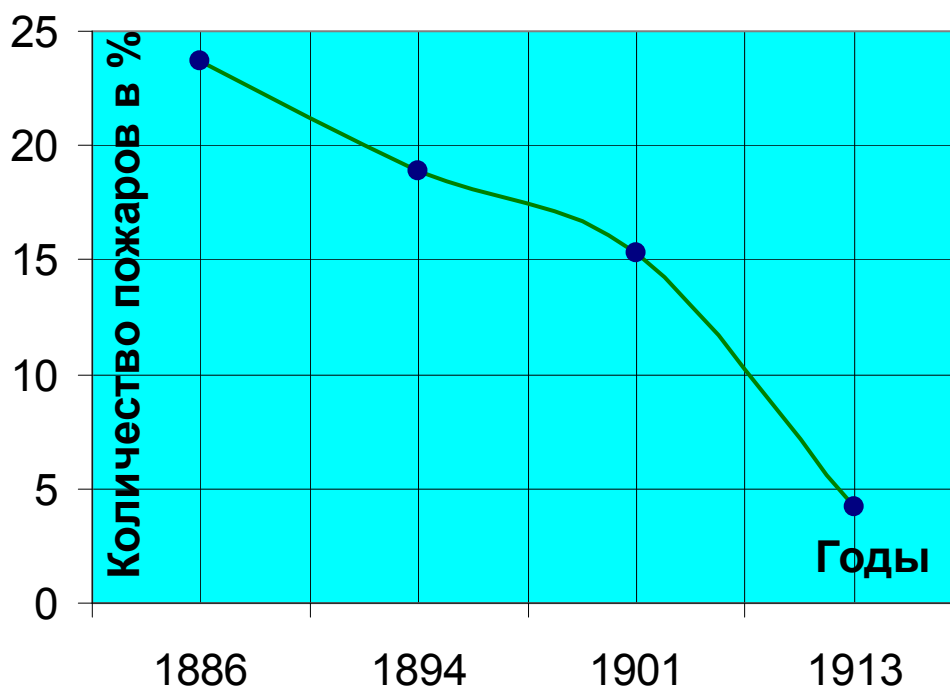

Рис. 4. Динамика изменения количества пожаров, обнаруженных с каланчи

Каланчовая служба постоянно совершенствовалась как в материально-техническом направлении, так и в нормативном. В первой половине XIX в. альтернативы каланчовой службе не было и с ее помощью обнаруживалось большое количество пожаров и соответственно происходило оповещение о них.

Во второй половине XIX в. появились новые технические средства связи, которые успешно стали использоваться для оповещения о пожарах. По мере их развития роль каланчовой службы в системе оповещения о пожарах стала уменьшаться и в начале XX в. она стала ничтожно малой. Каланчовая служба не могла конкурировать с прогрессивными по тому времени электротехническими средствами, и поэтому, начиная с 1911 г. в пожарной охране Санкт-Петербурга стали упразднять каланчовую службу по мере оснащения пожарных частей и их районов выезда электросигнальными пожарными звонками и телефонами, в необходимом количестве.

Список литературы

1. Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых. – СПб.: Изд. Императорского рос. пож. об-ва, 1913.
2. Клейгельс Н.В. Инструкция для С.-Петербургской пожарной команды. – СПб.: Типография СПб. градоначальства, 1899.
3. Литвинов А.В. Отчет Санкт-Петербургской пожарной команды за 1913 год. – СПб., 1914.
4. Львов А.Д. Городские пожарные команды. – СПб.: Типография А. Якобсона, 1890.
5. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXVII. – № 20.532 – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
6. Рудницкий В.С. Пожарное дело в С.-Петербурге. Исторический очерк. – СПб.: Северная Электротпечатная Эд. Эд. Новицкого, 1903.
7. Савельев П.С. Противопожарный щит Москвы. – М.: 1997.
8. Титков В. От колокола до телеграфа // Пожарное дело. – 1995. – № 6. – С. 59–60.
9. Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 513. – Петроградская городская управа.
10. Щаблов Н.Н., Дюжева Г.А. Огненный крест. – СПб., 1996.
11. Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н. Рыцари огня. – СПб., 1997.
12. Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н. Укрощение огня. – СПб., 2002.
13. Язвицкий А. Часовой под полевым колоколом // Друг пожарного. – 1906. – № 3.

УДК 94(470) «1957/1975»:629.7
ББК 68.801.1г(2)632/633

*Н. В. Ершов**

Динамика запусков космических аппаратов с испытательных полигонов в 1957–1975 гг. (по материалам открытых источников информации)

В статье речь идёт об обеспечении запусков космических аппаратов воинскими частями космического назначения в период становления отечественной военно-космической деятельности в 1957–1975 гг. Показана динамика интенсивности запусков космических аппаратов с трёх испытательных полигонов СССР: 5-го Научно-исследовательского испытательного полигона (Байконур), 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона (Плесецк) и Государственного испытательного полигона (Капустин Яр). При этом интенсивность запусков космических аппаратов рассмотрена как важная характеристика деятельности воинских частей космического назначения.

* **Ершов Николай Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры морально-психологического обеспечения войск, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского

The matter in the article is about the supporting of space vehicles launches by military units with a space purpose in the period of domestic military-space activity during 1957–1975. The evolution of intensity of space vehicles launches from three domestic proving cosmodromes (space launching sites): State central proving-ground (Kapustin Yar (steep bank), 5-й Research proving ground (Baykonur), 53-й Research proving ground (Plessetck) – has been showed. At the same time the intensity of space vehicles launches is considered as the important testimonial of military units with a space purpose activity.

Ключевые слова: военно-космическая деятельность, воинские части космического назначения, космические аппараты, испытательные полигоны, Государственный центральный полигон (Капустин Яр), 5 Научно-исследовательский испытательный полигон (Байконур), 53 Научно-исследовательский испытательный полигон (Плесецк).

Key words: military-space activity, military units with space purpose, space vehicles, proving grounds, State central proving-ground (Kapustin Yar (steep bank), 5 Research proving ground (Baykonur), 53 Research proving ground (Plessetck).

В качестве одного из важных показателей при анализе становления отечественной военно-космической деятельности может быть рассмотрена динамика запусков космических аппаратов (КА) с испытательных полигонов. Космические аппараты выводились на орбиты ракетами-носителями (РН) различных классов. При этом РН выводили как единичные КА, так и группы КА (обеспечение военнослужащими частей космического назначения пусков ракет-носителей было рассмотрено в нашей статье «Динамика пусков ракет-носителей с испытательных полигонов в 1957–1975 годы», см.: Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: науч. журн. Серия история. – 2009. – № 2. – С. 46–55).

Заметим, что воинские части космического назначения в рассматриваемый период выполняли свои задачи в составе Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Как правило, подготовка КА к запуску осуществлялась на техническом комплексе (ТК), который позволял осуществлять следующие технологические операции: приём с заводов-изготовителей ступеней, узлов, блоков РН и КА; сборку РН и стыковку КА; хранение РН и КА; комплексные испытания РН и КА; заправку КА высококипящими компонентами топлива и сжатыми газами; зарядку и хранение бортовых и наземных химических источников питания; подготовку и транспортировку РН с КА на стартовый комплекс (СК) [9, с. 14–15]. Технологический цикл подготовки КА к запуску содержал в себе огромное количество выполняемых задач. Как отмечают ветераны космических частей, «...огромная нагрузка ложилась на боевой расчёт подготовки КА, технологический цикл подготовки которых на ТК в 2 раза превышал цикл подготовки РН на ТК и СК. Фактически приходилось выполнять работы круглосуточно с постоянным недосыпанием и несвоевременным питанием» [10, с. 159].

Стартовый комплекс обеспечивал: установку РН с КА на пусковую систему; сборку ракетно-космической системы (при необходимости); предстартовые проверки РН и КА; заправку РН и КА топливом; посадку космонавтов в космический корабль (КК) (при обеспечении пилотируемого полёта); наведение РН; пуск; регистрацию параметров систем СК во время подготовки, заправки и пуска; слив компонентов топлива и снятие РН с пусковой системы (при отмене пуска) [9, с. 15–16]. При выполнении этих операций значительная часть работ также проводилась с КА.

При анализе становления отечественной военно-космической деятельности динамика запусков КА показывает не только характер деятельности военнослужащих частей запуска (испытательных полигонов), но и особенности деятельности военнослужащих частей управления (количество сеансов управления КА, одновременное управление несколькими КА, находящимися на орбите и т. п.). Понятно, что в данном показателе будут рассмотрены только успешные запуски, когда КА выводились на орбиту.

В период становления отечественной военно-космической деятельности в 1957–1975 гг. воинские части космического назначения обеспечивали запуск всех испытываемых и стоящих на вооружении КА. Запуски КА осуществлялись с трёх испытательных полигонов: Государственного центрального полигона (Капустин Яр, Астраханская область), 5-го Научно-исследовательского испытательного полигона (Байконур, Казахстан), 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона (Плесецк, Архангельская область).

После запуска первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. интенсивность запусков КА в основном возрастала. Общая динамика запусков КА, осуществлённых воинскими частями космического назначения со всех испытательных полигонов СССР, представлена на рис. 1 [6, с. 10–11].

Вплоть до 1975 г. интенсивность запусков КА с испытательных полигонов в основном возрастала от 2 КА в 1957 г. до 111 КА в 1975 г. Нарушение динамики роста количества запусков КА наблюдается в 1958, 1963, 1966, 1969, 1972 и 1974 гг.

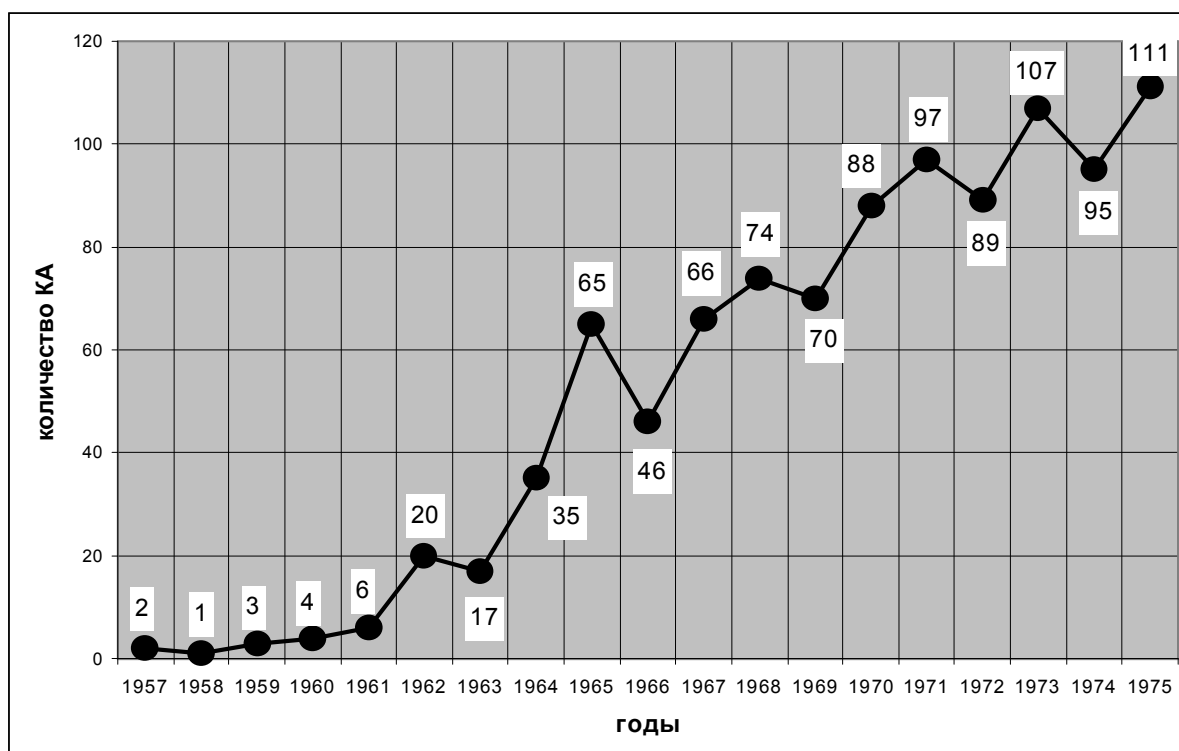

Рис. 1. Динамика запусков космических аппаратов в 1957–1975 гг.

Значительный рост интенсивности запусков КА имел место в 1963–1965 гг. (в эти годы рост составляет более 15 КА в год). Такой скачок связан с началом эксплуатации космических систем военного и двойного назначения, созданием необходимой группировки космических аппаратов (КА).

Испытательные полигоны играли разную роль в обеспечении запусков КА. Сравнительная динамика запусков КА с испытательных полигонов СССР представлена на рис. 2 [6, с. 10–11]. До 1968 г. ведущую роль в обеспечении запусков КА играли воинские части 5-го Научно-исследовательского испытательного полигона (НИИП). Основная масса запусков КА осуществлялась военнослужащими этого полигона.

С 1969 г. количество запусков КА с 5-го НИИП сокращается. С созданием нового 53-го НИИП часть запусков РН осуществлялась его воинскими частями. При этом роль 53-го НИИП постоянно возрастала. Многие программы передавались с 5-го НИИП, осуществлялась успешная эксплуатация космических средств по новым программам. С 1969 г. 53-го НИИП лидировал в обеспечении запусков КА.

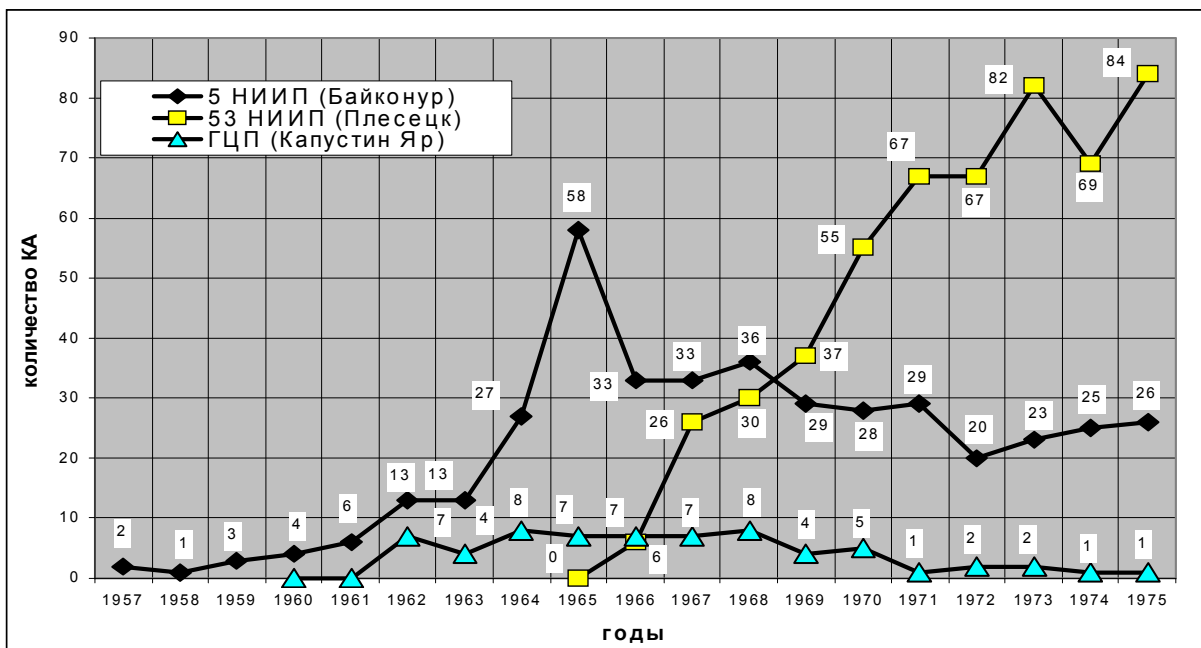

Рис. 2. Сравнение динамики запусков космических аппаратов с испытательных полигонов в 1957–1975 гг.

Доля Государственного испытательного полигона (ГЦП) в обеспечении запусков КА незначительна и не превышает в рассматриваемый период восемь КА в год.

Ведущая роль 5-го НИИП в обеспечении запусков КА в 1957–1968 гг. имеет исторические предпосылки. Первые воинские части космического назначения создавались именно в составе 5 НИИП. Полигон был основан в 1955 г. для проведения летных испытаний межконтинентальных ракет [15. Л. 2]. Уже к концу 1955 г. 5-й НИИП имел в своём составе управление и двадцать воинских частей и отдельных подразделений общей численностью 1900 военнослужащих и 664 служащих и рабочих [11, с. 143–144].

В мае 1957 г. на 5-м НИИП начались лётные испытания первой межконтинентальной баллистической ракеты 8К 71 (Р-7), возможности которой позволяли выводить на орбиту искусственные спутники Земли (ИСЗ) [5, с. 31–32]. Первый её запуск состоялся 15 мая 1957 г., а 21 августа был осуществлён запуск этой же ракеты на полную дальность [16. Л. 39]. 27 августа ТАСС сообщило об этом достижении всему миру [13]. Подготовку и запуск ракеты с первым ИСЗ 4 октября 1957 г. осуществляла отдельная инженерно-испытательная часть полигона (командир – подполковник И.И. Черенков) под общим руководством инженер-полковника А.И. Носова. Контроль осуществляли опытно-испытательные отделы полигона, представители конструкторов-разработчиков и военных приёмов. Проверка ракеты и спутника, последние испытания системы отделения спутника и головного обтекателя от ракеты прошли без существенных замечаний [5, с. 44]. Оператор центрального пульта лейтенант Б.С.

Чекунов поворотом стартового ключа начал новый отсчёт времени – эру практической космонавтики [11, с. 146]. Это был шестой пуск ракеты Р-7, поэтому опыт проведения пусков у личного состава уже был. При этом внимание не акцентировалось на том, что под обтекателем находилась не головная часть боевой ракеты, а первый в мире ИСЗ – первый КА.

Таким образом, военнослужащие 5-го НИИП первыми приступили к выполнению задач по обеспечению запусков КА. В первые годы существования полигона опытно-испытательные работы проводились в небольшом количестве и только с одной стартовой позиции. Поэтому количество запусков КА невелико – не более шести в год. Однако для немногочисленного личного состава космических частей это было время тяжёлых испытаний и сурового ратного труда. Описывая интенсивность пусков на полигоне в первые годы, Б.Е. Черток отмечает: «Два года, последовавших за спутниковыми успехами 1957 года, по темпам и напряжению были подобны военным» [18, с. 235]. При осуществлении первого пуска автоматической межпланетной станции (АМС) к Луне с 6 по 12 сентября 1959 г. «...члены стартовой команды спали урывками, не брились из суеверия и отлучались со стартовой позиции на вторую площадку, только чтобы выполнить «операцию по вводу горячей пищи». Офицеры, бывшие фронтовики, говорили, что даже на войне у них было больше времени для сна, принятия пищи и бритья» [18, с. 255].

В начале 60-х гг. XX в. начинается бурный рост 5-го НИИП, создаются новые воинские части, значительно возрастает интенсивность запусков КА – от 13 в год (1962) до 58 (1965) [6, с. 10–11]. В 1965 г. проводилось наибольшее количество запусков КА в рассматриваемый период: ежемесячно запускалось по несколько КА. Например, в течение апреля 1964 г. на полигоне было подготовлено и запущено с двух стартовых комплексов пять КА: две автоматические межпланетные станции типа «ЗМВ-1» (к Венере) и типа «Е-6» (к Луне), два КА фоторазведки «Зенит-2», спутник-истребитель «Полёт-2» типа «И-2В» [8].

В течение марта 1965 г. на полигоне было подготовлено и запущено с трех стартовых комплексов семь КА: КА фоторазведки «Зенит-4», автоматическая межпланетная станция типа «Е-6» (к Луне), три спутника военной связи «Стрела-1» (одной РН), пилотируемый космический корабль «Восход-2» (космонавты П.И. Беляев и А.А. Леонов) и КА фоторазведки «Зенит-2» [8].

В сентябре 1965 г. было подготовлено и запущено 12 КА с двух стартовых комплексов: десять военных спутников связи «Стрела-1» (двумя РН по пять КА) и два КА фоторазведки «Зенит-4» [8]. Необходимо также подчеркнуть, что при таком напряжённости «космических» задач на полигоне важное внимание уделялось и испытаниям боевых ракет.

Начиная с 1966 г. количество КА, запускаемых с полигона, стабилизируется на отметках в интервале 20–36 аппаратов в год. Это говорит о формировании чётких функций полигона в общей системе отечественной космической и военно-космической деятельности. При этом ежемесячная интенсивность запусков КА с 5-го НИИП оставалась достаточно высокой. Например, в октябре 1970 г. на полигоне было подготовлено и запущено с трех стартовых комплексов восемь КА: два КА фоторазведки «Зенит-2М», КА морской разведки «УС-А», разведывательный КА «Зенит-4М», два КА морской разведки «УС-М», автоматическая межпланетная станция типа «Л-1» (к Луне), два КА противоспутниковой системы «И2П» [8]. В дальнейшем на полигоне осуществлялись запуски не более пяти КА ежемесячно. Общая динамика количества запусков КА с 5 НИИП представлена на рис. 3 [6, с. 10–11].

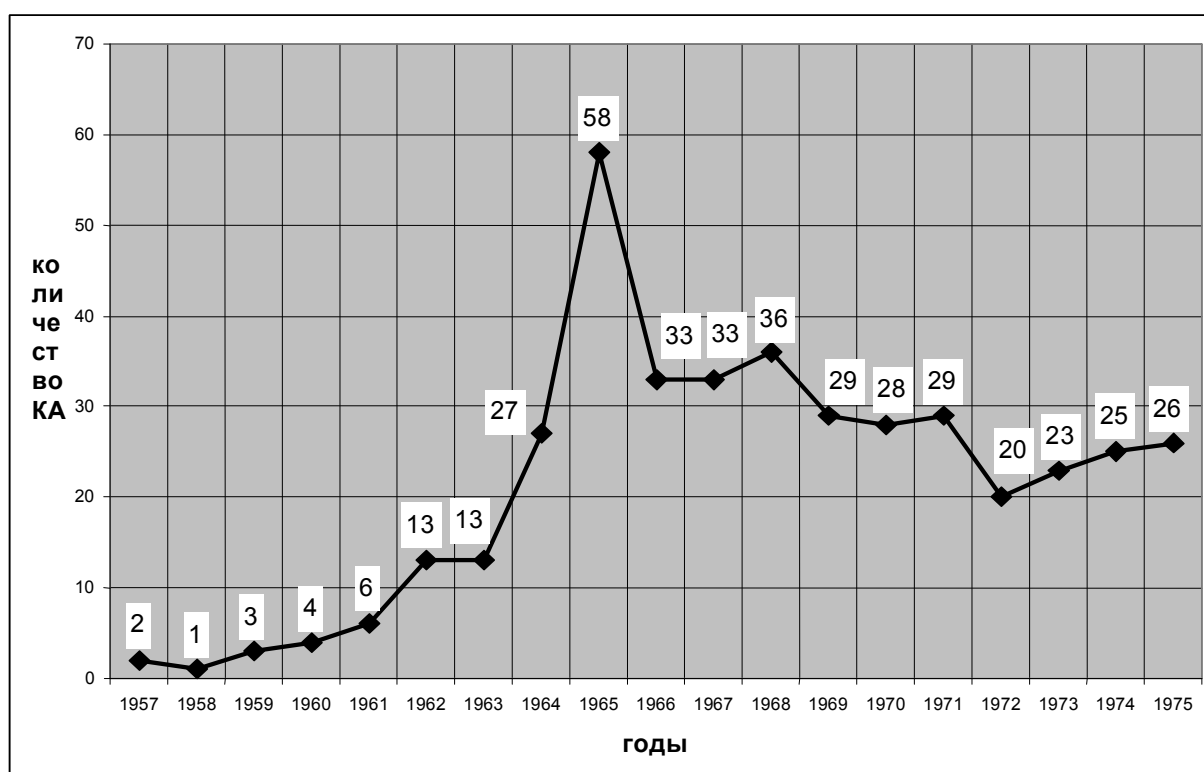

Рис. 3. Динамика запусков космических аппаратов с 5-го НИИП (Байконур) в 1957–1975 годы

Развитие полигона и участие его воинских частей во всех космических программах способствовали росту интенсивности пусков КА. В 1957–1965 гг. воинские части полигона запустили 127 КА, при этом в 1965 г. был достигнут максимальный ежегодный показатель – 58 КА в год. Это самый интенсивный период в развитии полигона.

Перечисляя запланированные пуски в 1961–1965 гг. на 5-м НИИП, Б.Е. Черток отмечает: «В этом до немыслимого предела сжатом по производственным и человеческим интеллектуальным

возможностям плане работ казалось невозможным найти зазор для ещё какой-либо новой космической программы» [17, с. 151]. В 1965–1968 гг. показатели пусков РН стабилизировались на уровне 33–36 КА в год. А начиная с 1969 г. наблюдается снижение количества – не более 30 КА в год. В рассматриваемый период воинские части 5-го НИИП успешно эксплуатировали КА военного и двойного назначения, при этом обеспечивали выполнение всех программ пилотируемой космонавтики и запуска АМС. Если значительная часть прикладных космических программ передавалось на космодром Плесецк, то обеспечение пилотируемой космической программы становится приоритетной задачей воинских частей 5-го НИИП. Динамика запусков космических кораблей с 5-го НИИП приведена на рис. 4 [12, с. 716–718]. В 1961–1975 гг. было осуществлено 28 запусков КК. Из них три запуска были аварийными. Максимальных показателей пилотируемая программа достигла в 1969 г., когда было запущено пять КК. В 1966 и в 1972 г. КК не запускались. Отсутствие запусков КК в 1966 г. объясняется развёртыванием советской «лунной программы», закрытием пилотируемых космических программ «Восток» и «Восход», переходом к испытаниям системы «Союз», сопровождаемом авариями [12, с. 44–46]. А в 1972 г. пилотируемая программа была прервана из-за гибели экипажа «Союза-11» (космонавты Г.Т. Добровольский, В.Н. Волков, В.И. Пацаев) 30 июня 1971 г. [12, с. 231–232].

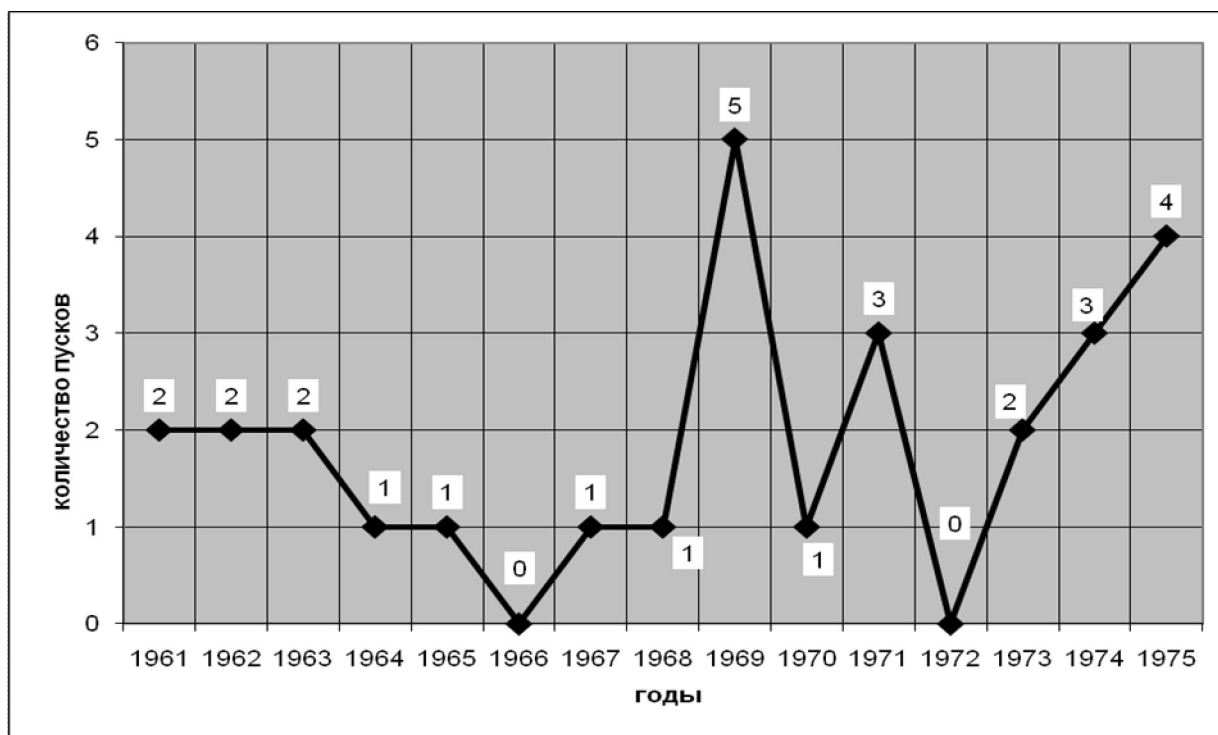

Рис. 4. Динамика запусков космических кораблей с 5-го НИИП (Байконур) в 1961–1975 гг.

Важное значение в деятельности военнослужащих 5-го НИИП имело обеспечение запусков автоматических межпланетных станций к Луне, Венере, Марсу. На протяжении всего рассматриваемого периода около 1/8 всех запусков были направлены на освоение «дальнего космоса» (см. рис. 5) [8].

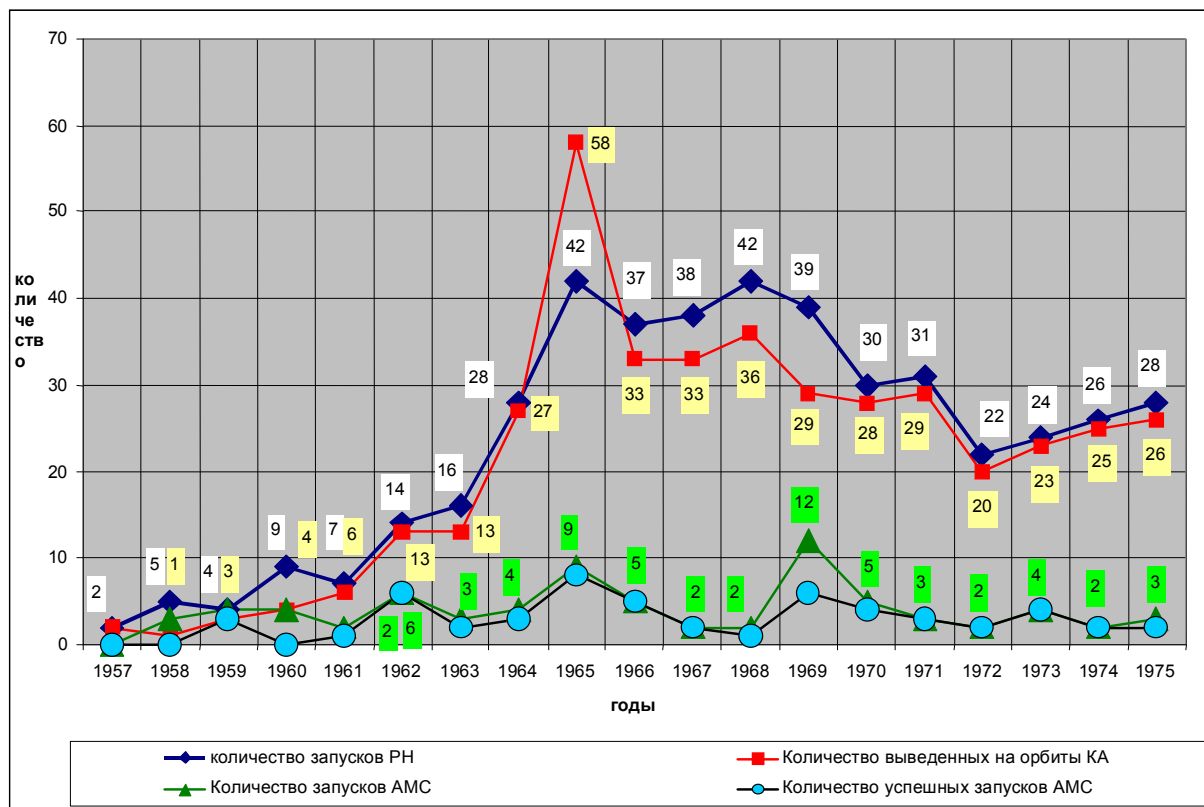

Рис. 5. Динамика запусков АМС с 5-го НИИП (Байконур) в 1957–1975 гг.

На графике представлены общее количество запусков РН с полигона, количество выведенных на орбиты КА, количество запусков АМС и количество успешных и частично успешных (выведенных на орбиты) запусков АМС.

В первые годы космической эры запуски АМС составляли большую часть всех работ, выполняемых военнослужащими частей космического назначения. А в 1959 г. вообще все пуски были «нацелены» на «дальний космос». Максимальных значений динамика запусков АМС достигает в 1965 г. (девять запусков, из них восемь успешных) и в 1969 г. (12 запусков, из них шесть успешных) [8].

К середине 60-х гг. расширение программы космических исследований, рост интенсивности запусков КА потребовали дальнейшего совершенствования частей космического назначения, создания нового испытательного полигона в Архангельской области. 53-й НИИП был создан в 1963 г. на базе объекта «Ангара» – первого в РВСН соединения межконтинентальных ракет, сформированного ещё 15 июля 1957 г. Воинские части, обеспечивающие запуски КА на 53-м НИИП были сосредоточены во 2-м научно-испытательном

управлении (НИУ) (по испытанию космических аппаратов, ракет-носителей и стартовых комплексов), сформированном на основе директив Генерального штаба от 31 января и 30 апреля 1964 г. и директивы Главнокомандующего РВСН от 26 мая 1964 г. [1. Л. 12].

Уже 17 марта 1966 г. с полигона была успешно запущена ракета-носитель «Восток-2» с КА фоторазведки «Зенит-2» («Космос-112»). Второй запуск был осуществлён менее чем через месяц, 6 апреля 1966 г. При этом разведывательный КА «Зенит-4» был выведен на орбиту РН «Восход» [14, с. 254–255]. Всего в первый «космический» 1966 г. военными частями космического назначения 53 НИИП было подготовлено и запущено шесть КА.

В рассматриваемый период общее количество запусков КА с 53-го НИИП постоянно возрастает и достигает 84 КА в год (1975). Эта тенденция была нарушена только в 1974 г. (снижение с 82 до 69 КА). Такое снижение было связано с реорганизацией полигона в 1974 г. В соответствии с решением ЦК КПСС директивой Генерального штаба ВС СССР от 25 апреля 1974 г. и директивой Главного штаба РВ от 14 июня 1974 г. 2-е (космическое) научно-испытательное управление 53-го НИИП МО реорганизуется в два самостоятельных НИУ [2. Л. 5].

Полигон по-прежнему оставался частью ракетного щита, надёжно прикрывающего страну с севера, но теперь к этой задаче добавлялись еще и вопросы военно-космической деятельности. Общая динамика запусков КА с 53-го НИИП представлена на рис. 6 [6, с. 10–11].

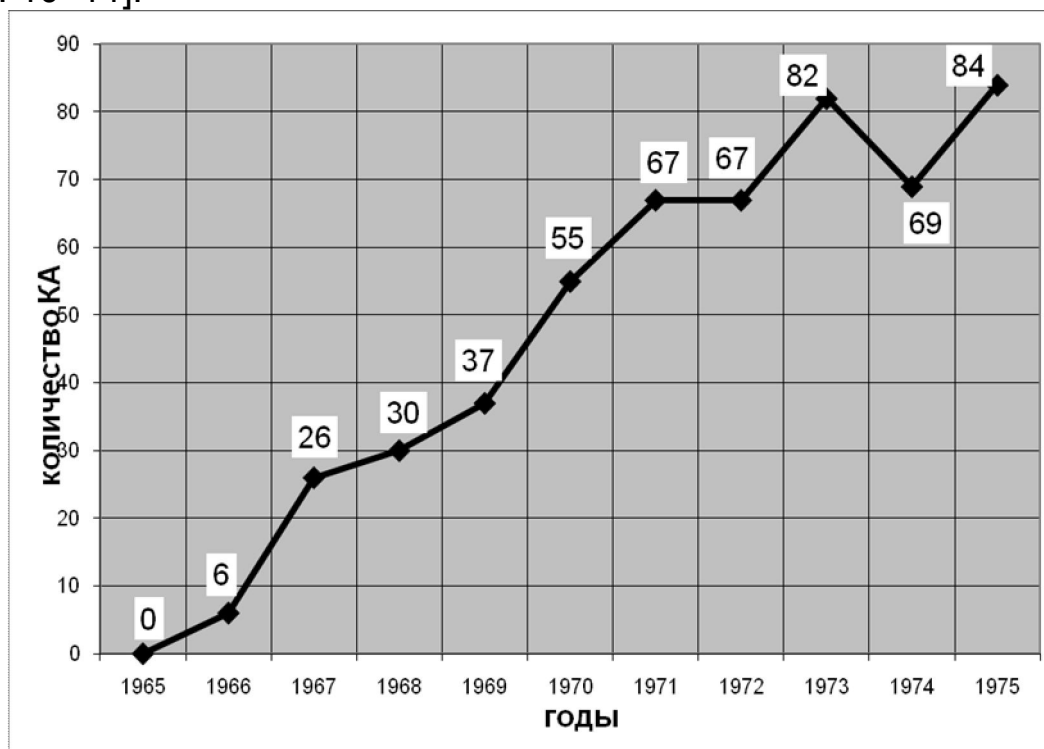

Рис. 6. Динамика запусков космических аппаратов с 53-го НИИП (Плесецк) в 1965–1975 гг.

Военнослужащие воинских частей космического назначения 53-го НИИП успешно эксплуатировали КА аппараты военного и научного назначения. Работа по обеспечению запусков КА носила достаточно интенсивный характер. Личный состав воинских частей работал с большим напряжением. Подготовка на технической позиции одной РН с КА к запуску занимала до 12–18 суток непрерывной работы, иногда без выходных дней. Во время цикла испытаний до 30 % операций приходилось выполнять ночью, организуя посменную работу расчётов [14, с. 256]. Как отмечает ветеран полигона П.Г. Соловьёв, «служба была настолько напряжённой, что рабочий день инженера-испытателя в среднем составлял 10–12 часов (без учёта времени на переезды), зачастую без выходных и праздничных дней» [14, с. 259].

Роль космодрома «Плесецк» в военно-космической деятельности постоянно возрастала. Уже через год после первого пуска полигон занимал первое место в мире по числу запусков автоматических КА. Он выводил на орбиты основную массу спутников серии «Космос». А начиная с 1969 г. более половины отечественных КА выводились на орбиты с 53-го НИИП.

Важную роль полигон играл и в достижении военно-космического паритета как неотъемлемого компонента ракетно-ядерного паритета. Здесь прошли лётные испытания 70 % космических комплексов военного и двойного назначения первого поколения [3, с. 20].

Ежемесячная интенсивность запусков КА с полигона также постоянно повышалась. Уже в 1967 г. ежемесячно выводились на орбиты три-пять КА в месяц. Затем интенсивность запусков КА возросла. В марте 1969 г. военнослужащие полигона обеспечили подготовку и запуск семи КА с двух стартовых комплексов: КА радиотехнической разведки «Целина-О», два разведывательных КА «Зенит-4», разведывательный КА «Сфера», разведывательный КА «Зенит-2», метеорологический спутник «Метеор-1», калибровочный КА «ДС-П1-И» [8].

В течение мая 1971 г. с четырех стартовых комплексов полигона были запущены уже 13 КА: восемь спутников связи «Стрела-1М» (одной РН), два юстировочных КА «ДС-П1-Ю», навигационный КА «Циклон», разведывательный КА «Зенит-4М», КА радиотехнического наблюдения «Целина-О» [8].

А в октябре 1973 г. военнослужащие полигона обеспечили подготовку и запуск 19 КА с пяти стартовых комплексов: восемь спутников связи «Стрела-1М» (одной РН), КА фоторазведки «Зенит-2М», два КА

фоторазведки «Зенит-4МК», три КА фоторазведки «Зенит-4М», юстировочный КА «ДС-П1-Ю», спутник связи «Молния-2», КА радиотехнического наблюдения «Целина-Д», научно-исследовательский КА «ДС-У2-ИК» («Интеркосмос-10»), научно-исследовательский КА «Бион» [8]. Это максимальное количество КА, запущенных с полигона в течение месяца.

Принимали участие в обеспечении запусков КА и военнослужащие Государственного центрального полигона. ГЦП был создан в 1947 г. для испытаний ракетной техники [7, с. 52]. На полигоне испытывались все первые отечественные ракеты. Воинские части ГЦП ведут свою историю от бригад особого назначения, создание которых для испытания ракетной техники предусматривалось ещё постановлением Совета Министров СССР № 1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения» от 13 мая 1946 г.

Первая такая бригада была создана в Германии под командованием генерала А.Ф. Тверецкого. Она занималась изучением немецкой ракеты А-4 (Фау-2). В сентябре 1947 г. эта бригада особого назначения из Германии прибыла на ГЦП. Вслед за ней на полигон прибыли и два спецпоезда с оборудованием, сформированные в Германии [7, с. 52]. Это оборудование и опыт военнослужащих бригады позволили быстро организовать испытательные работы. Первое огневое испытание ракеты А-4 на стенде было проведено уже 16 октября 1947 г., а первый пуск ракеты – 18 октября 1947 г. [4, с. 43].

Опыт проведения пусков космического назначения был накоплен военнослужащими ещё с первых дней полигона. Наряду с испытаниями ракетной техники полигон с 1949 г. начал регулярные исследования верхних слоёв атмосферы путём вертикальных запусков первых геофизических ракет. Здесь же были осуществлены и первые геофизические запуски ракет с биологическими объектами. Собачки Дезик и Цыган поднялись на высоту 100 км 22 июля 1951 г. Всего в подобные полёты было отправлено 48 собачек [7, с. 52]. Общее число пусков ракет в 1947–1956 гг. превысило 150. Опыт таких пусков стал основой для испытаний будущих ракет-носителей, первых исследований космического пространства, отладки систем навигации, отработки КА. Здесь же были сформированы первые боевые расчёты и подготовлен большой отряд испытателей для новых полигонов в Тюра-Таме (Байконур) и Плесецке, составивший основу будущих частей космического назначения [7, с. 52].

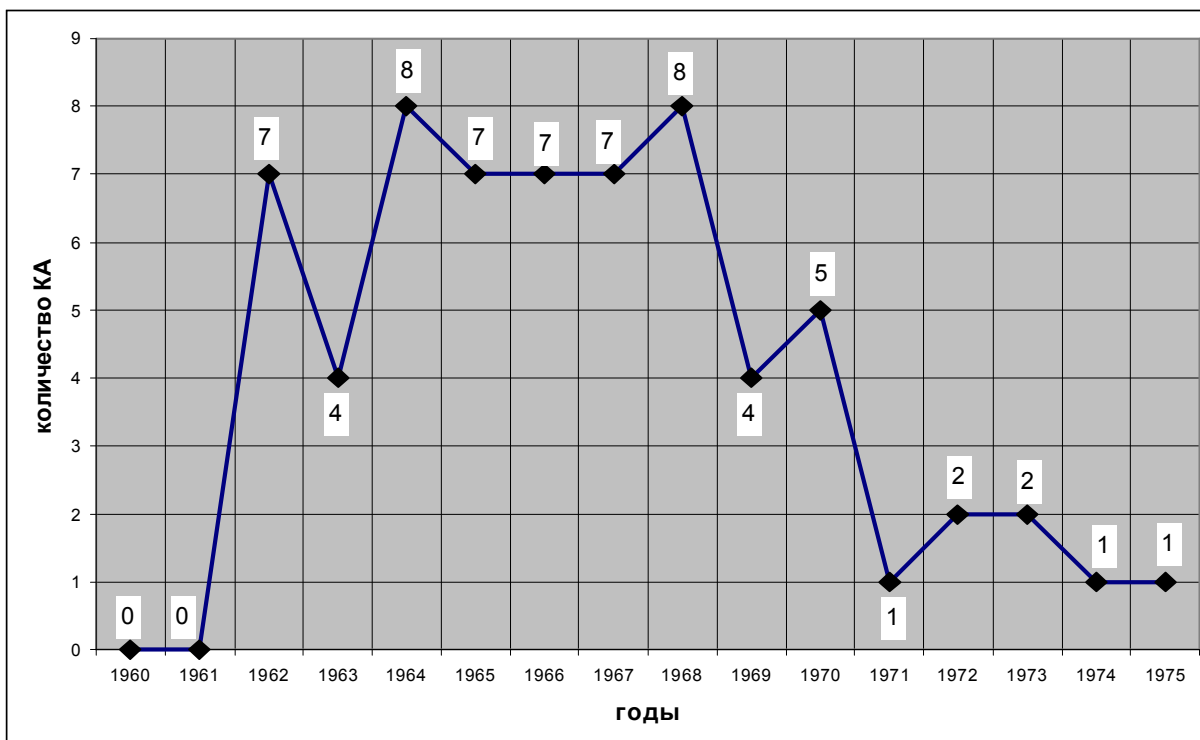

Рис. 7. Динамика запусков космических аппаратов с ГЦП (Капустин Яр) в 1960–1975 гг.

С появлением межконтинентальных баллистических ракет в конце 50-х гг. XX в. основной объём испытательных работ был перенесён на 5 НИИП, а ГЦП продолжал испытание новых тактических ракет и ракет средней дальности. Однако ГЦП являлся не только «боевой единицей» РВСН, но и выполнял задачи по испытанию ракетно-космической техники, осуществлял запуски КА. В частности, 16 марта 1962 г. с ГЦП был выведен на орбиту первый КА серии «Космос». Первые КА серии «Интеркосмос» (польские, индийские, французские) также запускались отсюда [7, с. 53].

С 1962 г. запуски КА с ГЦП осуществлялись ежегодно в небольшом количестве (не более восьми в год) в целях реализации различных программ. Максимальных значений эти показатели достигли в 1964 и в 1968 гг. (по восемь КА). Общая динамика запусков КА с ГЦП представлена на рис. 7 [6, с. 10–11].

В рассматриваемый период воинские части ГЦП успешно эксплуатировали КА военного назначения, выводимые на орбиты РН лёгкого класса серии «Космос».

В 1971–1975 гг. количество запусков КА, осуществляемых с испытательных полигонов СССР, стабилизировалось на отметке около ста КА в год. Это свидетельствует о завершении этапа становления отечественной космической и военно-космической деятельности, формировании её основных целей и задач, средств и способов её осуществления.

Список используемых сокращений

АМС	–	Автоматическая межпланетная станция
ГЦП	–	Государственный центральный полигон
ИСЗ	–	Искусственный спутник Земли
КА	–	Космический аппарат
КК	–	Космический корабль
НИИП	–	Научно-исследовательский испытательный полигон
НИУ	–	Научно-испытательное управление
РВСН	–	Ракетные войска стратегического назначения
РН	–	Ракета-носитель
СК	–	Стартовый комплекс
ТК	–	Технический комплекс

Список литературы

1. Архив войсковой части 07376. Д.63. Инв. 499-Р.
2. Архив войсковой части 10939. Д.54.
3. Башлаков А.А. Этапы эволюции космодрома «Плесецк», его роль в развитии Вооружённых сил и отечественной космической деятельности // 50 лет космодрому «Плесецк»: история создания, этапы становления и перспективы развития: тр. XXV Межведомственной науч.-техн. конф. космодрома «Плесецк». – Плесецк: 1 ГИК МО РФ, 2007.
4. Борчев М.А. О военной космонавтике. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: СИП РИА, 2005.
5. Военно-космические силы: Военно-исторический труд. – Кн.1: Космонавтика и Вооружённые силы / В.В. Фаворский, И.В. Мещеряков. – М.: Наука, 1997.
6. Искусственные спутники Земли // [Электронный ресурс]: ежемесеч. науч.-популяр. журн. Новости космонавтики. – 1996. – № 6. – Режим доступа к номеру: <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/121/05.shtml#06>.
7. История создания и развития Военно-космических сил Российской Федерации: учеб. пособие / С.А. Свиринов, Р.В. Симановский, В.В. Ушаков / под ред. В.Н. Кузьмина. – СПб.: ВИККА, 1998.
8. Космические пуски и события в СССР и России // [Электронный ресурс]: Космос.info: сетевой информационный ресурс о космонавтике СССР и России. – Режим доступа: <http://www.kosmos.info/dss.htm>.
9. Космодром / под общ. ред. А.П. Вольского. – М.: Воениздат, 1977.
10. Космодром «Плесецк» в воспоминаниях его ветеранов. – Калуга: Гриф, 2003.
11. Меньшиков В.Л. Байконур: моя боль и любовь. Записки главного инженера космодрома. – М.: Гарант, 1994.
12. Мировая пилотируемая космонавтика: история, техника, люди / И.Б. Афанасьев, Ю.М. Батурина, А.Г. Белозёрский и др. / под ред. Ю.М. Батурина. – М.: РТСофт, 2005.
13. Правда. – 1957. – 27 авг.
14. Северный космодром России / под общ. ред. А.А. Башлакова: в 2 т. – Мирный: космодром «Плесецк, 2007. – Т. 1.
15. ЦАМО РФ. Ф.70. Оп. 842914. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф.70. Оп.869562. Д. 19.
17. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. – 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999.
18. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Фили – Подлипки – Тюратам. – 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999.

УДК 930(73)«1776/1787»
ББК 63.1(7Сос)51

С. А. Исаев*

«Школа Бернарда Бейлина» в историографии Американской революции 1776–1787 гг.: Гордон Вуд и его труды

Когда 13 британских колоний в 1776 г. объединились в новое государство – США – и провозгласили независимость, они не смогли сразу выработать стабильное государственное устройство. Зато в 1787 г. они приняли Конституцию США, которая действует до сих пор. Анализу сложнейших процессов, имевших место в США в течение этих 11 лет, посвятил свои основные работы американский историк Гордон Вуд (р.1933). В статье анализируется его концепция.

When 13 British colonies of the Northern America proclaimed independence and united into Confederacy (1776), they proved to be unable to elaborate at once a definite shape of government. But as early as the year 1787, they created the U.S. Constitution being still in force. The complex development during those 11 years – in society, in politics, and in minds – was analyzed in comprehensive studies by Gordon S. Wood (b. 1933) The article epitomizes their basic concepts.

Ключевые слова: Бейлин Бернард, Болховитинов Николай Николаевич, Война за независимость США 1776, Вуд Гордон Стюарт, доблесть, добродетель, школа «Идеологической интерпретации», историография, Конституция США, «Республиканизм» XVIII в.

Key words: American Revolution, Bailyn Bernard, Bolkhovitinov Nikolai, Historiography, Republicanism, U.S. Constitution 1787, Virtue, Wood, Gordon S.

Гордон Вуд (Wood, Gordon Stewart) – крупнейший специалист по истории ранней американской республики – при жизни признан классиком американской исторической науки. Он родился 27 ноября 1933 в г. Конкорд, штат Массачусетс. По окончании университета Тафта (Tufts University) служил в военно-воздушных силах США в Японии (1955–1958 гг.). Затем изучал проблемы ранней американской истории в Гарварде, где и получил степени магистра (1959) и доктора философии (1964). В 1964–1966 гг. работал в Институте ранней американской истории и культуры в Вильямсберге, штат

* **Исаев Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, отдел всеобщей истории

Виргиния. Там профессор Бернард Бейлин привлёк его к реализации одного из проектов, приуроченных к 200-й годовщине независимости США. Задача проекта состояла в том, чтобы переиздать и прокомментировать памфлеты Американской революции и конституционные документы колоний, ставших штатами США.

На первых порах работа представлялась Вуду если не чисто технической, то рутинной: о событиях, документах и действующих лицах того времени написаны горы книг, надо было только извлечь из них сведения, потребные для комментариев. «Однако вскоре я обнаружил, – писал Г. Вуд, – что в разнообразных институциональных и иных механизмах, записанных в конституциях, я смогу найти лишь очень мало смысла, если не пойму начальные посылки, из которых исходили создатели конституций». И вскоре «за стилистическим и иным разнообразием американской мысли стала просматриваться общая для всех авторов модель представлений о социальных процессах, – представлений, к которым относились с полным доверием, – блок общих истин об истории, обществе и политике, которые связывали и проясняли идеи, ранее казавшиеся изолированными и не имеющими отношения друг к другу».

Слова, употреблявшиеся в памфлетах, все казались знакомыми: «свобода», «демократия», «республиканизм». Однако, сравнивая дебаты 1776 г. вокруг принимаемых штатами первых конституций и дебаты 1787 г. вокруг проекта Конституции США, Вуд увидел, что термины и категории политической мысли за эти годы радикально изменили значение. Проследив эти изменения и суммировав их, Вуд пришёл к выводу: в 1787 г. американцы не просто выработали новое государственное устройство для своей страны: они пришли к совершенно новой концепции политики, радикально отличавшейся от классической западной концепции, идущей от Аристотеля и воплощённой в политической системе Великобритании [4, р. VIII].

Процесс становления этой новой концепции политики был описан Г. Вудом в книге «Создание Американской республики» (1969). Жанр книги сам он определил как «исследование американской политической культуры» [4, р. VII].

В том же 1969 г. Вуд был приглашён преподавать в университет Брауна в Провиденсе, штат Род-Айленд, с которым связана вся его последующая жизнь. Книга же уже в 1970 г. была удостоена в США двух престижных премий.

Н.Н. Болховитинов – ведущий отечественный специалист по американской историографии – следующим образом обозначил место книги Вуда в исторической науке. После 1945 г. самые маститые историки – Дэниэл Бурстин, Клинтон Росситер, Луис Харц – считали события 1776 г. консервативным движением в защиту свободы и

собственности от посягательств британского имперского правительства, а не революцией в европейском понимании этого слова. Один из историков этого направления – Эдмунд Морган – специализировался на исследовании идеологии американских революционеров 1776 г. Он обнаружил истоки этой идеологии в текстах британских вигских мыслителей XVIII в., которых современники нередко называли радикалами, но чьи идеи на самом деле представляли собою сложную смесь эгалитарных порывов и консервативных установок (это прежде всего Эдмунд Бёрк). Болховитинов считал Моргана основателем «интеллектуальной» или «идеологической» школы в рамках всё того же «консервативного» направления. Но Бейлин, по его мнению, в пределах того же направления и той же школы положил начало новой трактовке событий 1776–1787 гг. Считая, что ни в 1776, ни в ближайшие после разрыва с Британией годы американское общество не пережило никакой социальной трансформации, Бейлин констатировал: зато в области политических идей американцы пережили настоящую революцию! Эту трактовку событий Американской революции 1776 г. Болховитинов и назвал «идеологической интерпретацией». Он констатировал, что «школа Бейлина заняла ведущее положение в изучении Американской революции» [1, с. 74].

Ученик же Б. Бейлина – Гордон Вуд – сначала, по предположению Н.Н. Болховитинова, сомневался, что «чисто интеллектуальная» интерпретация событий сможет заменить анализ социально-экономических отношений и аспектов, коим так усердно и успешно занимались прогрессисты начиная с Чарльза Бирда. Но позже, отбросив сомнения, «он главное внимание уделил радикальному изменению в ходе революции американской политической мысли» [1, с. 73]. А потому его работа принадлежит к той же «школе идеологической интерпретации» Американской революции.

В 1980 г., когда эти суждения были напечатаны, – как и вообще в период господства марксизма-ленинизма, – полагалось хвалить тех «буржуазных» учёных, кто уделял основное внимание социально-экономическим аспектам истории своих стран: считалось, что такие ближе к «материалистическому пониманию истории», чем исследователи «голой» политики, эволюции правовых систем или эстетических представлений. «Идеологическая интерпретация» означала, что американский исследователь более далёк от «исторического материализма», чем были прогрессисты. В перечень книг, которые советские библиотеки намеревались приобрести в США, толстая и довольно дорогая книга Вуда не попадала. На русский язык она не переведена до сих пор. А лекции по истории США в нашей стране читались, и книги до сих пор пишутся без учёта тех выводов, к которым пришёл Вуд.

Выражение «школа идеологической интерпретации» в качестве обозначения историографической позиции звучит странно. Летом 1994 г. автор этих строк спросил Н.Н. Болховитинова, не является ли оно переводом какого-то английского оборота. Николай Николаевич ответил, что придумал его сам и не считает нужным от него отказываться. Свои критические доводы, не убедившие Болховитинова, мы всё-таки здесь воспроизведем. Допустим, кто-то подвергает событиям «идеологической интерпретации», т. е. трактует их в свете определённой идеологии. Кто же это: современник и участник событий, или же историк, живущий, может быть, многие десятилетия спустя? Гибель Александра II в свете народнической идеологии была «казнью». Один историк – народник или большевик – мог и в 1940-х – 1950-х гг. назвать так событие 1 марта 1881 г. Другой мог сам назвать его убийством, но при этом упомянуть, что народники называли его казнью, и подробно объяснить, на какие народнические представления такая трактовка опиралась. Разница подходов таких двух историков будет очевидна. По смыслу выражения – «школа идеологической интерпретации» – первого можно без оговорок причислить к таковой. Ну а второго? Понятно, случай Гордона Вуда именно этот, второй, но относительно него-то и возникают сомнения. Ведь второй историк занимается интерпретацией идеологом не своих и даже не современных себе, а чужих, прошлых – тех, с которыми сам он не согласен. Он может их интерпретировать и в черносотенно-монархическом, и в либеральном духе, – неужели эта разница вовсе не имеет значения и такой историк при любом варианте должен быть назван приверженцем «идеологической интерпретации»? Далее: если историк специализируется на изучении общественной мысли и на этом основании мы, отбросив высказанные ранее сомнения, относим его к «школе идеологической интерпретации», то означает ли это, что наш историк не видит в истории *ничего, кроме* движения общественной мысли? Здесь мы сталкиваемся с одним из самых забавных и нелепых, но, тем не менее, прилипчивых мифов советской историографии. Его можно сформулировать так: «Всякий историк изучает то и только то, что считает важным и чему симпатизирует». На самом деле историк может изучать и то, что не считает главным содержанием истории, но что всё равно интересно ему и его читателям (есть же в историографии России работы по истории кабаков и бурлачества). А одну историографическую школу от другой отличает прежде всего *метод* исследования и *подход* к материалу, а вовсе не предмет исследования. Гордон Вуд, во всяком случае, и в книге 1969 г. давал понять, что в Американской революции была, помимо идейной, ещё и социальная составляющая, и что он придавал ей по крайней мере не меньшее значение.

Совершенно очевидным это стало в 1991 г., когда увидела свет новая книга Вуда – «Радикализм Американской революции», где автор, не пересматривая прежних взглядов, сосредоточил внимание на социально-экономической стороне происходившего процесса и обнаружил там ничуть не менее глубокие изменения. «Если мы измеряем радикализм революций степенью нищеты, развала экономики, количеством убитых людей или сожжённых усадеб, тогда привычное подчёркивание консерватизма Американской революции довольно справедливо. Но если мы измеряем радикализм размахом свершившихся социальных перемен, преобразованием тех отношений, которые связывают человека с человеком – то Американская революция вовсе не была консервативной – напротив, она была столь же радикальной и революционной, как и любая известная из истории. Конечно, Американская революция сильно отличалась от других. Но разница заключалась не в том, что она была менее радикальной или менее социальной» [5, р. 5]. На русский язык переведена статья Вуда [2], которая содержит свод тезисов книги.

Концепция Г. Вуда важна и интересна настолько, что её не вправе игнорировать ни один историк политической мысли США 1780-х гг. Попытаемся изложить её кратко.

Революционеры 1776 г. считали британскую неписаную конституцию воплощённым идеалом государственного устройства, которое ещё Аристотель описывал как наилучшее: комбинацией монархии, аристократии (палата лордов) и демократии (палата общин) [4, с. 10–11]. Ущемлённое и обиженное положение колоний, по их мнению, возникло в результате коррупционного заговора, исходящего от королевской власти и направленного на узурпацию полномочий, по праву принадлежащих парламенту [4, р. 42] (теории этого «заговора» – фантастической, но тем не менее сформулированной прямо в Декларации независимости! – Вуд посвятил специальную интереснейшую статью – см. [3]). Американские революционеры полагали, что британская конституция оправдывает их действия, и считали себя её стражами [4, с. 97]. Они «решили порвать с метрополией и добиваться оживления (*revitalization*) принципов английской конституции в Новом Свете» [4, р. 45].

Оживления они надеялись добиться через насаждение идеологии, которая вдохновляла их самих. Идеология называлась *республиканизм* и подразумевала то, с чем связано это слово в политическом обиходе, но также многое сверх того.

Американские республиканцы 1776 г. – авторы издаваемых Бурстином и Вудом памфлетов, такие как Натаниэл Уитекер, Бенджамин Раш, Дэвид Рамсей, Сэмюэл Адамс, Томас Пауналл – были уверены: чтобы республика была настоящей республикой, её граждане должны были обладать качеством, какого не было ни в Англии,

ни в Польше, но было налицо в античных республиках – Афинах, Спарте и Риме. Его они надеялись положить и в основу новой американской государственности. Называли они это качество «доблесть» или «добродетель» (*virtue*). Именно такой взгляд придавал Американской революции «моральное измерение и глубину, присущую утопиям» [4, р. 47]

Американские республиканцы 1776 г. верили, что античные республики были крепки, стабильны и победоносны, пока их граждане подчиняли свои личные интересы благу целого – своего государства. Добровольно или по принуждению? Этот вопрос считался бессмысленным: ведь в республиках граждане подчинялись не традиционным, назначенным свыше начальникам, а *той самой* власти, которую они же и выбирали: консулам, стратегам, эфорам. Республиканцам казалось, что таким образом снимаются все существенные коллизии между личностью и коллективом. Гражданин, может быть, голосовал не за того кандидата в консулы, который был избран. Может быть, консул, за которого гражданин голосовал, принял решение о начале войны, которой этот гражданин не хотел. Но противопоставлять свою волю общей воле в подобных ситуациях было бы преступным капризом – в античных республиках подобное поведение бросало вызов всей системе гражданского воспитания и во времена расцвета сурово каралось. Патриотическое стремление или по меньшей мере готовность гражданина принести свои личные интересы, имущество и жизнь в жертву ради общего блага – были тогда налицо.

Это-то свойство граждан получило в политической литературе XVIII в. специальное название – «общественная доблесть» (англ. *public virtue*). Общественная доблесть необходима всюду, где народ *участвует* в управлении страной; но государство, где народу принадлежит *вся* власть, может существовать *только* благодаря этой доблести и ничему иному.

С течением времени, отмечали эти публицисты, доблесть иссякла: богатство и роскошь испортили граждан, они приучились ставить свои частные, эгоистические интересы выше общих, объединились во фракции и клики (*factions*). Республики, раздираемые гражданскими войнами, пали, и установились монархии – македонская и римская. Люди, не обладающие доблестью, могут жить только в монархиях, где каждому позволено всё, на что он имеет право, даже если это нарушает нормы морали. Такой стала и британская монархия. Власть, соблюдающая только закон (весьма эластичный) и не считающая себя связанной моралью, неизбежно

портится, становится продажной, коррумпированной (слово corruption означает и «порча», и «продажность», и «коррупция»). Даже британский парламент – когда-то оплот свобод британского народа – стал коррумпированным учреждением, потому-то напрасно американцы взывали к нему в надежде, что он защитит колонии от произвола королевских чиновников. Отделение от такого коррумпированного государства – единственно возможный способ избежать угнетения сейчас и развращения в перспективе.

Американские патриоты были уверены, что Америка пойдёт другим путём – путём гражданской доблести, а не коррупции. Американцы – полагали они – не так богаты и не так развращены, как англичане. В самом деле, даже богатейшие виргинские плантаторы были не богаче британского джентри средней руки. Американское общество было гораздо однороднее английского: не было таких кричащих контрастов между богатством и бедностью, как в английских промышленных городах. Американское общество состояло в основном из «фермеров» (так называли себя и плантаторы) – этим оно напоминало Древний Рим, но отличалось от Англии. Одним словом, почва для «общественной доблести» в Америке есть. Надо эту доблесть насаждать, внушая согражданам соответствующие убеждения.

Многие всерьёз верили, что установление республиканской формы правления окажет на людей какое-то магическое воздействие, заставит их по-настоящему переродиться, побудит руководствоваться во всех случаях повседневной жизни (и подавно на избирательных участках) самыми высокими идеалами.

Политические системы отдельных штатов и всей американской конфедерации строились в соответствии с принципами республиканства в 1776 и в последующие годы. Полнота власти находилась в руках легислатур; в Пенсильвании, Джорджии и Вермонте они были сделаны однопалатными, дабы единая воля единого народа диктовалась единственной законодательной коллегией. Власть губернатора была слабой, а в Нью-Гэмпшире отсутствовала. Принцип разделения властей был записан в конституциях штатов, но на деле законодательная власть подчинила себе и исполнительную, и судебную. Хотя законотворчество осуществлялось в традиционных формах, законодатели очень слабо ощущали ответственность за последствия своих решений и не чувствовали себя связанными своими же собственными предыдущими решениями. Легислатуры регулировали цены, аннулировали частные долги либо обязывали кредиторов довольствоваться получением их номинального эквива-

лента в обесцененных бумажных деньгах, и при этом считали себя вправе выпускать деньги в любых количествах. О гарантиях прав меньшинств речи не было, потому что самым заметным меньшинством были лоялисты, т. е. явные враги. Центральная, общеамериканская власть была сознательно сделана слабой, почти символической, – считалось, что подлинно республиканский принцип государственного устройства предполагает (как учили Монтескье и Руссо) прямую, а не представительную демократию в 13 маленьких государствах, а не в одном большом.

Последовательно проведённые в жизнь республиканские принципы 1776 г. через 10 лет довели американскую конфедерацию до хаотического состояния и распада. В начале 1787 г. казна Конфедерации была пуста, так что ветеранам Войны за независимость не приходилось надеяться на обещанную было пенсию. Нью-Йорк и Нью-Джерси отгородились друг от друга таможенными. Массачусетс стал ареной гражданской войны – восстания Дэниэла Шейса.

Государство, заново создаваемое в такой обстановке в 1787 г., было «республикой без доблести», т. е., если оценивать его на основании критериев 1776 г., не республикой вовсе. Конституция 1787 г. создала сложную систему разделения властей и «сдержек и противовесов» – с тем чтобы эгоизм одних уравновешивался эгоизмом других. Законодательная власть была сделана двухпалатной, исполнительная – единоличной, судебная – пожизненной. Билль о правах 1791 г. очертил ту сферу прав граждан, в которую не могла вторгаться никакая власть, какое бы большинство её ни формировало. Новое государство радикально отличалось от прежнего ещё и своим отношением к обществу и к каждому отдельному человеку. Оно было изначально лишено большинства функций, контролирующих духовную сферу и частную жизнь. Зато функции, направленные на материальный прогресс общества и затрагивающие материальное благосостояние гражданина, были не просто воспроизведены в том виде, в каком они существовали до и сразу после 1776 г., а разрослись, усложнились и вскоре после 1787 г. оказались в центре политической борьбы.

Источниковая база работ Вуда производит сильное впечатление. Это не только наследие отцов-основателей США, памфлеты, изданные во время войны за независимость в виде брошюр, но и политические статьи, напечатанные в газетах, что выходили в штатах (не обязательно в больших городах!) и, казалось бы, заслуженно забытые. Но и из старых газет Вуд извлекает замечательные тексты. И весь этот громадный материал подвергнут тонкому, при-

стальному, филигранному анализу, результаты которого изложены ясной и изящной английской прозой.

Всё это характерно и для многочисленных статей Вуда, но это ли определяет специфику школы, к которой он принадлежит? Ясно обозначить своеобразие подхода и метода Вуда сейчас едва ли возможно. Это не вчерашний, а сегодняшний день американской исторической науки. На пресловутый вопрос о том, что первично, а что вторично – социальное бытие или же идеи, в которых люди его осмысливают и в которых оно отражается, – Вуд вообще не даёт однозначного ответа. Для него очевидно, что эти два фактора истории всегда взаимодействуют, и почти всегда взаимодействуют сложно, так что о линейной, простой зависимости одного от другого говорить не приходится.

Список литературы

1. Болховитинов Н.Н. США: Проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
2. Вуд Г. Радикализм Американской революции // Американский ежегодник. – 1994. – М., 1995. – С. 9–26.
3. Wood G. S. Conspiracy and the Paranoid Style: Casualty and Deceit in the 18th Century // William and Mary Quarterly. – 3rd Ser. – Vol. XXXIX. – No. 3. July 1982. – P. 401–440.
4. Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776–1787. – 1969.
5. Wood G.S. The Radicalism of the American Revolution. – N.Y., 1991.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 929.6(470+571)«1851/1917»629.4
ББК 63.215(2)52

А. А. Голубев*

Железнодорожная символика в нагрудных знаках наградной системы Российской империи

В статье анализируется символика наградных знаков связанных со сферой железнодорожного транспорта в наградной системе Российской империи; выделены служебные должностные знаки, членские – удостоверяющие принадлежность к союзам и обществам, памятные знаки, посвященные знаменательным событиям, академические – для выпускников учебных заведений, настольные медали и сувенирные знаки с железнодорожной символикой. Наибольший интерес представляют данные о жетонах, посвященных открытию новых участков и железнодорожных линий.

The article is devoted to the breast signs symbolism, connected with railway transport sphere in the Russian Empire rewarding system; official symbols, membership symbols – identifying the essential quality to the unions and societies, memorable symbols, devoted to significant events, academic – for graduates of educational institutions, reference medals and souvenir signs with railway symbolism are marked out. The information about tokens, devoted to the discovery of new sections and railway lines calls the greatest interest.

Ключевые слова: наградная система Российской империи, символика, жетон, орден, медаль, социальный статус, сановники, фалеристика, социальное служение, ювелирные фирмы, железнодорожная фалеристика, проба, клеймо.

Key words: the Russian Empire rewarding system; symbolism; a token; an order; a medal; social status; dignitaries; faleristics; social service; jeweller's firms; railway faleristics; a hall-mark; a brand.

Награды как составная часть государственной символики, как особый культурный феномен интересует историков, музейных работников, искусствоведов, дизайнеров, коллекционеров и т. д. Награды дают представление о культурных традициях, на базе которых они возникали, ярких исторических событиях и судьбах людей, являются важным фактором развития патриотических настроений и усиления нравственных позиций граждан.

* **Голубев Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Петербургский государственный университет путей сообщения, Петрозаводский филиал

Награды во все времена играли большую роль для общества и государства. В русле развития государственной символики Российской империи находилось учреждение отечественных орденов, медалей и знаков, которые стали основой наградной системы европейского типа. Становление наградной системы было направлено на развитие стимулов гражданской и военной службы и составляет важную страницу истории нашего Отечества.

В основе российской наградной системы – отечественные традиции награждения за верную службу, что явилось эффективным инструментом регулирования государственной службы, и распространялось практически на все народы, населявшие страну, а также иностранцев.

Изучение наградной системы и отдельных видов наград происходит в рамках специальной исторической дисциплины – фалеристики (от греческого *phalara*, латинского *phalerae* – металлические украшения). Фалеристика изучает историю орденов, медалей, знаков отличия, значков и жетонов, наградные документы и наградную статистику, нагрудные знаки определенного исторического периода, что помогает в исследовании важных событий и фактов, способствует расширению и углублению знаний о различных областях жизни общества. Иерархия наград, их значимость для государства и отдельного человека включает: государственные ордена и медали; нагрудные знаки, значки, в том числе служебные, почётные, юбилейные, памятные, ведомственные и общественных организаций, об окончании учебных заведений и т. д.

Наградным знакам, становлению и функционированию наградной системы посвящены общие работы по истории орденов, медалей и знаков отличия Российского государства [2, 3, 11, 12]. В работах по фалеристике и справочной литературе представлены фотографии, рисунки и описание, статистические данные и коллекционные характеристики наградных знаков [1, 4, 5, 7, 8, 10]. Заметный вклад в железнодорожную фалеристику вносит труд В.П. Лапина [9]. В нем представлена наградная символика железных дорог с периода становления отечественного железнодорожного транспорта до настоящего времени. В исследовании даются сведения о наградных знаках, которые подносились именитым сановникам, удачливым финансистам или высокопоставленным работникам управления дорогами, а также дарились железнодорожным служащим от товарищей и сослуживцев. Содержатся данные о материале и способе их изготовления известными ювелирными фирмами; представлены документы, фотокопии приказов, рапортов, служебных отношений, удостоверений и т. п. [9].

Достижения фалеристики в исследовании эволюции внешнего вида наград, деятельности государственных учреждений по созда-

нию документов, раскрывающих обстоятельства учреждения, изготовления и бытования наград, механизм принятия решений о награждениях, рассмотрения наградных списков, а также их роль в социальном служении являются важным историческим источником.

История российских нагрудных знаков начинает свои отсчет со знаков отличия за беспорочную службу Высочайше утвержденных в 1827 г. Развитие системы российских нагрудных знаков проходило неравномерно: на первом этапе – с 1827 по 1866 гг. было утверждено всего несколько знаков; в 1866–1867 гг. была утверждена группа так называемых «академических» знаков, присваиваемых офицерам, оканчивавшим различные военные академии. Начиная с 90-х гг. XIX в. количество утверждаемых знаков быстро возрастало. Общее число знаков Российской империи к октябрю 1917 г. превышало 1000 наименований.

Необходимо отметить, что эти знаки являлись не только элементами различия, носимыми на форменной или особо оговоренной форме одежды, но в большинстве случаев отражали высокую значимость знака как награды или отличия, что сыграло не последнюю роль и в оформлении внешнего вида нагрудных знаков. Недаром лучшие художественно-ювелирные силы России старались внести свою лепту в разработку и изготовление российских нагрудных знаков. Ведущие российские ювелирные фирмы и мастера участвовали в разработке и производстве знаков. Результатом этих усилий стало появление таких нагрудных знаков, которые смело можно отнести к разряду высокохудожественных образцов ювелирного искусства России конца XIX – начала XX в.

Система российских нагрудных знаков охватывала практически все сферы российской жизни: государственную службу, общественно-благотворительные организации, союзы, комитеты, ученые общества, общины сестер милосердия, практически все высшие учебные заведения империи. Также существовало большое количество так называемых особых, или памятных нагрудных знаков: коронационных, юбилейных, реформенных и т. д.

Начальный этап формирования наградной системы и ее оформление происходит в XVIII в. Основу наград России в это время составляют ордена, медали и другие императорские пожалования. Однако система орденов не могла охватить масштаб всех заслуг перед отечеством. Для особого выделения и поощрения более широких слоев общества в XIX в. вводится наградной или должностной знак.

Преимущества знаков в первую очередь стали очевидными при определении и выделении отличия должностных лиц. Отличительные знаки в виде нагрудных блях стали вводиться в государственных министерствах и ведомствах, для придания значимости

чиновникам, выполнявшим публичные действия. Примером могут служить учрежденные должностные знаки служащих Управления перевозки почт, для служащих Министерства внутренних дел: для приставов, околоточных и др.

Рис. 1. Нагрудная бляха служащего Управления перевозки почт. Неизвестный мастер. Желтый металл

В середине XIX в. знак становится средством наглядной демонстрации успехов и побед России. Знак начинает широко использоваться в качестве дара на определенные события. Одним из первых явилось награждение в 1842 г. императором Николаем I гарнизона г. Бранденбурга, специальным знаком «В память 25-летия шефства над Первым Бранденбургским полком». Знак был изготовлен по заказу российского монарха и выполнен в серебре берлинским мастером К. Фишером [11, с. 331–332].

В середине XIX в. сложилась практика обращений к верховной власти с просьбами об учреждении, прежде всего, воинских знаков, что было связано с большим престижем воинской службы по сравнению с гражданской.

Инициатива награждения исходила от главы ведомства. При существовавшей тенденции распространить пожалования на различные категории населения существовал четкий дифференцированный подход. Сложилось определенное соответствие величины награды социальному и служебному положению награждаемого, его статусу, чину. В то же время при достаточно четком порядке установления знаков правила награждения не были законодательно оформлены. При отсутствии законодательно утвержденных уставов и каких-либо положений о знаках все награждения зависели исключительно от авторитарного решения, когда могли не только отмечать особые заслуги по службе, но и личную преданность. Обращаясь к практике награждений середины XIX в., надо констатировать отсутствие наградных документов, что связано с распространением устных распоряжений для награждения лиц.

Система наградных и должностных знаков получает дальнейшее развитие во второй половине XIX в. При императоре Александре II разрабатывались четкие правила получения знака. Это изменило наградную систему Российской империи и расширило круг людей, которые могли за свои заслуги и усердие в государственной службе получить соответствующее поощрение. Произошло значительное расширение социальных групп, награждаемых знаками. Наряду с государственными служащими разного уровня получить признание, отмеченное нагрудным знаком, могли деятели российской науки и культуры.

Наградная деятельность государства в XIX в. становится мощным рычагом кадровой политики и государственного управления разных уровней. В этот период устанавливается четкий порядок представления к наградным и должностным знакам, разрабатывается документирование наградной практики, обязательное указание на индивидуальные заслуги человека в той или иной сфере. Наградная система приобретает четкую организацию, а также происходит выравнивание поощрения государством гражданских лиц в соотношении с военными.

Важное место в наградной системе второй половины XIX в. заняли знаки выпускников высших учебных заведений. Они разрабатывались индивидуально под каждое учебное заведение в соответствии с его статусом и профилем. Так, нагрудный знак об окончании Института инженеров путей сообщения (рис. 2) был утвержден Министерством путей сообщения Российской Империи 18 июня 1866 г.

Рис. 2. Знак об окончании Института инженеров путей сообщения.
Неизвестная мастерская. Желтый металл, золочение.
Вес 26,29 гр. Размер 57x45 мм

Особый раздел российской фалеристики составляют памятные жетоны. Жетоны как отличительные знаки появились еще в XVIII в. и выпускались в честь значимых событий, таких как коронация нового монарха, победы российской армии и флота. Во второй половине XIX в. процедура выдачи жетонов в русле развития всей наградной системы была строго документирована. Сами жетоны получили официальное деление на государственные и частные. Примером государственного может служить жетон «На коронацию Александра II», выпущенный в 1856 г. (рис. 3).

Рис. 3. Жетон «На коронацию Александра II». Санкт-Петербургский монетный двор. Серебро

Важным решением по упорядочению наградной системы и нововведением в практике пожалований знаками к концу XIX в. стало формирование стройной структуры должностных и наградных знаков различных ведомств. Показательным примером внутриведомственной регламентации наград является система поощрений, внедряемая Министерством путей сообщения России.

Предметы железнодорожной фалеристики включают различные разделы: служебные, указывающие на принадлежность их владельца к железнодорожному ведомству или конкретным железнодорожным организациям; характеризующие должностное положение проводников, кочегаров и других низших категорий железнодорожных служащих, изготовленные, как правило, из меди, латуни; членские знаки, удостоверяющие принадлежность к профессиональному и творческому союзам, клубам, обществам; памятные знаки, посвященные знаменательным событиям, датам и юбилеям; академические знаки, свидетельствующие об окончании железнодорожных учебных заведений; настольные медали, выпускаемые в память о событиях, связанных с железнодорожным транспортом; сувенирные значки с изображением станций, вокзалов, мостов, исторических

мест, символизирующих проведение съездов, конференций, выставок и других мероприятий, связанных с жизнедеятельностью железнодорожного транспорта.

В Петербургском институте инженеров путей сообщения к 100-летию вуза были выпущены серебряные жетоны (рис. 4), которые могли носить преподаватели, студенты и выпускники. На лицевой стороне размещался вензель Александра I – создателя этого учебного заведения, увенчанный короной. На обратной стороне жетона был помещен символ ведомства путей сообщения, юбилейные даты вуза, а также изображение лягушки – негласного символа студентов-путейцев. В верхней части значок имел цепочку – его можно было носить как брелок или прикреплять к пуговице.

Рис. 4. Юбилейный жетон на 100-летие Петербургского института инженеров путей сообщения. Санкт-Петербург. Серебро

Знаки железнодорожной фалеристики являются истинными миниатюрными памятниками истории и культуры. В отличие от государственных орденов и медалей эти простые, неброские на вид изделия являются подлинными, неопровержимыми свидетелями ярких исторических событий. На них, как правило, имеется текст, указаны даты, а иногда увековечены даже целые художественные композиции отдельных конкретных событий, в честь которых они были учреждены. Они занимают на различных этапах развития каждый свое место и являют собой целую летопись истории нашего государства.

Весьма оригинальное художественное решение использовалось при создании жетона в память сооружения Олонецкой железной дороги (рис. 5), который был учрежден Акционерным обществом Олонецкой железной дороги, осуществившим строительство этой линии. Жетон изготавливался из серебра в виде среза древесного ствола хвойных пород. На лицевой стороне изображен герб Олонецкой губернии. Данный жетон принадлежал А.А. Гулевичу, о чем свидетельствует имеющаяся на нем надпись. На жетоне присутствует год

основания Акционерного общества Олонецкой железной дороги, созданного 1 апреля 1913 г. Жетон выдавался в специальной коробке фирмы «А. Тилландер». Олонецкая железная дорога протяженностью 280 км, построенная в 1914–1916 гг., соединила Санкт-Петербург с Петрозаводском.

Рис. 5. Жетон в память сооружения Олонецкой железной дороги. Санкт-Петербург. Изготовитель фирма «А. Тилландер». Серебро, эмаль, позолота. Вес 18,42 г. Размер 30x35 мм

Информационной лаконичностью отличается жетон Общества Верхне-Волжской железной дороги (рис. 6), которая была построена в 1914 г. Эта железнодорожная линия соединила станцию Берендеево Северных железных дорог со станцией Завидово Николаевской железной дороги и проходила через города Переславль-Залесский, Калязин. Далее от Калязина до г. Углич была построена линия протяженностью около 310 км.

Рис. 6. Жетон Общества Верхне-Волжской железной дороги. Частная мастерская. Золото, эмаль. Размер 42,4 x 25 мм. Вес 9,6 г

Изображение родового герба на жетоне Общества Мальцовской железной дороги (рис. 7) показывает ее принадлежность семейству Мальцовых. Мальцовская частная железная дорога была построена в 1877–1881 гг. по инициативе русского промышленника Сергея Ивановича Мальцова. Всё необходимое оборудование выпускалось на его заводах, а обслуживающий персонал набирался из местных крестьян. Мальцовская железная дорога соединяла станции Радица и Бытоши. Она была основной транспортной магистралью, обслуживавшей «Мальцовский заводской округ» на границе Орловской, Смоленской и Калужской губерний.

Рис. 7. Жетон Общества Мальцовской железной дороги.
Санкт-Петербург, частная мастерская. Золото, эмаль.
Размер 33 x 27,5 мм. Вес 15,3 г

Частные железные дороги Грязи-Царицынская и Козлово-Воронежско-Ростовская 1 августа 1893 г. были объединены с государственными Орловско-Грязинской и Ливонской железными дорогами под управлением Акционерного общества Юго-Восточных железных дорог. Они проходили по территории Воронежской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Саратовской, Царицынской, Курской губерний и Области войска Донского. На жетоне (рис. 8) присутствует изображение гербов этих территорий. Сеть этих дорог связывала Донецкий угольный бассейн с Центрально-промышленным районом, Поволжьем и Сибирью. На 1913 г. протяженность линий Юго-Восточных железных дорог составляла 3252 версты. Золотой жетон Акционерного общества Юго-Восточных железных дорог давал право его владельцу на бесплатный проезд по этой магистрали в вагонах первого класса.

Рис. 8. Жетон акционерного общества Юго-Восточных железных дорог.
Санкт-Петербург, частная мастерская. Золото, эмаль.
Размер 45 x 34 мм. Вес 11,8 г

Летящий паровоз – олицетворяет железнодорожную символику на жетоне Общества Аккерманской железной дороги (рис. 8), которая начала функционировать в 1913 г. Она соединяла города Аккерман и Кишинев.

Рис. 9. Жетон Общества Аккерманской железной дороги.
Санкт-Петербург, частная мастерская. Золото, эмаль.
Размер 32,9 x 27,9 мм. Вес 12,3 г

Жетон Общества Черноморской железной дороги (рис. 10) несет картографическое изображение территории, по которой она проходила. Черноморская железная дорога – это условное название пути, построенного в 1908–1917 гг. и шедшего по берегу Черного моря от Туапсе до Адлера. Эта линия являлась частью Северо-Кавказской железной дороги. Учредителями общества Черномор-

ской железной дороги в 1912 г. стали Н.Н. Перцов, А.И. Путилов и С.С. Хрулев. В 1914 г. были начаты строительные работы, но в связи с началом Первой мировой войны строительство велось значительно медленнее, чем было намечено. Весной 1917 г. была предпринята попытка активизировать строительные работы. Специальное совещание под председательством товарища министра путей сообщения решило разобрать рельсы на некоторых линиях других железных дорог (Рязанско-Уральской, Владикавказской, Московско-Виндавской, Армавир-Туапсинской) для переброски их на Черноморскую дорогу. Кроме того, было решено прекратить строительство Батум-Трапезундской железной дороги, а ее средства передать Черноморской дороге. Полностью план строительства Черноморской железной дороги был реализован только в 1943–1944 гг. в условиях Великой Отечественной войны.

Рис. 10. Жетон Общества Черноморской железной дороги.
Частная мастерская. Золото, эмаль.
Размер 34,2 x 24,2 мм. Вес 10,6 г

Жетон Общества Ачинск-Минусинской железной дороги (рис. 11) содержит изображение герба Енисейской губернии и транспортную символику (перекрещенные топор и якорь). Ачинск-Минусинская железная дорога, построенная Акционерным обществом в 1911 г., стала частью Великого сибирского пути, входила в сеть железных дорог, соединявших европейскую часть России с Уралом и Сибирью. В 1918 г. эта железнодорожная линия вошла в состав Томской железной дороги.

Рис. 11. Жетон Общества Ачинск-Минусинской железной дороги.
Частная мастерская. Золото, серебро, эмаль. Размер 34,2 x 23,8 мм. Вес 10,8 г

Жетон Общества Кольчугинской железной дороги, изготовленный в виде куска угля с золотыми деталями – гербом Томской губернии и железнодорожной символикой (рис. 12), несет в своем изображении главное предназначение дороги – связать рельсовым путем угольные районы с промышленными. Кольчугинская железная дорога – это железнодорожный путь от станции Юрга до Кузнецка-Сибирского. Она обеспечивала доставку сырья с Кольчугинских каменноугольных копей. Дорога сооружалась на средства Общества Кольчугинской железной дороги, в которое входили промышленники – владельцы угледобывающих предприятий. Строительство железной дороги было начато в 1913 г. Окончание строительства железнодорожной линии в 1925 г. совпало с ее присоединением к Западно-Сибирской железнодорожной магистрали.

Рис. 12. Жетон Общества Кольчугинской железной дороги.
Частная мастерская. Серебро, золото, эмаль.
Размер 33,5 x 17,5 мм. Вес 20,4 г

Изображение сельскохозяйственной символики на жетоне Общества Кулундинской железной дороги показывает ее предназначение, как основной транспортной артерии для перевозки произведенных в крае сельскохозяйственных продуктов. Железная дорога была построена в 1917 г., а в 1918 г. вместе с Кольчугинской и Ачинск–Минусинской железными дорогами была включена в сеть Томской железной дороги.

Рис. 13. Жетон Общества Кулундинской железной дороги.
Санкт-Петербург, частная мастерская.
Золото, серебро, эмаль. Размер 36,5 x 33,1 мм. Вес 11,2 г

Жетон Общества Токмакской железной дороги в оформлении содержит гербы Таврической и Екатеринославской губерний и эмалевое изображение движущегося паровоза (рис. 14). На оборотной стороне жетона имя, отчество и фамилия его владельца Никифора Андреевича Шарапова. Токмакская железная дорога, построенная в 1914 г. на средства одноименного акционерного общества, соединила станции Цареконстантиновка и Фёдоровка на юге Российской империи. Одним из ключевых пунктов этой линии стала станция Большой Токмак, соединявшаяся подъездными путями со станцией Пришиб на железнодорожной магистрали Харьков – Севастополь.

Рис. 14. Жетон Общества Токмакской железной дороги. Санкт-Петербург, частная мастерская. Золото, серебро, эмаль. Размер 53,2 x 25 мм. Вес 23,3 г

Созданное русским промышленником и финансистом Алексеем Ивановичем Путиловым в 1909 г. Акционерное общество Троицкой железной дороги (рис. 15) своей задачей ставило соединить города Троицк и Кустанай с Самаро-Златоустовской железной дорогой для обеспечения вывоза зерна и сельскохозяйственных продуктов с территории этого края. Железнодорожную линию от Троицка довели до ст. Полетаево Самаро-Златоустовской железной дороги. Управление железной дороги находилось в Санкт-Петербурге. В строй линия Троицк–Кустанай вошла в 1913 г.

Рис. 15. Жетон Троицкой железной дороги, выданный А.И. Путилову в 1910 г. Санкт-Петербург. Золото, серебро, эмаль. Размер 25x40 мм

К концу XIX в. сложилась процедура учреждения и изготовления знаков и жетонов. Вначале на общем собрании обсуждалась идея учреждения знака, затем сами же инициаторы разрабатывали рисунок. При этом, как правило, объявлялся конкурс. Нагрудные знаки, награды исторически выполнялись в соответствии с канонами геральдики. Рисунки предлагаемых знаков отличались большой оригинальностью и разнообразием. Их авторы стремились использовать элементы, напоминавшие о железнодорожных символах, в знаки включались элементы лавровых и дубовых ветвей, кресты, короны, двуглавые орлы, вензелевые изображения, имена, названия ведомств и даты. В знаках преобладала белая, синяя, красная и зеленая эмали, это цвета, соответствовавшие раскраске государственного флага и железнодорожного ведомства.

Победивший на конкурсе рисунок и проект положения о знаке представлялись на высочайшее утверждение. Процедура утверждения знака заключалась в начертании на рисунке резолюции: «Согласен!». При этом каких-либо дополнительных документов не требовалось. Необходимое число знаков заказывали у ювелиров. Официальные же нагрудные знаки вводились приказами, в которых указывалось не только положение о знаке, но и правила его ношения.

Некоторые нагрудные знаки были номерными, т. е. на их оборотной стороне гравировался номер, соответствовавший списку, по которому вручались знаки. При этом строго соблюдалось старшинство чинов. Часто на знаке гравировали фамилию владельца и дату вручения. Иногда аналогичная гравировка выполнялась в порядке частной инициативы. Поскольку знаки изготавливались в различных мастерских и разными мастерами, то одни и те же знаки могли отличаться либо тончайшей работой и великолепными эмалями, либо представлять собой более упрощенный вариант.

Нагрудные знаки составляют самостоятельный и интереснейший исторический пласт российской истории. Несмотря на большое количество различных наград, нагрудные знаки весьма редки, а многие из них не обнаружены и не представлены в собраниях музеев и частных коллекциях. Во-первых, тиражи знаков были невелики, что объясняется высокими требованиями к выслуге лет, необходимыми для получения знака. Во-вторых, в России было небольшое количество выпускников, отмечаемых знаками учебных заведений, особенно это относится к офицерским классам, школам и курсам. В-третьих, необходимо учитывать, что ввиду присутствия на большинстве знаков элементов и символов самодержавия – вензелей, корон, двуглавых орлов, «несоответствующих надписей», хранение этих вещей в советский период было крайне опасным, а практически незаконным, что и привело к их уничтожению.

Поскольку большинство знаков изготавливалось из драгоценных металлов, то с течением времени их подавляющая часть была переплавлена. Очень малая часть, оставшаяся в неприкосновенности, хранилась в семьях. Часть знаков была вывезена за пределы России в процессе эмиграции. Этим объясняется, что число самых «распространенных» знаков не превышает 200–250 штук. А менее «распространенные» знаки в хорошем состоянии, в «родных» коробках вообще являются очень редкими и в полном смысле слова раритетными [9, 11].

Памятные знаки условно делят на две части: наградные и информационные. Наградные знаки – это воплощение моральных стимулов, предназначенных для поощрения. Иначе говоря, они являются одним из компонентов воспитания субъектов на положительном примере.

Информационные знаки более точно выражают и дополняют функции форменной одежды, уточняя ее назначение. Эти знаки отражают служебное положение железнодорожников, их права, обязанности и статус.

История железнодорожных нагрудных знаков и жетонов складывалась на основе лучших традиций российской наградной системы.

Список литературы

1. Бурков В.Г. Фалеристика. – М.: РГГУ, 2000.
2. Бурков В.Г. Историография отечественных фалеронимов и фалеристики. – Л.: ЛГУ, 1990.
3. Винклер П. Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра Великого до наших дней. – СПб., 1899.
4. Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. – М.: Наука, 1990.
5. Ильинский В.Н. Значки и их коллекционирование. – М.: Связь, 1977.
6. Ильинский В.Н. Трудовые награды железнодорожников и транспортных строителей. – М.: Транспорт, 1988.
7. Кожевин В.Л. Фалеристика. – Омск: ОмГУ. 2000.
8. Кузнецов А. Награды: энцикл. путеводитель по истории рос. наград. – М.: Современник, 1999.
9. Лапин В.П. Нагрудные знаки и жетоны железнодорожного транспорта. – Киев: Укр. науч. об-во краеведения, геральдики и фалеристики, 2008.
10. Можейко И.В. Награды. – М.: Хронос, 1998.
11. Чепурнов Н.И. Наградные медали государства Российского. – М.: Рус. мир. 2000.
12. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – Л.: Наука, 1991.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 338(470+571)(09)«1851/1917»:342.5
ББК 63.3(2)522/53-3

*В. И. Данильченко**

Роль государственных органов Российской империи в организации выставочной деятельности в середине XIX – начале XX в.

В статье дается характеристика выставочной политики России в середине XIX – начале XX в. Выясняется роль центральных и местных органов в организации этой деятельности. Наибольшее внимание уделяется участию России во всемирных выставках и роли государственных структур в проведении этих мероприятий.

The article describes the exhibition activities of Russian in the middle of XIX - beginning of XX century. Author explains the role of central and local authorities in organizing this activity. Most attention is paid to the participation of Russia in the World Exhibition and the role of government agencies in carrying out these activities.

Ключевые слова: Россия, промышленность, сельское хозяйство, наука, выставочная деятельность, всемирные выставки, государственные органы.

Key words: Russia, industry, agriculture, science, exhibition activities, World Exhibition, the public authorities.

Для того чтобы с достаточной степенью достоверности оценить результаты российского участия во всемирных выставках, стоит более детально рассмотреть основные моменты экономического развития России данного исторического периода. Вторая четверть XIX в., время правления императора Николая I, для Российской империи явилась сложным и противоречивым периодом. Советская историческая школа традиционно представляет его как время разгула реакции, засилье аракчеевщины, забывая порой о том, что на этот период приходится расцвет карьеры таких светил российской науки, как будущие академики Н.А. Северцов и А.Н. Бекетов и многих других известных в научном мире имен. О подобном феномене говорил в 1996 г. на конференции «Наука и просвещение в николаевское время» профессор Э.И. Колчинский, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания РАН. Он отметил, что, как ни парадоксально, но «периоды авторитарных правлений совпадают в нашей истории со временем расцвета наук и культуры» [9, с. 30].

* **Данильченко Виталий Иванович**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Возникновение, и формирование такого направления политики государства, как выставочное дело, также происходило в царствование императора Николая I, государственный курс которого, направленный на развитие экономики страны, русский историк С.Ф. Платонов оценил таким образом: «Знакомясь с правительственной деятельностью изучаемой эпохи, мы приходим к заключению, что первое время царствования Николая I было временем бодрой работы, поступательный характер которой, по сравнению с концом предшествующего царствования, очевиден» [6, с. 232].

Еще в царствование Александра I манифестом от 8 сентября 1802 г. были созданы, в том числе, министерство финансов и министерство коммерции. Именно эти государственные ведомства позднее были задействованы в первую очередь как организующие структуры выставочного дела. Наряду с названными структурами устройство выставок регионального уровня, за исключением сельскохозяйственных, возлагалась на глав региональных администраций – губернаторов и генерал-губернаторов [10, с. 362].

Результатом предпринятых усилий становится проведение в 1820 г. Первой всероссийской промышленной выставки в Одессе. Затем, в 1829 г., 15 мая, в Санкт-Петербурге открывается Первая публичная выставка российских изделий. Начиная с 1837 г., в ряде губернских городов проводятся региональные выставки, где экспонируется продукция местных производителей.

Роль государственных органов в организации участия России в международных выставках заключалась в следующем:

- Издание правовых актов, обеспечивавших и регламентировавших выставочную деятельность.
- Финансирование проектов по участию в выставках.
- Учреждение организационных комиссий, осуществлявших непосредственное руководство и координацию подготовки к выставкам.
- Информационная поддержка.
- Координация деятельности государственных и коммерческих организаций.
- Привлечение подведомственных организаций и предприятий к производству и изготовлению экспонатов.

Законодательно данное направление социально-экономической деятельности обеспечивалось в первую очередь статьями закона Российской империи, а именно: 24–27 Устава сельского хозяйства [11, с. 135], а также рядом других нормативных актов. Это, прежде всего, изданное, по инициативе Николая I, 25 августа 1836 г., предписание Министерства внутренних дел «Об учреждении во всех губерниях выставок изделий и образцов фабричной, заводской, ремесленной и всякого другого рода местной промышленности». Его выход был приурочен к инспекционно-ознакомительной поездке наследника, великого князя Александра по стране.

Данный документ послужил мощным катализатором для развития русского выставочного дела, поскольку в большинстве губернских городов появились местные выставки продукции народного хозяйства. Многие из них продолжили свою деятельность и в последующие годы, например: Вятская, Владимирская, Казанская выставки. Профессор Казанского университета М.Я. Киттары писал: «Вятская очередная выставка сельскохозяйственных произведений 1854 г. ... была богата посетителями, большинство которых составляли крестьяне... Завлекаемые любопытством, они осматривали выставку с полным вниманием по несколько раз, смекали на ум, что считали полезным, вслух высказывали мнение там, где признавали себя знатоками, дивились диковинкам, обращались за объяснением их к членам комитета, и улыбка душевного удовольствия и национальной гордости осеняла простую физиономию вятчанина, когда за объяснением узнавал он, что хитрая вещь не из-за моря, а дело рук его соотчича» [4, с. 37].

В 1848 г. было издано Высочайшее повеление «О выставках изделий мануфактурных, фабричных, заводских», в котором были предложены основные критерии оценки экспонатов. Характерно, что в этом документе, помимо экономического эффекта, рассматривался и социальный вопрос об улучшении положения рабочих, устранении опасности для их жизни и здоровья, сопряженных со свойством некоторых работ.

В 1850 г. были утверждены «Нормальные правила для губернских выставок сельских произведений» Министерством государственного имущества [1, с. 27]. Эти правила были разработаны с целью регламентации и унификации выставочной деятельности в стране. Губернскими департаментами министерств и ведомств, а также канцеляриями губернаторов, на основании министерских регламентов были разработаны аналогичные документы, регламентирующие выставочную деятельность местного уровня. В итоге Россия к середине XIX в. имела обширную сеть губернских и региональных выставок. Вот что было написано в официальном издании Министерства государственных имуществ об одной из них – Вятской выставке сельских произведений, открывшейся 15 августа 1850 г.: «... одно из наиболее изобильных, благоустроенных и поучительных во всей империи» [3, с. 12]. Таким образом, имелся целый ряд официальных документов, утверждавших и регламентирующих развитие выставочного дела в России.

Помимо законодательной базы выставочное дело обеспечивалось поддержкой общественных организаций, в частности, Вольного экономического общества, созданного в 1765 г. Также способствовали распространению передовых методов ведения хозяйства Московское экономическое и Казанское общества. Позднее, уже при следующем императоре, в 1866 г. по инициативе промышленников,

инженеров и представителей науки было организовано Русское техническое общество (РТО), имевшее обширную сеть местных отделений по всей территории России, и занимавшееся научными изысканиями и распространением технических знаний. В различные годы отраслевые комиссии Общества возглавляли такие выдающиеся деятели русской науки, как Яблочков, Менделеев, Бутлеров. Русское техническое общество постоянно принимало деятельное участие в организации выставок, а его члены регулярно выступали на них в качестве экспертов. В состав правления Общества входили члены правительства, за время своего существования над ним осуществлялся патронаж со стороны императорской фамилии, а с 1874 г. император лично принял шефство над РТО, ежегодно выделяя из своих средств 25 тыс. рублей [8. Л. 2].

При подготовке международных выставок каждый раз создавалась специальная Организационная комиссия по участию в соответствующей выставке. Ее задачей было непосредственное руководство и координация усилий различных ведомств и департаментов в ходе подготовки к этому мероприятию. Председатель и члены комиссии назначались приказом министра финансов и утверждались императором. Комиссия определяла список пунктов для сбора экспонатов; в этих городах учреждались подкомитеты, занимавшиеся организационными вопросами непосредственно в подведомственных регионах.

По результатам изучения источников, автором предложена «Схема взаимодействия государственных органов в процессе подготовки участия России во всемирных выставках середины XIX – начала XX в.».

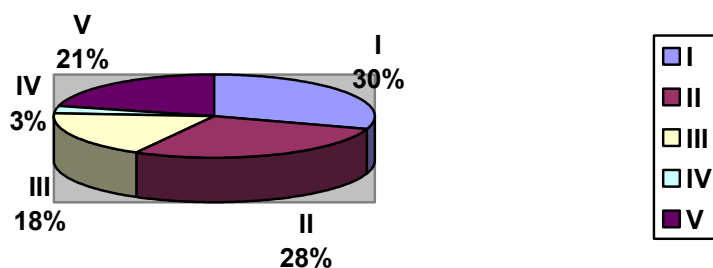
Особая комиссия получала от курировавшего его министерства финансов ссуду на покрытие расходов, связанных с организацией выставок. Так, в 1865 г. для участия в Парижской выставке 1867 г. ею было получено 200 тыс. рублей. Правительство, в лице комиссии, оплачивало расходы по доставке экспонатов, страховку предметов в пути, аренду выставочных площадей, строительство и оформление выставочных павильонов. Помимо этого, в случае необходимости, комиссия соотносилась с различными российскими ведомствами для решения организационно-финансовых вопросов. Так, в 1876 г. она обращалась в управление железных дорог с вопросом о сокращении расходов на транспортировку экспонатов и получила скидки с тарифов в размере от 30 до 50 % [7. Л. 11].

Для дальнейшего развития аграрного сектора российского хозяйства, правительство оказывало организационную и финансовую поддержку научным и исследовательским организациям, разработки которых способствовали прогрессу в сельском хозяйстве. История взаимодействия российской науки и сельского хозяйства показывает, что важной составляющей в поддержке научных исследований в

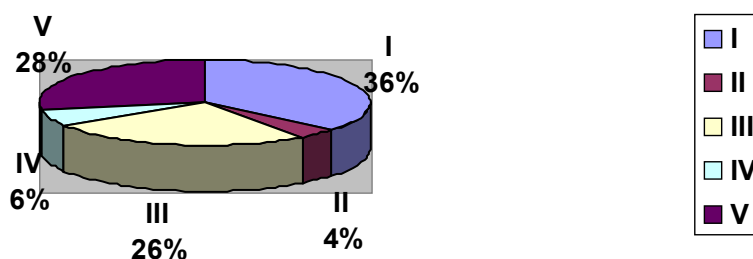
России наряду с частными лицами и всевозможными общественными образованиями (от научных и промышленных обществ до структур общественного самоуправления на местах – земств), оставалось государство в лице профильных министерств и департаментов.

Исследования известных химиков и специалистов в области минеральных удобрений Д.И. Менделеева и А.Н. Энгельгарда, научные разработки выдающихся российских почвоведов, основателей данного направления сельскохозяйственных наук в России П.А. Костычева, К.Д. Глинки, В.В. Докучаева, равно как и других представителей русской научной мысли XIX в. в области сельского хозяйства, в значительной степени были следствием целенаправленной поддержки, в первую очередь со стороны государственных органов [2, с. 40–63].

1895

1915

I	земства	IV	промышленные общества
II	частные лица	V	научные и с/х общества
III	министерства		

Рис. 1. Различные формы патронажа научных и исследовательских учреждений в Российской империи в конце XIX (1895 г.) и начале XX в. (1915 г.)

Информационное обеспечение выставок заключалось в издании и распространении тиражей объявлений об участии в выставках, с приложением описания формы заявки. Так, в 1861 г. было издано 4 тыс. экземпляров. Также было разослано 300 личных писем к ведущим производителям отдельных отраслей с предложением участия в выставке [5, с. 2]. Помимо этого, условия участия экспонентов публиковались для всеобщего сведения в «Губернских ведомостях» всех губерний империи. К открытию выставки на двух языках, русском и принимающей стороны, издавался каталог предметов, выставляемых в Русском отделе. По окончании выставочных мероприятий издавался отчет по участию в выставке, куда, помимо официальных документов Комиссии, включались отчеты приглашенных специалистов-экспертов по основным отраслям производства.

Подводя итог рассмотрению роли государственных органов Российской империи в организации представления России на всемирных выставках, хотелось бы отметить следующие существенные аспекты.

Инициатива участия и подготовки России к всемирным выставкам в нашей стране принадлежала государственным органам. Имелась достаточно четкая вертикально интегрированная структура, обеспечивающая взаимодействие как отдельных подразделений, так и всей системы государственных органов в целом, с разветвленной системой сложных связей, различного уровня, горизонтальных и вертикальных. Жесткая вертикальная структура подчинения имела и свои негативные стороны – излишнюю формализацию, сдерживание частной инициативы. Государственной казной полностью финансировались такие статьи выставочного процесса, как транспортировка от сборного пункта до места экспонирования, страховка экспонатов, аренда выставочных площадей, оформление экспозиций. Информация о выставках была открыта и доступна всем желающим.

Список литературы

1. Беляновский А. С чего начинались сельскохозяйственные выставки России // Экспо Ведомости. – 2007. – № 4. – С. 27.
2. Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // ВИЕТ. – 1995. – № 1. – С. 40–63.
3. Журнал Министерства государственных имуществ. – СПб., 1850. – С. 12.
4. Киттары М.Я. Вятская очередная выставка сельских произведений. 1854 г. - Казань: Изд. Императорского Казанского Экономического Общества, 1856. – С. 37.
5. Отчет о действиях Распорядительного Комитета по устройству Русского отдела Лондонской Всемирной выставки 1862 г. – СПб., 1862. – С. 2.
6. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 2005. – С. 232.

7. РГИА. Ф. 338 Оп. 15. Д. 4850-а.
8. РГИА. Ф. 90. Оп. 1 Д. 255.
9. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. – СПб., 1998.
10. Свод законов Российской империи. Т. I. Гл. V. Ст. 362. – СПб., 1912.
11. Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. Вторая Устава сельского хозяйства гл. II. Отд. III. Ст. 24–27. Т. I. Гл. 5. Департаменты. Ст. 362. Прим. 1.

УДК 338.43(470+571)(09)«1875/1917»
ББК 63.3(2)53-21

В. В. Шевлякова*

Передовые сельскохозяйственные технологии конца XIX – начала XX в. и их пропаганда российской периодической печатью

Во второй половине XIX в. сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики России. В статье показана роль сельскохозяйственных журналов и газет в пропаганде и распространении новых технологий в растениеводстве.

The dissemination of new technologies by agricultural magazines at the end of the 19-th – the beginning of the 20-th centuries. At the second half of the 19-th century agriculture was the main branch (basic industry) of the economy of Russia. The author of the article describes (shows) the role of agricultural magazines and newspapers in the promotion (propaganda) and dissemination of new technologies in plant – growing.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные машины, сельскохозяйственная печать, агротехника, сельскохозяйственная культура, севооборот, растениеводство, земство, достижения народного (сельского) хозяйства.

Key words: Agriculture, Agricultural machines, Agricultural print, Agricultural engineering, Agricultural crops, Rotation of crops, Plant-growing, plant-raising, Zemstvo, Achievements in national (agriculture) economy.

Во второй половине XIX в. сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики России, поэтому в конце XIX в. российским правительством были приняты организационные меры, направленные на стимулирование передовых методов ведения сельского хозяйства. В 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ с сосредоточением главной задачи на улучшение состояния аграрной отрасли.

* **Шевлякова Валентина Владимировна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Одновременно укреплялась система разнообразных сельскохозяйственных учреждений: расширялась деятельность Вольного экономического общества, усиливалась работа земств, расширилась сеть высших и средних учебных заведений, готовящих специалистов по сельскому хозяйству. Активнее стали внедряться различные машины, приспособления, оборудование. Большую роль в распространении новейших технологий в сельском хозяйстве играли специализированные журналы, издававшиеся в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в. Это прежде всего такие издания, как «Крестьянское хозяйство», «Деревня», «Северное хозяйство».

В данной статье будет продемонстрировано, как новые технологии в сельском хозяйстве России пропагандировались периодической печатью. Одной из важнейших проблем земледелия того времени была недостаточная эффективность использования обрабатываемых земель из-за отсутствия правильного севооборота, применяемого в то время в Европе.

В специально посвященной этому вопросу статье в журнале «Крестьянское хозяйство» земские агрономы писали, что при правильном ведении травостоя устраняется проблема не только в кормовых средствах, но и в органическом удобрении, объясняя, что кормовые травы нужно сеять не по отдельным участкам, а на особых полях, правильно чередуя посевы хлебов с посевами трав. Такое чередование называлось севооборотом.

В Московской губернии земство поощряло распространение среди населения правильного травопольного хозяйства. С этой целью земские агрономы помогали крестьянам разбивать свои поля согласно новому севообороту, устанавливая правильное чередование посевов. В то же время земство снабжало крестьян на основании особых правил семенами кормовых трав, приводило в журнале схемы севооборотов (четырёхпольного и восьмипольного), а также разъясняло различия между ними.

Предлагался крестьянам более эффективный новый севооборот – пятиполье с десятилетним севооборотом. В этом севообороте ежегодно пятая часть пашни была занята озимыми, яровыми паром, клевером на укос и клевером на пастбище, и кормовая площадь составляла 2,5 всей площади. Описанный травопольный севооборот можно было применять не только при крайнем недостатке пастбищ, но и в тех случаях, когда выгоднее было заниматься животноводством.

В северном и северо-западном регионах страны молочное животноводство составляло главную отрасль сельского хозяйства, и для обеспечения кормами крупного рогатого скота необходимо было вводить севообороты [2, с. 52].

Г. Ланге в своей статье привел следующий пятипольный севооборот: 1) пар; 2) рожь и пшеница; 3) клевер; 4) картофель; 5) овес и ячмень.

Из этого севооборота можно было бы сделать шестипольный, прибавив одно травяное поле. Семипольная и восьмипольная системы встречались очень часто в северных губерниях, в разных вариациях, например:

1) пар;	1) пар;
2) озимые;	2) озимые;
3) яровые;	3) клевер;
4) клевер;	4) клевер;
5) клевер;	5) клевер;
6) клевер;	6) картофель, ячмень;
7) овес и картофель.	7) овес.

Какой из этих двух севооборотов лучше, решить было трудно, так как все зависело от местных условий, считал Г. Ланге. В своем имении «Суйда» он применял восьмипольный севооборот: 1) пар; 2) рожь; 3) овес и ячмень; 4) клевер; 5) клевер; 6) клевер; 7) клевер; 8) овес, картофель [5, с. 21].

Примером приобщения крестьян к агрономическим знаниям может служить переход крестьян из Санкт-Петербургской губернии на восьмипольный севооборот.

15 апреля в 1905 г. крестьяне Ямбургского уезда Редкинской волости Мышкинского сельского общества деревни Мышкино на полном мирском сходе в составе 25 чел. из числа 33 хозяев постановили перейти с трехпольного севооборота на многопольный, так как существовавший трехпольный севооборот был неудобен и не выгоден [18. Д. 261. Л. 1]. Их примеру последовали крестьяне деревни Сабек Сабского сельского общества, приняв решение перейти на восьмипольный севооборот на сельском сходе 4 августа 1905 г. Этот севооборот получил наиболее широкое распространение в восточной части уезда. При этом севообороте увеличивалась урожайность овса. Главной причиной введения нового севооборота являлся недостаток земельных наделов, используемых для посева культурных трав. Кроме того, этот севооборот позволял более рационально использовать земельные ресурсы, улучшить пашни и повысить доходность [18. Д. 261. Л. 2].

Непосредственное содействие развитию правильного травосеяния оказывали в Санкт-Петербургской губернии Ямбургское, Лужкое и Царкосельские уездные земства.

Ямбургское земство отпускало ежегодно крестьянским поселениям семена трав в кредит до осени на общую сумму в 2 тыс. руб. В поселениях, которые переходили к правильному травосеянию, земство оказывало помощь в землемерных и агрономических работах,

если одновременно с введением травосеяния происходило сокращение чересполосицы путем разбивки плана на более крупные по величине и удобные по форме участки. Введение правильного травосеяния с одновременной ликвидацией чересполосицы было проведено в восьми селениях уезда.

Лужское земство выдавало селениям, переходящим к правильному травосеянию, бесплатно семена трав за счет пособий, отпускаемых для этой цели Департаментом земледелия. В 1908 г. к правильному травосеянию приступили шесть селений. Число селений, стремящихся перейти от трехполья к многополью, с введением правильного травосеяния, увеличивалось с каждым годом.

Царкосельское земство выдавало селениям и товариществам крестьян, переходящим к правильному травосеянию, ссуды на покупку семян трав. Ссуды выдавались селянам не деньгами, а семенами трав из земского сельскохозяйственного склада. Выдачу населению ссуд на покупку семян трав земство считало наиболее эффективной мерой, способствующей распространению травосеяния. Так, в 1905 г. вновь приступили к посевам клевера три деревни, в 1906 г. – две, в 1907 г. – девять [6, с. 346].

А. Роговин, используя данные земской статистики за 1882–1896 гг., дал характеристику состояния травосеяния у крестьян Санкт-Петербургской губернии, а также показал связь между темпами развития животноводства и травосеянием на страницах журнала «Сельское хозяйство и лесоводство».

Анализируя данные таблиц, Роговин пришел к выводу, что по количеству десятин, занятых посевными травами, первое место занимал Ямбургский уезд, с 993 дес. крестьянской надельной земли, второе – Петербургский уезд – 909 дес., третье – Петергофский уезд – 705 дес.

Наиболее равномерное развитие травосеяния по отдельным волостям наблюдалось в Ямбургском уезде. В крестьянских хозяйствах применялись севообороты с посевами клевера.

Травосеяние заняло в крестьянских хозяйствах Санкт-Петербургской губернии видное место. Крестьяне начали понимать, что производство мало востребованных на рынке продуктов стало невыгодным и, соответствуя требованиям рынка, перешли к производству более ценных продуктов: клевера и картофеля [11, с. 649].

Начало развитию общественного полевого травосеяния в Череповецком уезде положило губернское земство, организовав в 1808 г. выдачу в кредит семян трав, селениям, переходящим к правильному травосеянию. Для оказания помощи по переходу к новой системе хозяйства, была создана агрономическая организация. Из 32 волостей уезда, травосеянием были охвачены 27. На бесплатную раздачу семян трав было израсходовано из средств губернского земства 3405 руб., Министерством земледелия и государственных имуществ – 384 руб.

Чтобы ознакомить население и привлечь его внимание первым, из выразивших заинтересованность селений, выдавались семена трав бесплатно. Таковых набралось 22 селения. Затем в 1900–1903 гг. семена стали выдаваться в беспроцентную ссуду с рассрочкой платежа на пять лет. В результате деятельности земства на рациональное травосеяние перешли 165 селений [1, с. 2].

В 1908 г. в Повенецком уезде Олонецкой губернии был открыт склад посевных семян. Под наблюдением агронома и старосты были проведены посевы семян трав вики, клевера красного и белого, клевера Шведского, тимофеевки английского райграса, луговой овсяницы. Посев был произведен в 75 хозяйствах волости [17. Д. 44. Л. 8].

Однако проблемы в растениеводстве были связаны не только с необходимостью введения и применения правильных, рациональных севооборотов, но и с сохранением полученного урожая.

На страницах журнала «Деревня» агроном А.И. Осипов в статье «Из русской сельскохозяйственной печати» писал о преимуществе заготовки кормов по американскому способу, т.е. в силосных башнях. Он объяснял, что силос кормовых трав давал возможность кормить скот круглый год сочным кормом, и по питательности он мало чем отличался от свежескошенной травы, кроме того, он сохранялся в башнях долгое время. Потери питательных веществ от брожения не превышали 10 % [7, с. 23].

Агроном П.Н. Елагин в журнале «Крестьянское хозяйство» предлагал крестьянам, возделывавшим очень небольшое число сельскохозяйственных растений, таких как рожь, пшеница, овес, ячмень, лен, картофель, возделывать новые культуры – вику и люпин, которые можно было использовать для скармливания скоту как в зеленом виде, так и в виде сена. Люпин особенно ценен тем, что хорошо произрастает на песчаных почвах. Из множества сортов люпина особое внимание советовал обратить на синий и желтый [4, с. 112]. О возделывании желтого люпина довольно подробно было написано в статье Ознобишина, агронома Гродненской губернии, «Возделывание люпина на семена и на зеленое удобрение».

23 января 1909 г. Санкт-Петербургского земским собранием было рассмотрено ходатайство Ямбургской управы о выдаче пособий на улучшение крестьянского хозяйства. Земское собрание постановило отпустить земству 500 руб. на работу по внутреннему устройству отрубов и хуторов, 950 руб. – на опытно-показательные участки и оплату инструкторов по сельскому хозяйству [9, с. 84].

Наиболее распространенным из возделываемых на крестьянских полях в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии растением была озимая рожь. С целью выявления сорта ржи, наиболее пригодного для разведения на этой территории, агрономом Ямбург-

ского земства Копыловым был проведен ряд опытов. Данные этих опытов были показаны на страницах журнала «Крестьянское хозяйство».

Проводились опыты на небольших участках в разных местах уезда, в деревнях Угцевицы, Удосолово, Падоги. Для испытаний были взяты следующие сорта ржи: Загницкая, Высоко-Литовская, Шланштетская, Ньюландская, Петкуская. Опытов было проведено пять, по трем из них в журнале были показаны результаты. По урожайности самой лучшей оказалась Загницкая рожь. Она дала на 20 пудов больше, чем традиционные крестьянские сорта [8, с. 172].

В целях поднятия культуры крестьянского хозяйства практиковалось устройство опытных полей и огородов. В 1891 г. инспектор народных училищ Санкт-Петербургской губернии В.А. Александров представил Гдовской уездной земской управе записку «О наделении сельских школ участками земли и об устройстве школьных садов» и предложил ходатайствовать перед Губернским земским собранием об устройстве в городе Гдове курсов плодоводства и огородничества для сельских училищ. Это способствовало распространению среди населения знаний по плодоводству [19. Оп. 3. Д. 18. Л. 2].

Редактор журнала «Школьное хозяйство» А. Рудзкой писал, что Министерство народного просвещения, а также попечители учебных округов, педагоги признавали создание садов при школах полезным делом с педагогической точки зрения. Вместе с тем Министерство земледелия и государственных имуществ видело в этом один из способов распространения в народе сельскохозяйственных знаний.

Многие земства при поддержке со стороны правительства открывали периодические практические курсы для ознакомления народных учителей с садоводством. «Курсы несли огромную пользу и получали все большее распространение», – сообщала редакция журнала «Школьное хозяйство». В феврале 1891 г. Петербургское губернское земское собрание разрешило губернской управе устроить летом 1891 г. трехнедельные курсы плодоводства и огородничества для сельских учителей губернии, для этой цели было выделено 660 руб. [19. Оп. 3. Д. 18. Л. 3].

В Олонецкой губернии весной 1894 г. также были открыты курсы для учителей, изъявивших желание прослушать информацию по рациональному ведению сельского хозяйства.

На страницах журнала «Жизнь» сообщалось о том, что 4 июля 1897 г. был принят закон «О наделении школ государственной землей для хозяйственной и педагогической деятельности». Вопрос о наделении сельских школ землей нередко ставился как в земстве, так и в печати. Для решения этой задачи Петербургским губернским земством было ассигновано 500 руб. на выдачу пособий учителям, для устройства школьных садов и огородов. Кроме того, при участии

губернского земства в Годовском уезде содержались школьные сады при Вейнской земской школе и при Выскатском, Старопольском и Заянском училищах народного просвещения [12, с. 224].

Редакция журнала «Крестьянское хозяйство», пропагандируя новые сельскохозяйственные орудия труда, писала, что результаты урожая зависят не только от способа, которым посев произведен. В журнале были указаны факторы пользы посева сеялками:

1) самый лучший работник в состоянии засеять ручным способом не более 3–4 десятин в день, сеялкой же можно было засеять в два раза больше;

2) ручным способом во время плохой погоды сеять невозможно, так как посев получается неравномерным. Сеялкой же можно сеять в любую погоду, и посев получался равномерным;

3) посев сеялкой давал значительные сбережения посевного зерна по сравнению с посевом ручным способом.

Для усиления эффекта от рекламы приводились примеры. Первоначально теоретические, про некоего хозяина, которому нужно было засеять 15 десятин, и за счет использования новой технологии он имел возможность уменьшить количество посевного зерна на 15–20 пудов. Причем, при посеве сеялкой хозяин получал на 50–70 пудов зерна больше, чем при посеве ручным способом. Из этого можно было сделать вывод, что применение сеялки вело к сбережению зерна и увеличению урожая, благодаря чему сразу возвращалась часть капитала, затраченного на покупку сеялки.

Использовались и практические примеры: на двух земельных участках, одинаковых по качеству, были проведены опыты. Посеяли одновременно на одном участке семена пшеницы ручным способом – 8 пуд., на другом – рядовой сеялкой, только 6 пуд. В результате ручного посева урожай составил 75 пуд., а от посева рядовой сеялкой «Россия» завода Эльворти составил 95 пуд.

Польза сеялки была неоспорима и каждый хозяин, считала редакция журнала, должен был обязательно сеять только сеялкой, тем более что приобрести ее можно было в рассрочку [10, с. 111].

Однако, судя по всему, и к техническому приспособлению были некоторые претензии. На страницах «Земледельческой газеты» сообщалось, что механические качества рядовой сеялки Эльворти «Россия» были улучшены. Вся основная рама делалась из угловой стали, поэтому она была легкой, но не ломалась. Для одновременного поднятия и опускания сошников служил рычаг, расположенный сзади сеялки, другое приспособление использовалось для регулирования глубины работы сошников. Такое устройство давало возможность регулировать глубину посева во время работы сеялки на ходу и помещать посевное зерно во влажный слой почвы. Рифленный выбрасывающий механизм был также значительно улучшен.

Дно коробки было опущено настолько, что все крупные семена свободно выбрасывались. Благодаря отсутствию острых углов не происходило раздавливания семян. Это, заключал автор статьи, делало сеялку «Россия» вполне универсальной и лучшей по качеству среди других сеялок [3, с. 798].

«Земледельческая газета» проводила рекламу и описывала качество и другой сеялки – «Navana press» американского производства. Земельный участок, засеянный сеялкой Navana, оставался мягким, рыхлым за исключением посевных рядов. Восстановление капилляров почвы происходило только в рядах, где было посеяно зерно. Посевы, произведенные сеялкой Navana, всходили значительно дружнее посевов, произведенных сеялками иного типа. Но цены на американские сельскохозяйственные орудия всегда оставались высокими, так как была высокой пошлина, и поэтому не каждый хозяин имел возможность купить эту сеялку [15, с. 23].

Северным сельскохозяйственным обществом при содействии Департамента земледелия 20 января 1908 г. в Санкт-Петербурге была проведена выставка семян и машин для посева, очистки и сушки зерна. Выставка представляла большой интерес для производителей сельскохозяйственной продукции, продавцов сельскохозяйственных машин и семян.

При правильной обработке земли и рациональном посеве, качество семян имело первостепенное значение для повышения урожайности и улучшения качества продукта, а следовательно, вело к увеличению доходов. В большинстве случаев крестьяне засевали свои поля сильнозасоренными, с плохой всхожестью семенами и поэтому получали низкие урожаи в 35–40 пуд. зерна с десятины, и это не окупало затраты, которые пошли на обработку почвы. Таким образом, создание семенного фонда имело, по мнению организаторов выставки, первостепенное значение для России, так как привело бы к повышению урожайности и к увеличению прибыли в несколько десятков миллионов рублей.

Выставка состояла из двух больших отделов: семенного и машинного. Первый отдел отличался разнообразием экспонатов. Наряду с семенами северных злаков и трав на выставке были представлены и семена таких южных растений, как кукуруза, люцерна. На приглашение принять участие в работе выставке согласились самые отдаленные территории Российской империи. Бессарабская и Подольская губернии представили экспонаты кормового сорго и эспарцета, Финляндия – экспонаты овса, а Новгородская и Псковская губернии представили новые сорта яровой ржи.

Лучшими экспонатами, представленными в семенном отделе, были признаны образцы семян из Владимирского уезда. Земство вело активную агрономическую деятельность, так по всей губернии

оно оборудовало целую сеть метеорологических станций, которые вели записи осадков, температуры почвы и воздуха, влияние их на рост растений. Результаты ежегодно печатались в виде таблиц. Земством производились почвенные исследования и составлялись почвенные карты, собирались образцы почв. Для улучшения посевного материала крестьянских хозяйств земством при посредничестве уездных агрономов проводилось подробное исследование посевных семян, затем семена изучались земской семенной станцией. В губернии имелась целая сеть станций по очистке зерна, оборудованных, главным образом, за счет земства. На развитие агрономии земство ежегодно выделяло свыше 150 тыс. руб.

Из волостных сельскохозяйственных обществ в работе выставке принимали участие только два: Дудергофское (Царскосельского уезда) и Замошье-Ольгинское (Лужского уезда).

Особое место в семенном отделе выставке занимали экспонаты, представленные Департаментом земледелия. Образцы семян подготовили известные опытные станции и фермы: Мариинская, Казанская, Горедская и Успенская. Другая часть экспонатов Департамента земледелия была представлена в научном отделе выставки и состояла из приборов для определения качества посевных семян.

Машинный отдел выставки был представлен не так широко, как семенной и не отличался обилием экспонатов, хотя в нем принимали участие наиболее известные торговые фирмы, акционерные общества, такие как «Работник», которое представило машины известных заводов Эльворти, бр. Ребер, Генриха Ауля, Рудольфа Сакка, Эмиля Маро, Ф. Эккерта, Густав Сивере, Альферд Гродский. Для крестьянских хозяйств в машинном отделе предназначались веялки Вараксина, сортировки бр. Ребер, ручная сеялка для семян трав Кроуна и небольшие рядовые (7 ряд.) сеялки товарищества Гельферих Саде.

Организаторы выставки постарались дать общую картину семенного дела и показать разницу между плохими (на примере крестьянских) и хорошими (на примере правильно организованных хозяйств помещиков) семенами, а также показали разницу в количестве и качестве получаемых продуктов в крестьянском хозяйстве и в правильно организованном хозяйстве помещика.

Каждый экспонат должен был иметь определенное количество семян на продажу, и поэтому производители сельскохозяйственной продукции имели возможность приобрести семена по умеренной цене от продавца. В то же время производители сельскохозяйственной продукции заключали сделки с покупателями, и таким образом, выставка, кроме научного и показательного значения имела и торговое.

По мнению средств массовой информации, выставка произвела хорошее впечатление, а демонстрацию с помощью кинематографа некоторых сельскохозяйственных работ по пчеловодству, полеводству, лесному делу заслуживало особого внимания, так как эти работы могли быть использованы для учебных целей [14, с. 5].

Таким образом, периодическая печать в конце XIX – начала XX вв., на своих страницах пропагандировала лучшие формы возделывания растений, новые севообороты, наиболее совершенные орудия для сельскохозяйственного производства, тем самым, пытаясь модернизировать аграрный сектор страны.

Список литературы

1. Аболин Я.А. По травосеянию в Череповецком уезде // Сев. хозяйство – СПб., 1910. – № 11.
2. Бажаев В.Н. О значении травостоя в нечерноземных губерниях // Крестьянское хозяйство. – СПб., 1899. – № 2.
3. Балабанов М. Новая рядовая сеялка Эльворти «Россия» // Земледельческая газ. – СПб., 1896.
4. Елагин Л.Н. Возделывание люпина на семена // Крестьянское хозяйство. – СПб., 1899. – № 3.
5. Ланге Г. Влияние севооборота на урожай // Сев. хозяйство. – СПб., 1909. – №3.
6. Осипов А.И. Из русской сельскохозяйственной печати // Деревня. – СПб., 1908 – № 5.
7. Осипов А.И. Опыты с сортами озимой ржи // Крестьянское хозяйство. – СПб., 1908 – № 6.
8. Осипов А.И. Сельскохозяйственные машины // Крестьянское дело. – СПб., 1908.
9. Осипов А.И. Травосеяние // Крестьянское хозяйство. – СПб., 1908. – № 10.
10. Осипов А.И. Улучшение крестьянского хозяйства в Санкт-Петербургской губернии // Крестьянское хозяйство. – СПб., 1908. – № 3.
11. Роговин А. Травосеяние у крестьян Санкт-Петербургской губернии по данным земской статистики // Сельское хозяйство. – СПб., 1898. – № 6.
12. Рудзкий А. Школьное хозяйство при земских школах // Шк. хозяйство. – СПб., 1898. – № 5.
13. Сурин П.Ф. Сельскохозяйственные учреждения при народных школах // Шк. хозяйство. – СПб., 1896. – № 2.
14. Фридолин С. Первая Всероссийская выставка семян и машин для посева, очистки и сушки зерна // Сев. хозяйство. – СПб., 1907. – № 25.
15. Чикаленко Е. Сеялка Havana Press // Земледельческая газ. – СПб., 1896. – № 12.
16. Национальный архив республики Карелия. Ф. 10.
17. Национальный архив республики Карелия. Ф. 27. Оп. 1.
18. ЦГИА. СПб. Ф. 253. Оп. 11.
19. ЦГИА. СПб. Ф. 397.

*Т. В. Алексеев**

Фирма «Сименс и Гальске» и ее вклад в региональную диверсификацию промышленности средств связи России в годы Первой мировой войны

В статье рассказывается о предпринятой электротехнической фирмой «Сименс и Гальске» попытке в тяжелых условиях Первой мировой войны строительства в Нижнем Новгороде нового телефонного завода. Несмотря на противодействие сторонников борьбы с «немецким засильем» в органах государственного управления России, проект этот был реализован, и в Поволжье появился третий (после Петрограда и Москвы) центр отечественной промышленности средств связи.

The article describes undertaken by the electrical firm «Siemens and Halske» in trying to heavy duty construction of the First World War in Nizhny Novgorod, a new telephone plant. In spite of opposition supporters against «German dominance» in the public administration in Russia, this project has been implemented, and in the Volga region appeared in the third (after the Petrograd and Moscow) the center of the domestic industry of communication facilities.

Ключевые слова: «Сименс и Гальске», Особое совещание по обороне государства, Первая мировая война, Нижний Новгород, телефонный завод.

Key words: «Siemens and Galske», Special meeting on state defence, the First World War, Nizhny Novgorod, telephone factory.

Санкт-Петербург в силу ряда факторов, несмотря на достаточно неблагоприятное расположение относительно источников топлива и сырья, в период индустриального подъема второй половины XIX – начала XX вв. превратился в крупнейшей центр новой отрасли отечественной индустрии – промышленности средств связи. К 1914 г. в столице было сосредоточено все радиопроизводство страны, более 92 % общероссийского выпуска телеграфной и телефонной аппаратуры [15, с 76].

С началом Первой мировой войны крупные электротехнические предприятий Петрограда оказалось в весьма затруднительном положении. Блокада Балтийского моря прервала поставку материалов из-за границы и вынудила переключиться на отечественные источники, которые не всегда могли предложить адекватную альтернативу.

Кроме этого, уже первые месяцы боевых действий показали, что производственные мощности предприятий были явно недоста-

* **Алексеев Тимофей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и военного права, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского

точные и не позволяли удовлетворять постоянно растущие потребности армии, военно-морского флота, почтово-телеграфного и железнодорожного ведомств. Так, для удовлетворения всех их потребностей ежемесячно требовалось около 800 телеграфных и 16 000 телефонных аппаратов, в то же время все отечественные предприятия смогли дать их в начале войны не более 100 и 500 штук соответственно [2. Л. 46]. Война настоятельно выдвинула задачу расширения производственной базы промышленности средств связи и ее региональную диверсификацию.

В решение этой задачи активно включилось созданное в августе 1915 г. Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Вопросы организации новых предприятий были отнесены к непосредственному ведению этого чрезвычайного органа и подлежали обязательному рассмотрению в ходе его заседаний [12, с. 445].

Заинтересованность в положительном решении этой проблемы проявили как военные круги, так и наиболее активные и прагматичные представители бизнеса. Военное министерство летом 1915 г. начало активно зондировать возможность вывода оборонных предприятий из Петрограда. В жаркие дни августовских боев на фронте помощник военного министра генерал-лейтенанта А.С. Лукомский обратился в Главное военно-техническое управление (ГВТУ) с предложением разработать комплекс мер на случай эвакуации петроградских заводов. Инженерное ведомство в качестве одной из такого рода мер выдвинуло предложение о создании заводов-дублеров в центральных районах России. Руководство ведомства исходило из того, что полный перенос производства из Петрограда будет чреват срывом военных поставок в один из самых напряженных периодов войны, а также окажет неблагоприятное впечатление на рабочих и население столицы. Созданные же заводы-дублеры, с одной стороны, позволят решить насущную задачу обеспечения потребностей армии в предметах материально-технического снабжения и несколько разгрузить основные предприятия, а с другой стороны, в случае эвакуации будут служить подготовленной базой для выводимого из Петрограда производства [8. Л. 106].

Реализуя эту идею, ГВТУ обратилось к крупнейшим электротехническим фирмам с соответствующими предложениями. Буквально через несколько дней последовала реакция Акционерного общества Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Это была старейшая на российском рынке компания, которая с 1852 г. поставляла правительственным учреждениям, армии и флоту России все известные виды средств электросвязи. 20 августа 1915 г. правление общества изложило ГВТУ проект строительства нового завода по производству телефонных и телеграфных аппаратов в районе средней Волги, нижней Оки или на юге России. Завершить строительст-

во планировалось в течение восьми месяцев при условии оказания содействия со стороны Военного ведомства [3. Л. 29]. Основным условием реализации этого проекта фирма ставила получение твердого заказа от ГВТУ на общую сумму более 20 млн руб. и выдачу под этот заказ аванса в размере 50 %. При этом производственные площади проектируемого завода давали возможность осуществить в случае необходимости частичное перебазирование производства с петроградского предприятия акционерного общества [3. Л. 30].

ГВТУ отнеслось к инициативе «Сименс и Гальске» с большим интересом, и 20 сентября 1915 г. начальник управления представил доклад о ходатайстве фирмы в рабочий орган Особого совещания – Подготовительную комиссию по общим вопросам. Комиссия, идя навстречу пожеланиям ГВТУ, одобрила идею строительства нового завода, однако она не могла поддержать ходатайство фирмы о предоставлении ей многомиллионного аванса, ничем не гарантированного. Прецедентов выдачи такого рода авансов еще не существовало, и Подготовительная комиссия решила предварительно заручиться мнением Эвакуационной комиссии Особого совещания [8. Л. 108].

Пауза, выдержанная Военным ведомством при решении данного вопроса, вынудила «Сименс и Гальске» несколько умерить свои «аппетиты». 26 сентября 1915 г. фирма в своем обращении в ГВТУ соглашалась приступить к сооружению завода при выдаче ей заказов на сумму 16,5 млн руб. При этом стоимость выпускаемой для военного ведомства аппаратуры снижалась на 5 %. Первую партию этой аппаратуры фирма обязалась выпустить к началу сентября 1916 г. В качестве условий для реализации проекта «Сименс и Гальске» выдвигала следующие требования: выдачу аванса в размере 65 % от стоимости выпускаемого телеграфно-телефонного имущества; освобождение фирмы от внесения залога для обеспечения выполняемого договора; предоставление иностранной валюты на сумму около 2 млн руб. [3. Л. 27].

Несмотря на ходатайство ГВТУ, Подготовительная комиссия по общим вопросам затягивала рассмотрение проекта «Сименс и Гальске», что послужило поводом для весьма резкого обращения фирмы в Инженерное ведомство 9 октября 1915 г. В нем отмечалось, что акционерное общество отсутствием решения по ее инициативе ставится в сложное финансовое положение. В районе Нижнего Новгорода уже приобретен участок земли и на нем в сентябре 1915 г. начались строительные работы, на которые потрачено более 400 тыс. руб. Фирма заявляла, что согласна продолжить работы лишь при условии принятия положительного решения не позднее середины октября. В противном случае, ввиду отсутствия у нее свободных оборотных средств и завершения строительного сезона, работы предполагалось заморозить [3. Л. 25].

Подготовительная комиссия по общим вопросам экстренно рассмотрела предложение АО «Сименс и Гальске» на своем ближайшем заседании 12 октября 1915 г. На сей раз основным камнем преткновения стало владение большинством акций общества подданными Германии, что создавало угрозу утечки финансовых средств из России во враждебную страну. Вопрос об усилении контроля над деятельностью такого рода промышленных заведений и учреждений находился в поле зрения правительственных и военных органов с самого начала войны. В соответствии с указом от 15 ноября 1914 г. и Положения Совета министров от 16 марта 1915 г. на все предприятия фирмы «Сименс и Гальске» были направлены правительственные инспекторы [16, с. 111]. Положение предусматривало даже возможность смены собственника и создания особого правления для руководства деятельностью акционерного общества. Подобные предложения и прозвучали на заседании Подготовительной комиссии 12 октября 1915 г., однако принятие такого рода решений выходило за рамки ее компетенции. Поэтому комиссия ограничилась поддержкой предложения ГВТУ и довольно неопределенным положением о необходимости «... принять меры к охране русских национальных интересов при субсидировании нового завода общества» [9. Л. 38].

21 октября 1915 г. в такой редакции мнение Подготовительной комиссии было рассмотрено на заседании Особого совещания. Здесь разгорелась острая дискуссия по поводу дальнейшего отношения к фирме «Сименс и Гальске». Со стороны представителей Государственного совета и Государственной думы последовали предложения дискриминационного характера вплоть до реквизиции всех предприятий фирмы и передачи их в руки русских собственников. Однако в конце концов Особое совещание приняло более взвешенное решение, которое вместе с тем носило и весьма неопределенный характер. Чтобы определить, насколько армия и флот нуждаются в услугах фирмы «Сименс и Гальске», Подготовительной комиссии по общим вопросам во взаимодействии с ГВТУ было предписано определить реальную потребность в телеграфно-телефонной аппаратуре и разработать план удовлетворения этой потребности на период до октября 1916 г. В зависимости от решения этих вопросов предполагалось выработать и окончательные меры в отношении фирмы [12, с. 362].

Выполняя распоряжение Особого совещания, ГВТУ прекратило с «Сименс и Гальске» всякие сношения по поводу строительства завода. Но фирма продолжила его на свой страх и риск, пользуясь тем, что в сентябре 1915 г. ей все-таки удалось получить от ГВТУ удостоверение, свидетельствующее об оборонном характере строительства [4. Л. 7]. Благодаря этому «Сименс и Гальске» приобрела участок земли близ Нижнего Новгорода и заказала оборудование за

границей. В начале декабря 1915 г., минуя ГВТУ, она обратилась в Особую канцелярию по кредитной части Министерства торговли и промышленности с просьбой о предоставлении ей валюты для оплаты импортных станков. А еще через две недели последовало обращение акционерного общества и к генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому с ходатайством об оказании помощи в строительстве завода [10. Л. 79].

Столь активная деятельность «Сименс и Гальске» принесла свои плоды. Тем более, что Военное и Морское министерства были очень заинтересованы в продолжении работы фирмы: ею выполнялись многомиллионные заказы для армии и флота и не только на телеграфно-телефонное имущество. Еще весной 1915 г., когда над «Сименс и Гальске» «сгустились тучи» и межведомственная комиссия при Министерстве торговли и промышленности высказалась за его закрытие, именно активное вмешательство военного министра В.А. Сухомлинова, морского министра И.К. Григоровича и главнокомандующего 6-й армией К.П. Фан-дер Флита позволило этого избежать [11, с. 352]. Поддержка со стороны ГВТУ в конце 1915 – начале 1916 г. позволила положительно решить и вопрос о строительстве нового завода. Подготовительная комиссия по общим вопросам на заседании 4 января 1916 г. высказалась весьма категорично: без привлечения фирмы «Сименс и Гальске» к снабжению армии телеграфно-телефонным имуществом эта задача решена не будет; русских предприятий, способных ее решить, не существует; необходимо оказать фирме поддержку, хотя бы и не в виде непосредственной финансовой помощи; на строящемся заводе должен быть учрежден надлежащий правительственный контроль [4. Л. 8]. Этот доклад был одобрен Особым совещанием 9 января с тем, однако, условием, что на завод в Нижнем Новгороде будет переведено все производство петроградского отделения фирмы [13, с. 18]. Кроме этого Особое совещание на протяжении всего 1916 г. неуклонно придерживалось своего решения об отказе в оказании финансовой помощи «Сименс и Гальске» в строительстве нового предприятия [5. Л. 40].

Летом 1916 г. встал вопрос о выполнении планов снабжения армии телеграфно-телефонным имуществом на период уже до июля 1917 г. В связи с январским решением Особого совещания заказы фирмы «Сименс и Гальске» могли выполняться только на нижегородском заводе. ГВТУ включило в проект договора с АО пункт об обязательстве его к началу октября 1916 г. начать производство на новом предприятии. Однако строительство его задерживалось как по причине затянувшегося решения вопроса в инстанциях Особого совещания, так и объективных трудностей со строительными материалами, оборудованием, рабочей силой и т. д. Тем самым снова ставилась под угрозу срыва программа снабжения

армии. ГВТУ в июле 1916 г. обратилось в Подготовительную комиссию по общим вопросам с просьбой отменить категоричное решение в отношении петроградского предприятия. Комиссия это ходатайство поддержало, а 3 августа и Особое совещание вынуждено было согласиться с мнением об отмене соответствующего пункта в договоре с «Сименс и Гальске» [14, с. 444]. Окончательная же точка в решении этого затянувшегося вопроса была поставлена 18 ноября 1916 г., когда председатель Особого совещания принял решение о сохранении завода «Сименс и Гальске» и в Петрограде [1. Л. 112].

Однако к этому времени ситуация вокруг фирмы существенно изменилась. В июне 1916 г. по решению Совета министров она была подвергнута процедуре рассмотрения в Особом комитете по борьбе с «немецким засильем», который в октябре того же года признал деятельность АО «вредной и опасной для государственных и экономических интересов России», в связи с чем оно подлежало закрытию [11, с. 357]. В конце 1916 г. решением Совета министров управление предприятиями фирмы перешло в руки «Особого правления», назначенного из представителей различных министерств и старой администрации. Новое акционерное общество, в которое была включена и бывшая фирма «Сименс–Шуккерт», получило название «Сименс» и в значительной степени оказалось под контролем русского правительства.

Что касается нижегородского предприятия, то его деятельность началась только в 1917 г. В августе этого года его производственные мощности позволяли удовлетворять около 16 % потребностей армии в телефонных аппаратах [6. Л. 139]. Тогда же правление АО «Сименс и Гальске» выходило с инициативой об организации в Нижнем Новгороде также производства телеграфных аппаратов и радиотелеграфного имущества, для чего у Особого совещания испрашивались государственные субсидии. Подготовительная комиссия по общим вопросам рассмотрела эти предложения в начале сентября 1917 г., признала их чрезвычайную важность, но никакого решения принять уже не смогла [7. Л. 12].

Впрочем, последовавшие в скором времени в стране события не позволили в полной мере реализовать все намеченные планы по дальнейшему развитию производства на нижегородском заводе. Тем не менее, сам факт успешной реализации в напряженных условиях военного времени проекта такого рода усилиями частной компании имел большое значение для отечественной электротехнической промышленности. Попытки строительства аналогичных предприятий вне столичных регионов предпринимались со стороны и других предпринимателей. Владелец кабельного завода в Петрограде А.Н. Петичев заложил в Харькове завод-дублер. Здесь же шло строительство телеграфно-телефонного предприятия, принадлежавшего Русско-французскому обществу Электромеханиче-

ских заводов К. Оланьона и А. Давидова [4. Л. 1]. Но оба эти проекта за годы Первой мировой войны так и не были реализованы.

А вот фирмой «Сименс и Гальске» в Нижнем Новгороде, по сути дела, был основан третий в стране (после Петрограда и Москвы) центр производства средств связи. Национализированный завод «Сименс» летом 1919 г. стал одной из главных баз, куда была осуществлена, ввиду военной угрозы со стороны Северо-западной армии генерала Юденича, эвакуация оборудования и имущества крупнейших петроградских электротехнических заводов [17. Л. 234]. В советское время это предприятие, неоднократно реорганизованное и переименованное, продолжало выпуск телефонной техники, затем стало одним из ведущих производителей радиоаппаратуры для армии, а в послевоенный период освоило и выпуск радиолокационной техники. Сегодня это Нижегородский телевизионный завод «Нител» – преуспевающее акционерное общество, продолжающее активное сотрудничество с Министерством обороны России.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 6.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 16.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 22.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 49.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 52.
6. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 66.
7. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 67.
8. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69.
9. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 70.
10. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 151.
11. Глущенко А.А. Место и роль радиотехники в модернизации России (1900–1917 гг.). – СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002.
12. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915 год. – М., 1975.
13. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1916 г.: в 3 ч. – М., 1977. – Ч. 1.
14. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства): 1916 г.: в 3 ч. – М., 1977. – Ч. 3.
15. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год / под ред. В.Е. Варзара, Л.Б. Кафенгауза. Ч. 3: Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. – М.; Л.: Госиздат, 1930.
16. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны. – СПб.: РНБ, 2004.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1866. Оп. 5. Д. 39.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).071/073
ББК 63.3(2)521-8

*П. Д. Николаенко**

**«... Не было министра в России просвещеннее ...
и способнее к его званию ...»
(штрихи к портрету князя В. П. Кочубея)**

В статье предпринята попытка реконструкции образа первого министра внутренних дел России – В.П. Кочубея. Оцениваются его деловые качества, умение подбирать и расставлять кадры, характеризуется присущий министру стиль руководства. Особое внимание уделяется социальному составу возглавляемого В.П. Кочубеем ведомства.

The article creates a reconstructed image of the first Minister of Internal Affairs of Russia – V.P. Kochubey. We estimate his business qualities, the ability to select and arrange stuff; also we characterize Minister's management style. Particular attention is paid to the social structure of the Office headed by V.P. Kochubey.

Ключевые слова: Россия, XIX век, министерство внутренних дел, кадры, губернаторы, чиновники, стиль руководства, социальный состав.

Key words: Russia, XIX century, the Interior Ministry, staff, governors, officials, management style, social structure.

Слова, взятые в качестве названия статьи, принадлежат князю Ивану Михайловичу Долгорукову, служившему Владимирским губернатором в 1802–1807 гг. и оставившему в своих воспоминаниях самые лестные отзывы о своем начальнике – первом министре МВД России В.П. Кочубее. [7, с. 337]. И.М. Долгоруков довольно ёмко и точно охарактеризовал личные и деловые качества В.П. Кочубея, его стиль работы с подчиненными. Время подтвердило справедливость этой оценки.

Психологи, рисуя портрет современного руководителя, отмечают необходимость таких качеств, как компетентность; умение действовать силой убеждения, видеть перспективу развития проблемы и

* **Николаенко Петр Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России

творчески ее разрешать; быть интеллектуальным лидером; уметь подбирать и воспитывать кадры; эмоциональная зрелость, т. е. умение сдерживать свои эмоции (чувства); твердость, настойчивость в достижении цели; независимость и самостоятельность в принятии решений; забота о подчиненных; коммуникабельность; умение организовывать свой отдых и др. [11].

Рассмотрим, насколько перечисленные нами качества были присущи первому главе МВД.

«Умение» В.П. Кочубея быть руководителем заключалось в том, что он, не считаясь со временем, постоянно и обстоятельно изучал состояние дел на вверенном ему участке путем сравнения фактов и данных, поступающих с мест; тщательно анализировал собственный опыт и только после этого принимал оптимальный вариант решения возникшей проблемы.

Это правило являлось отличительной чертой министра. Современник А.Д. Боровков, который, исполняя обязанности помощника статс-секретаря Государственного совета по военному департаменту под началом В.П. Кочубея, так отзывался о нем: «Он был умен, опытен, проницателен; бегло обнимал дела и особенно искусен был постановлять вопросы ясно и определенно, ловко схватывая в деле, точки, от которых зависит решение» [1, с. 88].

Становление совсем молодого В.П. Кочубея как государственного деятеля пришлось еще на 90-е гг. XVIII в., и в историю следующего века он вошел уже как лидер нового поколения высших административных деятелей, выступающий активным сторонником внедрения новых форм управления с учетом западноевропейского опыта. Тяга к нововведениям сопровождала В.П. Кочубея на протяжении всей его жизни. Однако наиболее продуктивно в роли руководителя-новатора В.П. Кочубей выступал в первое пятилетие своего пребывания на посту министра внутренних дел. Почти все современники связывают с его именем учреждение министерств в России, а также все нововведения, исходившие от руководства МВД в период либеральных преобразований Александра I. Обратимся к некоторым из них.

Чиновник министерства иностранных дел П.Г. Дивов, будучи ярким защитником старины и, соответственно, непримиримым противником В.П. Кочубея, 21 июня 1831 г. записал в дневнике: «Проникнутый либеральными идеями, он был их главным сторонником как в предшествовавшее, так и в настоящее царствование. По его инициативе изменился весь прежний государственный строй, были уничтожены коллегии и созданы министерства, которые ему удалось отстоять неприкосновенными при восшествии на престол ныне царствующего императора» [6. Т. 100. № 10, с. 541].

Надо заметить, что дневник П.Г. Дивова – один из немногих сохранившихся документов, автор которого на протяжении 16 лет своей жизни, описывая происходящие события, оценивал деятельность В.П. Кочубея в различных ситуациях. И хотя он писал о В.П. Кочубее с явным негативизмом, но признавал его как сторонника либеральных реформ в России. При этом важно, что П.Г. Дивов, как и другие современники, отмечал, что В.П. Кочубей был «трудолюбив»... «опытен в делах» ..., и «отсюда имел большое влияние на императора» [6. Т. 100. № 12, с. 83, 540; Т. 93. № 3, с. 503].

На эти качества В.П. Кочубея указывали и его подчиненные. Так, Ф.П. Лубяновский, служивший секретарем у министра в 1802–1807 гг., в своих воспоминаниях отмечал, что В.П. Кочубей «в труде не щадил себя» [4, с. 224].

Успех дела в конечном итоге определяют кадры. Все без исключения современники и исследователи того времени, по-разному характеризуя В.П.Кочубея как государственного деятеля, единодушно признают в нем столь редкое и в то же время крайне необходимое руководителю качество – умение познавать людей и употреблять их в интересах службы.

В числе тех, кто первым по-настоящему оценил это достоинство В.П. Кочубея, был барон М.А. Корф, биограф М.М. Сперанского. Автор, повествуя о том, что в одно время будущий светило российской бюрократии служил в МВД, пишет: «Кочубей, к числу достоинств которого принадлежало и необыкновенное искусство в выборе людей, тотчас сумел открыть эту жемчужину и привлечь ее в свое ведомство» [10, с. 95].

Благодаря высоким организаторским и интеллектуальным способностям В.П. Кочубея, выступавшего в роли «двигателя» и «страгга», уже на первом году существования МВД удалось в основном сформировать центральный аппарат управления, в составе которого оказались люди, с основательной подготовкой и значительным управленческим опытом.

В.П. Кочубею важно было прежде всего укомплектовать должности управляющих экспедициями людьми, обладающими высоким профессионализмом, безупречными нравственными качествами и хорошей репутацией в обществе.

В результате реорганизации департамента МВД по рекомендации министра в 1803 г. состоялось назначение статского советника К.И. Габлица и барона Б.Б. Кампенгаузена управляющими экспедициями соответственно первой – государственного хозяйства и третьей – государственной медицинской управы. В их лице В.П. Кочубей получил высокообразованных и эрудированных специалистов, детально знавших свое дело и являвшихся для своих подчиненных образцом безупречного исполнения своего служебного долга.

Удачно подобранные В.П. Кочубеем управляющие экспедициями сумели укомплектовать не менее способными чиновниками остальные структурные подразделения департамента МВД.

Что же представлял собой чиновный аппарат, служивший в департаменте МВД в первое пятилетие правления министра В.П. Кочубея. Рассмотрим его социальный портрет на примере послужных списков 76 чиновников экспедиции государственного хозяйства, которая по степени важности задач, выполняемых в интересах экономики страны, занимала ведущее место среди подразделений МВД [16. 1805 г. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–130. Все данные, характеризующие социальный портрет 76 служащих экспедиции государственного хозяйства департамента МВД по состоянию на 1 января 1805 г., получены автором на основе анализа их послужных списков]. Кстати, в указанный период именно ей В.П. Кочубей уделял наибольшее внимание.

Каждый третий чиновник первой экспедиции был дворянином. Правда, как правило, они не располагали земельной собственностью и крепостными. Только девять (11,8 %) служащих имели крепостных от 1 до 40 душ мужского пола.

67,1 % служащих экспедиции составляли выходцы из непривилегированных сословий: из обер-офицерских детей (28,9 %), духовенства (17,1 %), мещан (9,2 %), купечества (2,6 %), крестьян (1,3 %), прочих (8,9 % – сюда отнесены иностранцы, сословная принадлежность которых в послужных списках не указывалась).

Это свидетельствует о том, что даже низшее звено чиновного аппарата МВД в основном комплектовалось за счет представителей господствующего класса и сословий, преданно служивших самодержавию.

Данные послужных списков по состоянию на 1 декабря 1805 г. показывают молодость чиновников экспедиции (средний возраст 28 лет). Но при этом будет интересно заметить, что 94,7 % служащих к моменту поступления на службу в МВД прошли хорошую профессиональную подготовку в различных государственных учреждениях. И только четыре человека (5,3 %), поступившие на службу в экспедицию, не имели опыта канцелярской работы.

Что же касается общеобразовательной подготовки чиновников экспедиции, то по тогдашним представлениям они были достаточно хорошо образованны. Уже сам факт, что среди данной категории чиновников 15,8 % имели высшее образование, свидетельствует о тщательном подборе кадров.

Вне всякого сомнения, можно утверждать, что чиновники, в послужных списках которых отсутствует запись об образовании, тоже обладали достаточно высокой общеобразовательной подготовкой. Подтверждением тому служат такие косвенные примеры: 18 чинов-

ников до поступления на гражданскую службу были военными, из них 15 служили офицерами в частях лейб-гвардии. Или, к примеру, 7 чел., у которых не указано образование, служили в канцеляриях генерал-прокуроров А.Б. Куракина, А.А. Беклешова, П.Х. Оболянинова, а также в канцелярии Совета, получившего позднее название «Государственного», главным начальником которой являлся Д.П. Трощинский.

Анализ показывает, что руководство МВД отбирало в министерство в первую очередь тех чиновников, которых знало ранее по совместной службе, или проявивших усердие в работе, находясь в составе различных комиссий по ревизии губерний. Даже по далеко неполным данным можно заключить, что В.П. Кочубею и его помощникам удалось довольно успешно решить задачу по укомплектованию остальных структурных подразделений департамента МВД людьми образованными, знающими свое дело и стремившимися должным образом проводить в жизнь линию министра. Недаром чиновников первого административного аппарата В.П. Кочубея современники отмечали весьма подготовленными и культурными, а «кочубеевскую канцелярию» считали школой обучения и воспитания кадров. «Канцелярия его, – вспоминал бывший губернатор князь И.М. Долгоруков, – наполнена была людьми опытными в делах, сведущими в познаниях теоретических и ко всякому благосклонными» [7, с. 338]. Успех министра в решении кадровых вопросов во многом определялся его образованностью, характером, деловыми личными качествами и жизненным опытом.

Свои достоинства он сполна проявлял и во время встреч и бесед с теми, кто намеревался служить под его началом.

Наиболее точно и подробно раскрыл содержание «кочубеевской методики» по отбору кадров Д.Б. Мертваго, который в своих «Записках» мастерски описал ситуацию своего назначения на пост губернатора. Дворянство Тавриды, – пишет автор, – надеясь, что только он может «истребить укоренившиеся там беспорядки», рекомендовало его на вакантный пост губернатора.

По ходатайству министра, получив высочайшее дозволение, Д.Б. Мертваго осенью 1803 г. приехал в столицу на беседу к В.П. Кочубею. В первой ознакомительной беседе участвовали министр, его товарищ П.А. Строганов, управляющий экспедицией государственного хозяйства К.И. Габлиц и начальник отделения по соляной части. Доклад Д.Б. Мертваго начали слушать с большим пристрастием и с множеством вопросов со стороны министра и других присутствующих. Однако, как вспоминает Д.Б. Мертваго, по мере «жаркого» обсуждения доклада, мои «доказательства обратили министра на мою сторону». Так закончилось первое знакомство с министром. Далее автор «Записок» рассказывает, что В.П. Кочубей с

каждым днем все ближе и с «большим отличием» принимал его у себя дома, приглашая даже на обеды. После нескольких встреч министр предложил Д.Б. Мертваго пост гражданского губернатора Таврической губернии.

Важно заметить, что выдвигенец министра оправдал его доверие. В течение четырех лет Д.Б. Мертваго стоически и добросовестнейшим образом исполнял обязанности губернатора и начальника соляной части Таврической губернии. Со своей стороны В.П. Кочубей, собираясь в отставку, не забыл отметить столь ревностное усердие подчиненного новым повышением его по службе. По ходатайству министра внутренних дел в конце октября 1807 г. последовал указ о назначении Д.Б. Мертваго генерал-провиантмейстером военного ведомства [8, с. 274].

Описанный случай назначения Д.Б. Мертваго на пост губернатора убедительно доказывает умение В.П. Кочубея привлекать на ведущие административные должности одаренных людей, которые разделяли его взгляды и были готовы безупречно исполнять свои функциональные обязанности.

Эффективность управленческой деятельности руководителя любого ранга, тем более министра, во многом зависит от деловых качеств и работоспособности чиновников его канцелярии. Именно канцелярия выступала душой центрального административного аппарата МВД. Она аккумулировала всю поступающую информацию с мест, программы и планы, служила передатчиком всех указаний и распоряжений руководителя ведомства непосредственным исполнителям.

Общая канцелярия В.П. Кочубея была самой многочисленной. Ее численность в 1822 г. составляла 82 чиновника [13, с. 336, 339].

Структурно она состояла из директора, трех отделений, группы чиновников для особых поручений, статистического отделения и Комитета для рассмотрения состояния приказов общественного призрения и их заведений.

Кроме общей канцелярии министру подчинялась Особенная канцелярия бывшего Министерства полиции. Это небольшое структурное подразделение, состоящее в 1822 г. из десяти чиновников [13, с. 371], выполняло функции тайной полиции: надзор за поведением иностранцев и граждан Российской империи; изучение общественного мнения; осуществление цензуры, в частности текста новых театральных представлений, а также изданных книг отечественных и зарубежных авторов; выдача паспортов выезжающим за границу и т. д.

Охарактеризуем служащих общей канцелярии по тем же показателям, что и сотрудников экспедиции государственного хозяйства департамента МВД по состоянию на 1 декабря 1805 г. В ходе изуче-

ния сохранившихся послужных списков 52 чиновника общей канцелярии министра (по состоянию на 1 декабря 1822 г.) нам удалось набросать некоторые штрихи их социально-профессионального портрета [16. Оп. 4. Д. 16. Л. 1–89. Все данные получены автором на основе анализа послужных списков 54 сотрудников общей канцелярии министра в 1822 г.].

Результаты деятельности канцелярии, настрой людей на слаженную работу, нравственная атмосфера в коллективе во многом зависит от руководителя. В.П. Кочубей это отлично понимал и поэтому крайне осторожно подходил к отбору кандидатуры на должность директора канцелярии, служившего связующим звеном между министром и центральной администрацией ведомства.

Известно, что в годы первого управления В.П. Кочубеем МВД обязанности директора его канцелярии (департамента) блестяще исполнял М.М. Сперанский. В 1819–1821 гг. общую канцелярию министра возглавлял М.А.Прокопович, а после его смерти, в августе 1821 г. – М.К.Михайлов.

Как известно, первый директор департамента МВД М.М. Сперанский пользовался у министра неограниченным доверием и широкой самостоятельностью. Но справедливости ради следует отметить, что режим наибольшего благоприятствования В.П. Кочубей предоставлял и другим чиновникам своего ведомства. Так, кроме Сперанского заметным влиянием пользовался секретарь министра Ф.П. Лубяновский. Его назначение состоялось в ноябре 1802 г. Он знал иностранные языки, особенно немецкий, хорошо владел пером, а также грамотно составлял и редактировал деловые бумаги для министра. Нам кажется, что он был реальным помощником В.П. Кочубея.

Из воспоминаний Ф.П. Лубяновского можно предположить, насколько интересно ему было служить в канцелярии Кочубея и насколько труднее стало при его преемнике. Автор с горечью сетует, что с увольнением графа В.П. Кочубея он лишился «... любимого и уважаемого по уму и по сердцу начальника» [4, с. 242]. Что же касается его дальнейшей службы в качестве секретаря при новом министре, то он оценил ее следующим образом: «Недолго я был под начальством князя Куракина, но это было для меня тяжелое время ...» [4, с. 246].

Несмотря на разнообразие социального происхождения, все же основную массу служащих канцелярии (68,5 %) составляли дети дворян, обер-офицеров и духовенства. При этом лидирующее положение среди чиновников канцелярии занимали представители дворянства.

Очевидно, такая тенденция объясняется двумя важными обстоятельствами: в министерской канцелярии можно было быстрее

сделать служебную карьеру и, второе, – это материальные интересы. Министерский писец, например, получал в полтора раза больше, чем исправник в большинстве губерний [9, с. 78]. Как следствие, желающих служить в кочубеевской канцелярии было значительно больше, чем вакансий в ней.

Средний возраст личного состава канцелярии оказался несколько старше (31,4 г.), чем у чиновников первой экспедиции МВД в 1805 г. (28 лет). Что касается распределения чиновников по возрастным категориям, то полученные данные показывают, что возраст 75,1 % сотрудников не превышал 30 лет. Следовательно, в кадровой политике руководителя МВД четко просматривается тенденция «омоложения» служащих центрального управленческого аппарата министерства на протяжении всей первой четверти XIX в.

Вместе с тем важно заметить, что В.П. Кочубей, соблюдая официальную установку на омоложение кадров, и в период своего второго правления МВД строго придерживался правила – отбирать на службу лишь опытных чиновников. При этом, отдавая предпочтение тем, кого знал лично, он все же при комплектовании своей канцелярии не делил личный состав на «своих» и «чужих».

Так, общая канцелярия министра в 1822 г. была укомплектована на 72 % сотрудниками бывшего МВД и Министерства полиции.

Общая канцелярия министра, кроме указанных выше штатных должностей, включала в себя отдельную группу чиновников для особых поручений. Их численность в 1822 г. составляла 21 чел. По указанию министра они осуществляли проверки и ревизии, собирали на местах необходимую информацию о результатах деятельности учреждений и организаций, подвластных МВД, контролировали выполнение ими распоряжений и указаний вышестоящих органов власти. Столь ответственное предназначение чиновников данной категории требовало от министра подходить к комплектованию их группы без спешки, тщательно отбирая кандидатов с учетом их образования и профессиональной подготовки, моральных качеств и общей культуры.

Располагая послужными списками 21 чиновника по особым поручениям, мы имеем возможность показать социальный портрет данной категории служащих канцелярии министра [16. Оп. 4. Д. 17. Л. 1–66. Все данные получены автором на основе анализа послужных списков чиновников для особых поручений].

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что из 21 чел. 13 чиновников (62 %) служили в армии: из них три полковника, один подполковник, два майора, один капитан 2-го ранга, три ротмистра, два капитана и один поручик. Преобладание бывших военнослужащих можно объяснить многофункциональностью и спецификой задач, выполняемых МВД.

По социальному составу в группе преобладали потомственные дворяне – 62 % (13 чел.), из духовенства – 2, обер-офицерские дети – 1, прочие – 2, в трех списках происхождение чиновников не указано.

Результаты анализа позволяют выделить существенную особенность чиновников по особым поручениям канцелярии В.П. Кочубея. Большинство из них были старше 40 лет (63,2 %). Их средний возраст в 1822 г. составлял 43,5 года. Таким образом, они были значительно старше других чиновников общей канцелярии министра (43,5 года против 28,2 лет). Это можно объяснить тем, что на чиновников по особым поручениям возлагалось исполнение контролирующих функций, что естественно требовало от них не только большого профессионального опыта, но и умения правильно строить взаимоотношения с представителями местных органов. А это приходит только с возрастом и опытом службы. Ведь по роду своей служебной деятельности им нередко приходилось встречаться и ревизовать губернскую администрацию, отстаивать и проводить на местах линию министра по самым различным вопросам службы.

Несмотря на то, что каждый чиновник по особым поручениям имел свою историю зачисления, образно выражаясь, в группу доверенных лиц министра, все они по многим показателям выгодно отличались от других канцелярских служащих. За плечами каждого имелся большой жизненный путь и богатый служебный опыт.

Виктор Павлович всегда стремился к сотрудничеству с известными учеными, часто советовался с ними, нередко привлекал их на службу в МВД. Например, известный архитектор, академик А.Д. Захаров (автор проекта и руководитель реконструкции Адмиралтейства) более четырех лет работал в министерстве на общественных началах в качестве эксперта.

С 1811 г. начальником статистического отделения при канцелярии министра внутренних дел являлся статский советник, профессор по историческим наукам, адъюнкт Императорской академии наук по статистике и политическим наукам К.Ф. Герман [16. Оп. 4. Д. 17. Л. 48]. В 1820 г. на службу в статистическое отделение был принят статский советник, профессор французской словесности А.А. Дегуров [16. Оп. 4. Д. 30. Л. 2–3], избранный через два года деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

В канцелярии В.П. Кочубея трудились и другие известные люди России: академик Римской академии художеств В.П. Стасов, доктор медицинских наук Е.Е. Эллизен, доктор медицинских наук Ф.К. Уден и др.

Заведенные В.П. Кочубеем в своем министерстве порядки, содействовавшие утверждению в коллективе здорового морального климата и доверительного отношения начальников к подчиненным,

стали достоянием широкой гласности. О «кочубеевском» стиле работы заговорили уже в первые два года существования МВД. При этом деятельность В.П. Кочубея в качестве министра оценивалась далеко неоднозначно со стороны двора, высших русских сановников и даже иностранных дипломатов.

Чувство зависти к В.П. Кочубею заставляло некоторых министров и высших сановников крайне негативно высказываться о нововведениях в МВД. Особенно страдали этой «болезнью» Г.Р. Державин, А.Д. Балашов, Г.А. Розенкамф, Ф.В. Ростопчин, Д.П. Троицкий и др. Так, оскорбленный своим увольнением в 1803 г. с поста министра юстиции Г.Р. Державин, спустя 10 лет в своих «Записках ...» утверждал, что «все учреждаемое господином Кочубеем и господином Сперанским было несообразно с настоящим делом...» [5, с. 248]. Еще более желчно о В.П. Кочубее отзывался его друг молодости Ф.В. Ростопчин: «Нет великой нации, коея кафтан он бы не носил, исключая русского ...» [12, с. 173].

Проведенный анализ позволяет нам утверждать, что В.П. Кочубей, выражаясь языком современных ученых психологов, использовал делегирующий стиль руководства. Представляя сотрудникам широкую инициативу и самостоятельность в работе, он делегировал многие свои полномочия подчиненным, оставляя за собой лишь решение кардинальных вопросов. Такой стиль работы министра, с одной стороны, заметно стимулировал подчиненных, с другой – позволял В.П. Кочубею уделять больше времени решению наиболее важных проблем и осуществлению общего руководства министерством.

В то же время, по воспоминаниям современников, министр, хотя и был выше сословных предрассудков, все же предпочитал не сближаться с подчиненными, чтобы сохранить свой должностной авторитет. Эту черту характера Виктора Павловича отмечал в своих воспоминаниях бывший губернатор, князь И.М. Долгоруков: «Сам он обходился с губернаторами благородно и без надменности. Холоден от природы, он не допускал ... ни к какой короткости с собой, но всегда был вежлив и благопристойен. В письменных его сношениях не было никакой суровости. Приятно было исполнять его приказания» [7, с. 337].

Несмотря на так называемую «природную холодность» В.П. Кочубей в полной мере обладал таким столь важным качеством руководителя, как умение влиять на окружающих, убеждать их и заставлять подчиняться его воле.

Это достоинство В.П. Кочубея отмечается всеми, кто знал графа по совместной государственной службе. В этом убеждаемся и мы, анализируя, например, результаты обсуждения в Комитете министров вопросов, касавшихся различных сторон жизни государства.

Сошлемся на один пример, свидетельствующий об искусстве министра убеждать членов правительства в целесообразности принятия мер, предлагаемых руководством МВД. В 1823 г. власти губернского города Владимира в целях увеличения городского дохода обратились в правительство с просьбой отдать им рыбные ловли на реке Клязьме. Бывший министр финансов Д.А. Гурьев отказал в просьбе на том основании, что город при ежегодном доходе в 29 тыс. руб. расходует лишь 20 тыс. руб. Но В.П. Кочубей настаивал на отдаче рыбных промыслов городским властям, так как у местного бюджета не хватало средств на улучшение содержания полиции. Правительство согласилось с обоснованными доводами В.П. Кочубея, но против выступили недавно назначенный министр финансов Е.Ф. Канкрин и министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский. Однако и на этот раз император фактически поддержал предложение управляющего МВД, одобрив мнение большинства членов Комитета министров.

Глубокое знание обсуждаемых вопросов, железная логика и аргументированные доводы в защиту своей позиции позволяли В.П. Кочубею всегда быть первым среди равных. Так, Ф.В. Булгарин в своих «Воспоминаниях» писал: «В.П. Кочубей, действовавший в духе нововведений и преобразований, человек высокого ума и сильного характера» [2, с. 269].

Будучи сам неравнодушным к различным наградам, министр всегда стремился по достоинству оценить службу своих сотрудников.

Пользуясь доверием и поддержкой императора, В.П. Кочубей в период своего первого правления министерством также стремился поощрять подчиненных подарками от имени Его Императорского Величества. Обычно вручались перстни с бриллиантами, золотые табакерки и портсигары, реже золотые часы.

Так, по итогам служебной деятельности за 1806 г. 16 сотрудников департамента МВД были награждены ценными подарками от имени Его Императорского Величества, в том числе 10 чел. получили перстни с бриллиантами, а 6 – золотые табакерки [15. Оп. 1. Д. 234. Л. 296].

Что же касается такой награды, как «Высочайшее Его Императорского Величества благоволение», то ее удостоивались в основном представители губернаторского корпуса и других местных административных органов управления, подведомственных МВД. Министр В.П. Кочубей, выступая ходатаем такого вида поощрения, стремился, чтобы губернаторы за усердие в службе и труды могли чаще получать рескрипты с письменным благодарственным обращением императора. Об этом с особой теплотой вспоминал бывший владимирский губернатор, князь И.М. Долгоруков. Он утверждал, что В.П. Кочубей всячески искал возможность лишней раз обратиться

внимание государя на начальников губерний. Князь И.М. Долгоруков признавался, что он ежегодно удостаивался счастья получать по несколько рескриптов, подписанных собственноручно его величеством.

Таким образом, поощрительная политика, проводимая министром В.П. Кочубеем по отношению к подчиненным, служила важнейшим средством активизации их служебной деятельности, а также способствовала поддержанию здорового морального климата и высокой исполнительской дисциплины в подразделениях министерства.

Реконструируя портрет В.П. Кочубея, необходимо отметить такое его качество (столь важное для руководителя любого ранга), как доброжелательное отношение к людям и готовность помочь попавшему в беду человеку. Подтверждением тому являются мемуары современников с описаниями поступков, совершенных Виктором Павловичем по велению сердца.

В январский день 1805 г. на одной из улиц Петербурга под колеса быстро мчавшегося экипажа министра случайно попал прохожий. Им оказался крестьянин Иван Андреянов, крепостной помещика майора Герасима Мицкого, проживавшего в Ярославской губернии. В результате наезда кареты крестьянин был изувечен, и несмотря на все усилия врачей, остался калекой, полностью потеряв трудоспособность. Посоветовавшись с женой, графиней Марией Васильевной, министр в письме к ярославскому губернатору, князю М.Н. Голицыну подробно изложил свой план материальной помощи крестьянину, ставшему калекой по вине его кучера.

«Милостивый государь мой, князь Михаил Николаевич, – писал министр губернатору 13 января 1805 г. – Честь имею препроводить ... к Вашему сиятельству тысячу рублей ..., прося Вас ... внести сии деньги в Ярославский приказ общественного призрения. Я представляю сумму сию в пользу ... крестьянина Ивана Андреянова ... с тем, чтобы он ежегодно получал узаконенные с той суммы проценты до смерти своей; а по смерти его, я представляю себе право ... сделать о сих деньгах такое распоряжение, какое за благо признаю ...» [17, с. 339]. Было решено, что потерпевший Иван Андреянов из внесенного капитала ежегодно в качестве пенсии будет получать проценты в размере 50 руб.

Крестьянин Иван Андреянов получал так называемую «кочубеевскую пенсию» ровно 33 года до своей кончины (19 декабря 1838 г.).

Рядом с добротой присутствовало еще одно достоинство В.П. Кочубея – это стремление в любых, даже сложнейших условиях защитить своих подчиненных. В его бытность на посту председателя правительства в 1830 г. возник шумный скандал, виновником которого явился управляющий делами Комитета министров Ф.Ф. Гежелинский. Начиная с 1828 г., он стал допускать «неисправ-

ности» в ведении записей журнала Комитета министров. На это Гежелинскому неоднократно делал замечания В.П. Кочубей, но всё это не действовало на него. 21 декабря 1830 г. государю поступил безымянный донос, в котором Гежелинский обвинялся в том, что он некоторые дела докладывал Комитету министров по два раза, пока не добивался для себя желаемого решения. По велению государя Гежелинский был посажен в крепость, а расследование признало его виновным.

Сенат лишил Гежелинского чинов, дворянства, орденов и знака беспорочной службы, и, записав его в рядовые, решил сослать в Сибирь на поселение. После суда В.П. Кочубею все же удалось уговорить государя, чтобы виновника скандала Ф.Ф. Гежелинского отправить служить солдатом не в Сибирь, а в части, дислоцируемые в Финляндии. В апреле 1834 г., а также не без влияния В.П. Кочубея, провинившемуся Ф.Ф. Гежелинскому был присвоен офицерский чин. Он вышел в отставку и поселился в деревне.

Обладая высокой человеческой и управленческой культурой, В.П. Кочубей умел слушать людей. Он никогда не прерывал собеседника, пока тот продолжал говорить. Нередко собеседники в ходе доверительной беседы полностью раскрывались. Этому способствовало искреннее внимание и интерес министра к делу и к говорящему.

Крайне скупой на похвалы Ф.Ф. Вигель в своих «Записках» очень тепло вспоминает о беседах с В.П. Кочубеем, которые состоялись в Одессе по инициативе самого графа. «Меня граф Кочубей позвал к себе в кабинет – пишет Вигель, – и тотчас посадил. Одаренный удивительной памятью, говорил он со мной о Китайском посольстве, с участием вспоминал об отце моем (бывшем пензенском губернаторе – авт.) и с любопытством расспрашивал о Бессарабии ... прощаясь, объявил он мне, что с такого-то по такой-то час он не занят делом и ... в это время он всегда меня охотно примет» [3, с. 498].

Говоря о личностных качествах графа В.П. Кочубея, хотелось бы отметить его привычку никогда не перебивать других. Естественно, он очень сердился, когда ему мешали высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу. Интересен случай из воспоминаний В.И. Панаева. В августе 1831 г. был создан особый комитет по рассмотрению вопроса о присоединении свободных башкирских земель к государственным. Председателем комитета был назначен В.П. Кочубей, членами – П.М. Волконский, П.А. Толстой, М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, Н.Н. Новосильцев. Управление делами комитета было поручено начальнику канцелярии Министерства Императорского Двора и уделов В.И. Панаеву.

На одном из заседаний комитета, вспоминал В.И. Панаев, его председатель Кочубей начал со свойственным ему красноречием развивать какую-то мысль. Вдруг Дашков (министр юстиции) его перебивает и начинает говорить свое, а так как он очень иногда заикался, то речь его «позадлилась». Когда же кончил, то, обращаясь к председателю, сказал: «Неудобно ли ваше сиятельство продолжать» – Продолжать? – возразил князь. – Я потерял нить моих мыслей, и не имею такого горла, чтобы перекричать вас» [14, с. 173].

Говоря о нравственных и деловых качествах министра В.П. Кочубея, необходимо подчеркнуть еще одно достоинство: его обязательность в выполнении данного слова. По отзывам современников, В.П. Кочубей, даже будучи больным (а это случалось в последние годы жизни довольно часто), стремился не срывать запланированных заседаний.

Подводя итоги, следует отметить, что многогранная деятельность министра В.П. Кочубея требовала высокой работоспособности, возможной лишь при условии крепкого здоровья, которым, к сожалению, наш герой не располагал. Поэтому на основе анализа документов, писем и воспоминаний можно утверждать, что хронические болезни, а также семейные трагедии не позволили В.П. Кочубею в полную силу раскрыть свои дарования, широко применить опыт и знания на службе Отечеству. Хотя, как утверждал современник, «Все соединялось в этом человеке: и образование, и опытность и способность писать и дар слова, чтобы быть где угодно первенствующим министром» [14, с. 163].

Список литературы

1. Боровков А.Д. Автобиографические записки. – СПб., 1899.
2. Булгарин Ф.В. Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: в 6 ч. – СПб., 1846–1849. – Ч. 5.
3. Вигель Ф.Ф. Записки. – М., 2000.
4. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834 гг. – М., 1872.
5. Державин Г.Р. Записки. – М., 2000.
6. Дивов П.Г. Из дневника // Рус. старина. – 1899. – Т. 100. – № 10; № 12; 1898. – Т. 93. – № 3.
7. См.: Долгоруков И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. – М., 1874.
8. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. – М., 1867.
9. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978.
10. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – Т. 1.
11. См.: Кузьмин Е.С., Волков И.П., Емельянов Ю.Н. Руководитель и коллектив. – Л., 1974; Труд руководителя: уч. пособие для руководящих управленческих кадров. – М., 1977; Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии и менеджмента в современной работе. – М., 1993.

12. Мальшинский А.П. Высшая полиция при императоре Александре I // Ист. вестн. – 1889. – Т. 35. – № 1.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1822. Ч. Первая. – СПб., 1823.
14. Панаев В.И. Воспоминания // Вестн. Европы. – 1867. – № 3–4.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286.
16. РГИА. Ф. 1349.
17. Русский архив. 1876. Кн. 3. – С. 339.

УДК 94(470+571)«1890/1920»:34
ББК 67.3(2)53

Д. В. Рыбин*

Проблемы пореформенной кадровой политики Министерства юстиции Российской империи в воззрениях И. В. Михайловского

*«...для общества было бы несравненно выгоднее иметь плохие процессуальные законы и хороших судей, чем иметь образцовый кодекс в руках у плохих судей»
И.В. Михайловский*

Автор рассматривает воззрения дореволюционного судебного деятеля и ученого И.В. Михайловского на проблему самостоятельности и независимости судей, а также научной подготовки и материального достатка судебного корпуса пореформенной дореволюционной России и влияния этих факторов на эффективность работы учреждений юстиции.

The author examines the views of the pre-revolutionary judicial officer and scholar I.V. Mikhailovsky on the issues of the impartiality and independence of judges, academic training and material maintenance of the holders of the judicial offices in pre-revolutionary Russia of the Post-reform Period, as well as the influence of these factors on an overall effectiveness of judicial offices' performance.

Ключевые слова: кадровая политика; материальное обеспечение; судебские чины; судебная кандидатура; количество и качество личного состава; условия службы; эффективность работы учреждений юстиции.

Key words: Manpower Policy; Material Maintenance; Judicial Ranks; Judicial Nominee; Quantity and Quality of Staff; Conditions of Service; Judicial Institutions' Performance.

* **Рыбин Данил Вячеславович**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции России (Санкт-Петербург)

Имя дореволюционного судебного деятеля, юриста-ученого и педагога Иосифа-Стефана Викентьевича Михайловского незаслуженно забыто в современной юридической России. Между тем И.В. Михайловский оставил после себя значимое творческое наследие, включающее в себя научно-исследовательские и публицистические работы по философии права, уголовному праву¹, а также по истории и общим вопросам музыки. Видный государственный деятель той эпохи С.Ю. Витте характеризовал И.В. Михайловского как одного из наиболее даровитых, просвещенных и полезных представителей мирового института Томской губернии [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 155].

Вззрения И.В. Михайловского на кадровую политику Министерства юстиции Российской империи интересны тем, что это взгляды не только ученого-теоретика на конкретную проблему, а еще и судебного деятеля, который на практической работе сталкивался со многими проблемами, о которых позже писал.

Свои взгляды на проблемы пореформенной кадровой политики Министерства юстиции И.В. Михайловский изложил главным образом в двух работах – «К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы» и «Общий обзор проекта нового судоустройства»². Если первая работа была опубликована для широкой аудитории [5], то вторая была представлена в качестве доклада, с которым И.В. Михайловский выступил 4 ноября 1900 г. в Киевском юридическом обществе при Киевском университете им. Святого Владимира³.

И.В. Михайловский (1865–1920 гг.) происходил из мещан, по вероисповеданию был католиком, образование получил в Киевском университете Святого Владимира (учился на историко-филологическом и юридическом факультетах) [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 4]. Печатал свои труды в «Вестнике Славянства», «Праве», «Вестнике Права», «Судебной Газете», «Юридической Газете», «Образовании», «Вопросах философии и психологии» и других изданиях.

Профессиональный рост И.В. Михайловского как судебного деятеля поначалу складывался довольно успешно: в 1890 г. он по-

¹ К важнейшим трудам И.В. Михайловского следует отнести следующие: К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. – Нежин, 1898; Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905; Очерки философии права. – Томск, 1914 г. и др.

² В этом докладе И.В. Михайловский критически проанализировал проект судоустройства, предложенный «Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части», которая работала под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева, отсюда еще одно название этой комиссии – «Муравьевская комиссия».

³ Данный доклад автор настоящей статьи обнаружил в фондах РГИА.

ступил на службу по Министерству юстиции кандидатом на судебные должности¹ при Нежинском окружном суде (Черниговская губерния), в 1893 г. он уже был назначен городским судьей г. Екатеринбурга (Пермская губерния), а с 1896 г. состоял городским судьей г. Козельца (Черниговская губерния).

И.В. Михайловский отличался незаурядными профессиональными качествами, его судебная деятельность характеризовалась как в высшей степени образцовая, работал он много и быстро, среди сослуживцев пользовался авторитетом [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 5]. Его решения и приговоры редко отклонялись, однако размер наказаний налагаемых им, часто уменьшался уездным съездом, так как он имел склонность назначать наказания в высшем размере. Последнее и стало причиной нелюбви к нему населения г. Козельца [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 5]. Данное обстоятельство, а также неуживчивость И.В. Михайловского, которая проявлялась в отсутствии сдержанности в общении с коллегами и чиновниками Министерства юстиции, иногда в нетерпимости к другому мнению, а также в активной общественно-политической позиции, не позволили ему в дальнейшем продвигаться по служебной лестнице [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 5, 6]. Такие черты характера И.В. Михайловского способствовали тому, что его часто переводили в разные губернии империи. В начале 1900-х гг. И.В. Михайловский получил назначение в Лифляндскую губернию, где работал мировым судьей 3-го участка в г. Юрьев, однако в 1903 г. он был переведен в Томск мировым судьей первого участка. В 1906 г. И.В. Михайловский был уволен из Министерства юстиции, это, по-видимому, стало следствием того, что в разгар революции 1905 г. он вместе со своими коллегами из Томского технологического института подписал два постановления с политическими воззваниями, в частности, в одном из них был требование «участия свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией и бюджетом» [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 5, 6]. Этот факт вызвал такой резонанс, что И.В. Михайловский вынужден был письменно объясняться перед министром юстиции, а известный полити-

¹ Кандидат на судебные должности – в дореволюционной России начальная ступень служебной лестницы в Министерстве юстиции; кандидатами на должность по судебному ведомству могли быть лица, получившие высшее юридическое образование. Кандидаты на судебные должности назначались министром юстиции, председателями общих судебных мест или обер-прокурорами кассационных департаментов Правительствующего Сената, они состояли при судебных местах и при прокурорском надзоре. Кандидат на судебные должности считались состоящими на государственной службе, но жалованья не получали.

ческий деятель того времени С.Ю. Витте даже «просил» за И.В. Михайловского [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 5, 6].

Отличительная черта личности И.В. Михайловского – его склонность к научно-педагогической деятельности. Еще в начале своей карьеры судебного деятеля, в 1900 г., он выдержал магистерский экзамен и прочитал в Киевском университете две публичные лекции. И на экзаменах, и на лекциях И.В. Михайловский произвел отличное впечатление на членов юридического факультета. По итогам этих испытаний он получил от университета свидетельство на право приват-доцентуры и тогда же был избран в члены Киевского юридического общества.

В 1903 г. он получил назначение в Сибирь и продолжил совмещать работу судьи и научно-педагогическую деятельность. И.В. Михайловский устроился приват-доцентом в Томский технологический институт на кафедру законодательства общего и промышленного, где читал лекции по законоведению и занимался научной работой.

Центральной идеей в работах И.В. Михайловского была *независимость судейского корпуса*. В период подготовки и после проведения судебной реформы 1864 г. демократические принципы судопроизводства, внедренные на российской почве, подверглись резкой критике со стороны консервативных авторов [4, 9 и др.]. В период правления Александра III эти голоса стали крепче и громче, а самое главное – соответствовали взглядам самого императора. В немалой степени этому способствовал и судебный процесс над террористкой В. Засулич. В этой связи власть взяла курс на ограничение независимости судей. Так, в 1885 г. был нанесен серьезный удар по принципу несменяемости судей, а именно: установлен особый порядок удаления судей от должности. Соответствующие полномочия были вверены образованному в составе Правительствующего Сената особому Высшему дисциплинарному присутствию. Этот же закон усилил и расширил власть министра юстиции по надзору за судебными установлениями. В 1889 г. была ликвидирована мировая юстиция, за исключением столиц и Одессы, и передано ведение ранее подсудных ей дел в руки местных административных органов – земским начальникам, а в городах – назначаемым городским судьям.

В период 1894–1899 гг. при Министерстве юстиции работала комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, получившая свое название по фамилии тогдашнего министра юстиции – «Муравьевская комиссия». Несмотря на то, что в начале работы комиссии было заявлено, что основные начала Судебных уставов 1864 г. должны остаться непоколебимы, в проекте нового изложения уставов было вообще исключено положение о судейской несменяемости, значительно расширена власть министра юстиции,

резко расширен круг лиц, которым может быть предоставлено право ревизии судов и многое другое.

С точки зрения консервативной идеологии того периода, в результате судебной реформы 1864 г. произошло выделение судебной власти из общей компетенции верховной власти монарха, а некоторые авторы и вовсе усматривали в судебных уставах своего рода политический *habeas corpus* – отправную точку конституционных порядков [9, ч. 1, с. 2]. Лидер консерваторов К.П. Победоносцев в письме к Александру III в 1881 г. писал, что «бесконтрольная, обоюбленная юстиция не совместима с самодержавием» как типом верховной власти [8, с. 160]. Все это во многом объясняет многочисленные попытки и реальные шаги власти по пересмотру Судебных уставов в 80–90-е гг. XIX столетия.

И.В. Михайловский не был согласен с пересмотром основополагающих принципов Судебной реформы 1864 г. В своих работах он последовательно отстаивал идею судейской несменяемости. В частности, на критику консерваторов принципа несменяемости судей, он остроумно и точно отвечал, что начало несменяемости противоречит не самодержавию монарха, а самодержавию министра юстиции, ибо только по докладу министра монарх смещает судью [5, с. 33].

И действительно, судебные деятели той эпохи с тяжелыми чувствами вспоминали поездки в Санкт-Петербург в Министерство юстиции, осознавая, что их профессиональная судьба во многом зависит от чиновников министерства. Один из судебных деятелей так описывал свое состояние и атмосферу при посещении министерства: «Кто не испытывал, проделывая это, тягостное и удручающее чувство какой-то приниженности, беспомощности, чего-то обидного, ходя по отделениям и канцеляриям и ожидая в маленькой приемной министра, когда Его Высокопревосходительство изволит принять Вас в своем кабинете. Везде начальство, даже курьеры и сторожа... и те посматривают с снисходительностью, важностью и небрежностью, чуть-чуть свысока, в особенности стоящие у дверей кабинетов директора 2-го департамента или начальника отделения личного состава. Ведь все эти директора и начальники отделений держат в своих руках хотя бы кусочек Вашей служебной карьеры...» [3, с. 26]. Ровно об этом писал И.В. Михайловский, что при таком положении дел судьи всецело отдаются в руки министра, и независимость суда перестает существовать. А министерство получает возможность влиять на состав лиц, которым вверяется судебная власть, и направлять их деятельность в нужном ему русле. Таким образом, И.В. Михайловский отмечал, что такая политика министерства ведет к превращению судей в чиновников, которые лишь проводят волю свыше, а отнюдь не осуществляют правосудие. По

мысли И.В. Михайловского, никакого начальника над собой, кроме закона, судья иметь не может, в противном случае извратилось бы понятие судьи, который во время священнодействия, которое называется отправлением правосудия, олицетворяет собой особу представителя верховной власти [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 10].

Таким образом, И.В. Михайловский отрицал в деле правосудия субординацию и чиновничество, однако он признавал необходимость контроля над деятельностью судейского корпуса, установление более строгих наказаний для судьи, нарушившего свой долг [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 12]. Последнее, по его мнению, принесет только пользу судейскому делу, но искажавшим идею суда он считал умозаключение о необходимости превращения судебного ведомства в новую отрасль администрации [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 12].

Еще одной острой проблемой кадровой политики Министерства юстиции, которая волновала И.В. Михайловского, был *вопрос о материальном достатке судей*. Первые годы после Судебной реформы 1864 г. материальное обеспечение и социальные гарантии сотрудников судебного ведомства были еще приемлемыми, однако с течением времени, главным образом из-за роста цен, они значительно ухудшились.

В связи с несоответствием штатов судебных мест размерам их делопроизводства, служба в судах стала крайне тяжелой, требующей значительного напряжения сил и здоровья. К этому присоединилось плохое обеспечение бытовых условий и значительное ухудшение, в основном из-за роста цен, материального достатка судебных чиновников. Заработная плата была настолько незначительной, что для некоторых должностей сводилась к отказу в удовлетворении самых насущных потребностей [6, с. 70]. Следствием такого положения дел стал, с одной стороны, высокий отток достойных и талантливых сотрудников учреждений юстиции на службу в другие ведомства (очень часто в Министерство финансов) и адвокатуру [2, с. 24], а с другой стороны, на судебные должности стали попадать случайные люди с невысокими интеллектуальными и нравственными качествами.

И.В. Михайловский отмечал, что судья, который находится в заботах об удовлетворении насущных потребностей жизни, лишенный обеспеченности, опасаящийся за будущее, поставленный не на должную служебную высоту, теряет необходимое спокойствие духа и уверенность в себе, не пользуется надлежащим авторитетом и превращается в заурядного чиновника средней руки, мечтающего о лучшем месте [5, с. 26]. В своих работах ученый сравнивал организацию работы и материальный достаток российских и западноевропейских судей. В частности, И.В. Михайловский обращал внимание

на значительно лучшее вознаграждение зарубежных судей. В этой связи, он писал: «вестминстерские судьи, составляющие все в совокупности высший суд Англии и разъезжающие по стране для председательствования в судах присяжных, получают на наши деньги до 50 тыс. рублей в год, а каждый из так называемых полицейских судей, разбирающих дела единолично, около 14 тыс. рублей, ...английский судья мог выйти в отставку с пенсией после 15 лет службы» [5, с. 29]. В это же время заработная плата сотрудников судебного ведомства Российской империи была на порядки ниже и составляла у старшего члена окружного суда – 2700, товарища (заместителя) прокурора окружного суда – 2500, товарища председателя окружного суда и прокурора окружного суда – 3500, члена судебной палаты – 3500, товарища прокурора судебной палаты – 4000 рублей в год [1, с. 142]. Здесь важно отметить, что жалование, определенное судебным деятелем в период Судебной реформы 1864 г., оставалось неизменным вплоть до 90-х гг. XIX в., несмотря на значительную инфляцию и, как следствие, резкое удорожание жизни, особенно в крупных городах.

По мысли И.В. Михайловского, для возведения прочного здания правосудия в России, судья должен быть так обеспечен, чтобы его не тянуло к другой должности, лучше оплачиваемой, чтобы он был заинтересован в сохранении занимаемого места, чтобы лучшие юристы стремились получать должности судей [5, с. 27–28].

Беспокоила И.В. Михайловского и *проблема научной подготовки судебных деятелей*. Он отмечал, что уровень научных знаний у судебных деятелей понизился, часто судьи имеют очень смутные понятия о науке, относятся к ней даже свысока, а альфу и омегу юридических знаний видят в кассационных решениях и законах с комментариями Таганцева, Щегловитова, Боровиковского [7. Оп. 538. Д. 74. Л. 18]. И.В. Михайловский был убежден, что судья должен принадлежать к умственной аристократии страны [5, с. 35–36], в этой связи он предлагал Министерству юстиции ужесточить требования, касающиеся научной и практической подготовки судей [5, с. 79].

Очень характерно, что красной нитью в работах И.В. Михайловского проходит сравнение организации отечественных судебных установлений с их западноевропейскими аналогами как своего рода эталоном. Наверное, такой подход И.В. Михайловского закономерен, так как после Судебной реформы 1864 г. российский суд заимствовал западноевропейские принципы своей организации. Поэтому

понятно желание ученого сравнить российскую судебную действительность с эталонным образцом¹.

Немаловажным обстоятельством является и то, что И.В. Михайловский не просто критически осмысливал действительность, но и формулировал предложения по улучшению кадровой политики министерства. В частности, он предлагал следующие меры, которые, по его мнению, могли бы способствовать кадровому оздоровлению судебного ведомства:

- последовательно провести полное обособление суда от администрации;
- улучшить материальное обеспечение судейского корпуса (через периодические прибавки к заработной плате, увеличение пенсий, уменьшение срока для выхода судьи на пенсию);
- поднять общественное положение судей (при существовании одного только типа судьи дать судьям IV класс должности, а председателям – III);
- значительно повысить требования к научной и практической подготовке судей [5, с. 79].

Таким образом, И.В. Михайловский в своих трудах проанализировал пореформенную кадровую политику Министерства юстиции (в том числе проект комиссии Н.В. Муравьева по пересмотру законоположений по судебной части), подверг ее серьезной критике, выявил ее болевые точки и сформулировал предложения по ее улучшению. Воззрения И.В. Михайловского отличаются либеральными ценностными установками, он был сторонником демократических принципов организации правосудия, выступал против пересмотра основных начал Судебных уставов 1864 г. И.В. Михайловский предлагал судебному ведомству альтернативную кадровую политику, основанную на идеях независимости суда и несменяемости судей.

Нельзя не отметить, что взгляды И.В. Михайловского, которые он смело высказывал и отстаивал больше ста лет назад, сегодня звучат очень по-современному. В настоящее время идеи И.В. Ми-

¹ Одним из важных каналов получения зарубежного опыта в области юриспруденции был «Журнал Министерства юстиции». В журнале был раздел «Обзор иностранного законодательства», где русский читатель мог познакомиться с проектами важнейших законодательных актов европейских стран; раздел «Обзор юридических журналов» содержал развернутые аннотации и рецензии на публикации зарубежных ученых в известных европейских юридических журналах, преимущественно французских («Revue trimestrielle de droit civil», «La Reforme sociale», «Journal du droit international prive», «Revu politique et parlementaire», «La France judiciaire», «Revu Generale d'Administration»; «Revu Pénitentiaire. Bulletin de la Société Générale des Prisons»; «Lois Nouvelles»), а также немецких и английских изданиях.

хайловского по организации правосудия и статуса судейского корпуса являются основополагающими для любого цивилизованного общества, ориентирующегося на ценности правового государства. В то же время в конце XIX столетия нужно было обладать гражданской смелостью, чтобы вести острую публичную дискуссию с властью, являясь при этом сотрудником Министерства юстиции.

Своими работами и профессиональной деятельностью судебный деятель, ученый и педагог И.В. Михайловский внес свой вклад в формирование на российской почве традиций правового государства.

Список литературы

1. Бабушкин С.Д. Предстоящая судебная реформа. – Казань, 1897.
2. Всеподданнейший доклад министра юстиции, статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.). – СПб., 1904.
3. Записки судьи. – СПб., 1912.
4. Катков М.Н. О современных вопросах России (1879–1887 гг.). – М., 1898.
5. Михайловский И.В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. – Нежин, 1898.
6. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. – СПб., 1901.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405.
8. Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2000.
9. Фукс В. Суд и полиция: в 2 ч. – М., 1889.

УДК 271.22-543.7(09) «1800/1917»
ББК 63.3(2)5-37

*М. В. Пулькин**

Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии)

Статья посвящена организации исповеди в XVIII – начале XX в. По мнению автора, суть происходящих изменений заключалась в росте внимания со стороны приходских иереев и церковного начальства к духовному значению исповеди. Ко второй половине XIX в. стало заметным желание духовных властей преодолеть отрицательное отношение населения к исповеди путем разъяснения важности покаяния для спасения души.

The article is devoted to the organization of confession in the XVIII-beginning of the twentieth century. According to the author, the essence of the changes was to increase the attention of the Hierarchs parish and church authorities to the spiritual value of the confession. By the second half of XIX century a notable desire to Church authorities to overcome the negative public attitude to confession.

Ключевые слова: исповедь, покаяние, духовенство, старообрядчество, церковь, православие, церковный приход.

Key words: confession, repentance, the clergy, the Old Believers, Church, Orthodoxy, the parish.

Особое значение таинства покаяния подчеркивается в современной религиоведческой литературе. Ведь «в сознании верующих смысл существования приходской общины заключен не в удовлетворении потребности духовного общения на основе совпадения вкусов, привязанностей, а в стремлении к спасению души, которого нельзя достичь помимо алтаря, где совершается Евхаристия» [7, с. 61]. Неспроста поэтому в новейших трудах по истории церкви постепенное увеличение числа отказывающихся от исповеди отождествляется с ростом религиозного индифферентизма [3, с. 115]. Начиная с XVIII в. исповедь приобрела и иной смысл. Отказ от нее влек за собой подозрение в неблагонадежности, «тайном содержа-

* Пулькин Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

нии раскола» [2, с. 168], что не могло остаться незамеченным властью. Более того, до 1800 г. существовал порядок, согласно которому уклоняющиеся от исповеди платили штраф [21. Т. 26. № 19743]. Судя по материалам делопроизводства XIX в., факт регулярной явки на исповедь указывался в документах, составляемых перед заключением брака [17. Ф. 25. Оп. 20. Д. 58/653. Л. 2]. На протяжении всего изучаемого периода лица, «не бывающие у исповеди и святого причастия», не могли избираться церковными старостами [9, с. 183]. Цель данной статьи заключается в выявлении основных закономерностей эволюции таинства покаяния, а также в изучении степени влияния на этот процесс приходского духовенства и мирян.

Практическое осуществление исповедного учета возлагалось на приходских священников. Согласно именным указам Петра I от 8 февраля 1716 г. [21. Т. 5. № 3169] и 17 февраля 1718 г. [21. Т. 6. № 3854] иереи обязывались ежегодно составлять полный список исповедавшихся, не посетивших исповедь, и «записных раскольников». Копию этого списка надлежало представлять в консисторию, а также в судебные органы. Указ от 16 февраля 1722 г. дополнительно разъяснял, как именно следует вести приходские списки [21. Т. 6. № 3963].

Выдающееся значение законодательной регламентации исповеди среди мероприятий Петровской церковной реформы неоднократно становилось предметом внимания исследователей. Академик Н.Н. Покровский полагает, что в петровском законодательстве исповедь превратилась «в контролируемый государством метод общеобязательной проверки», малоэффективный и «не способный “отделить овец от козлищ”» [20, с. 382]. Современный исследователь русского религиозного сознания А.С. Лавров считает, что для императора Петра Великого «не менее важно было то, чтобы подданные регулярно исповедовались, чем то, чтобы они регулярно платили свою подушную подать» [14, с. 346]. В дальнейшем заметная роль таинства покаяния сохранялась [22, с. 353–354].

Для организации исповеди привлекались «мирские» должностные лица. Так, в инструкции «сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г. предписывалось наблюдать, чтобы народ посещал церковь в воскресные дни, великие праздники и дни высочайших торжеств, «имел воздержание» в эти дни от полевых работ, а также регулярно исповедовался [21. № 14 231].

В литературе сложилось неоднозначное мнение об отношении прихожан к таинству покаяния, а также о достоверности исповедных ведомостей. А.В. Камкин полагает на основании данных церковных архивов, что в целом по Европейскому Северу России «ежегодная волна исповедания и причастия <...> превращалась в особое приходское общение». Что касается уклонения от исповеди, то оно, по

мнению автора, носило «очаговый» характер [12, с. 31]. Данные исповедных ведомостей расцениваются, таким образом, как вполне достоверные. Отчасти с А.В. Камкиным солидарна Л.В. Островская, использующая материалы XIX в. «Церковные деятели, – пишет она, – отмечали слабость религиозного чувства сибиряков, усматривая здесь аналогию с Олонецкой епархией, где условия существования церкви были сходны с сибирскими. Эта же ситуация отражается и в исповедных отчетах» [18, с. 134]. Противоположной точки зрения придерживаются Н.Д. Зольникова [8, с. 12] и акад. Н.Н. Покровский [20, с. 381]. Они полагают, что церковная статистика настолько фальсифицирована, что может использоваться только для демографических исследований, а отнюдь не для изучения религиозности населения или истории оппозиционных господствующей церкви конфессиональных течений.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают последнюю точку зрения. Существенным фактором, способствующим искажению данных исповедного учета, стал, как ни парадоксально на первый взгляд, жесткий контроль над исповедью со стороны светской власти. Так, архангельский и олонецкий генерал-губернатор Т.И. Тутолмин, как видно из его резолюции, распорядился в 1786 г. «во все селения разослать приказы и велеть иметь неослабное <...> смотрение, дабы поселяне, им подвластные, начиная с семи лет возраста, ходили ежегодно на исповедь и по дозволению священника к приобщению». В распоряжении предписывалось объявить «при собрании мирского скопа», что в случае добросовестного исполнения «сей христианской должности» верующие избегнут не только штрафа, но и уголовной ответственности – «самого, наконец, осуждения» [6. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 95. Л. 4]. Такой подход открывал широкие возможности для тех, кто желал свести личные счеты. Ведь прошения прихожан с жалобами на ложное указание их «небывшими» не освобождали просителей от наказания за неявку на исповедь. В документах XVIII в. описания такого рода ситуаций встречаются в немалом количестве. Так, в 1754 г. выборный от крестьян Коткозерской волости представил в Олонецкую провинциальную канцелярию «репорт», в котором указывал, что «их (прихожан. – М.П.) тое волости поп в небытии у исповеди показал напрасно» [23. Ф. 574. Оп. 1. Д. 376. Л. 272]. Решение канцелярии, как видно из указа, было следующим: « <...> егда вышеозначенный поп оных крестьян показал не исповедавшимися по злобе напрасно, то надлежит им на него просить по команде, а от платежа штрафных денег тем не отговариваться» [23. Ф. 574. Оп. 1. Д. 376. Л. 272, об.].

Жесткое административное воздействие, применяемое в деликатном церковном вопросе, привело к такому эффекту, который

нельзя не назвать обратным ожидаемому. Священно- и церковнослужители использовали свои полномочия для того, чтобы омрачить жизнь супостатам. Так, в 1794 г., как видно из прошения дьячка, священник Оштинского погоста «за происходящими ссорами написал ево, дьячка, в своей духовной росписи небывшим у исповеди и святого причастия» [б. ф. 29. Оп. 9. Д. 149. Л. 57]. На сходное нарушение отчетности указывали крестьяне Нигижемского прихода в этом же году. В их прошении, адресованном Синоду, говорилось: «на некоторых бывающих у него (священника – М.П.) у святого причастия в духовное правление репортует небывалыми, за то и взыскиваются строго узаконенные с нас штрафы» [24. ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 2]. С другой стороны, те прихожане, которые не явились на исповедь, могли рассчитывать на снисходительное отношение своих приходских священников. Судя по доношению пономаря из Лоянского прихода, поступившему в Олонецкую духовную консисторию в 1796 г., священник Федор Теодорский «прихожан в великопостных росписях показывает всех бывшими, в чем они (остальные церковники – М.П.) имеют сомнение, поелику при исправлении той исповеди не приглашает никого из церковнослужителей» [б. ф. 29. Оп. 9. Д. 153. Л. 170]. В данном случае мы не располагаем объяснением того, почему священник оказался не в меру уступчив. Документы, связанные с историей других приходов, показывают, что этот случай не уникален, а объяснения поступков клирика – вполне обыкновенны. Следственная комиссия по делу о восстании приписных к Олонецким горным заводам крестьян докладывала в 1771 г. Сенату, что крестьяне вынуждены, помимо прочих многочисленных «беззаконных сборов», платить «попам за великопостные росписи, таковыя, что, хотя бы кто и не был, показывается бывшим на исповеди» [17. ф. 445. Оп. 1. Д. 256. Л. 291]. Аналогичные нарушения «благолепия» имели место и в Западной Сибири. Так, Н.Д. Зольникова утверждает, что «клирики регулярно ради взяток отмечали в ведомостях не бывших на этих мероприятиях бывшими и наоборот, вымогая взятки, бывших при исполнении этих обрядов писали "небывшими"» [8, с. 172].

Но в литературе не нашло отражения иное обстоятельство, столь же ощутимое для духовенства и настоятельно побуждавшее его искажать исповедную отчетность. Это страх перед расправой, неминуемой для каждого, кто пытался противостать воле крестьян. Например, дьячок Ильинского прихода доносил в 1781 г. в Олонецкую духовную консисторию: «прихожан у священника на исповеди было только десятков семь, а остальных обоего пола семьсот в пост Успения Богородицы он хотя и призывал на исповедь, но как к тому, так и к хождению в воскресные и праздничные дни в церковь принудить не мог». Как видно из того доношения, дьячок даже «претерпевал немалое поношение за то, что призывал на исповедь» [б. ф. 29. Оп. 9. Д. 1. Л. 65].

Другое из аналогичных дел относится к 1765 г. К плачевным результатам привело столкновение дьячка Ивана Васильева с прихожанами Николаевской церкви Коробозерского прихода. В 1761 г. в Олонецкую воеводскую канцелярию поступило «объявление» от причетника. Он уличал некоторых своих прихожан, «жительство имеющих в тайном расколе», т. е. не посещающих исповедь, но и не платящих двойной подушный оклад [23. Ф. 547. Оп. 1. Д. 627. Л. 1]. Меры были приняты незамедлительно. По указу Олонецкой духовной консистории в приход явились архимандрит Спасо-Каргопольского монастыря Феодосий и священник соседнего Колодозерского прихода Алексей Титов, которым консистория поручила «всех исповедию и Святых Таин причастием сподобить». Их миссия не увенчалась успехом: большинство прихожан, как видно из рапорта архимандрита, «за сходом из домов своих осталось без причастия» [23. Ф. 547. Оп. 1. Д. 436. Л. 31]. Изначально конфликт носил выраженный межконфессиональный характер: многие из коробозерских прихожан являлись старообрядцами. Донос, составленный дьячком, не только усилил до того времени вялое противостояние, но и привнес в него новые черты.

Дальнейшее развитие событий явствует из указа Олонецкой воеводской канцелярии. Жизнь дьячка стала невыносимой: для начала крестьяне отобрали у него землю и сенные покосы. Затем, в неделю Святой Пасхи 1766 г., когда дьячок «за неимением в приходе священника» читал в церкви Часослов, в храм «весьма со многолюдством» ворвался церковный староста Василий Афанасьев и отнял у дьячка ключи от церкви. Некоторое время спустя прихожане «разбойнически сильно» (т. е. с применением силы) явились в дом причетника, схватили его и по распоряжению волостного старосты «забили» в колодку. При этом они проклинали дьячка за то, что «навел им комиссию, и от того они будто бы разорились и с великим криком похвальные слова выговаривали, что тебе, дьячку, теперь вряд ли быть у нас здесь». Сам дьячок тоже понимал, что «в том Коробозерском приходе ему впредь жить не можно, понеже они, крестьяне, до взятья у него церковных ключей многократно выговаривали: "естьли он, дьячок, от них добром не выйдет, то как есть выживут вон, и один у них в лесу ходить не станет"» [23. Ф. 547. Оп. 1. Д. 436. Л. 32, об.]. Для того чтобы окончательно изгнать дьячка, прихожане составили прошение, в котором указывали, что он воровал церковные вещи. Началось следствие. Возвращать дьячка обратно к разъяренным крестьянам консистория опасалась. В итоге она приняла решение передать церковь «входящему» священнику, а дьячка оставить при ней. Такое решение вполне закономерно. Несомненное, признаваемое церковными властями, право прихожан осуществлять «перемену» духовенства, а не конкретные провинности причетника решили исход дела.

Все приведенные факты не дают возможности ответить на вопрос о том, насколько типично уклонение от исповеди и часто ли священно- и церковнослужители искажали исповедную отчетность. Можно предположить, что исповедные ведомости отражали или взаимоотношения между прихожанами и священником, или действительный факт явки прихожан на исповедь, или, что всего вероятнее, и то и другое в разных пропорциях. И все же нельзя не заметить, что исповедь не являлась популярной составляющей приходской жизни. По представлениям крестьян греховность неизбежно сопутствовала человеку в его земной жизни. Поэтому некоторые грехи воспринимались «как обычные человеческие слабости, не требующие специального очищения от них» [15, с. 746]. Это имело далекоидущие последствия. Исповедь доставляла немало хлопот и законодателям, и тем, на кого возлагались контрольные функции – приходским священникам и светским властям. Неблагоприятные климатические условия, влияя на своевременное исполнение всех таинств, оказывали воздействие и на исповедь. В документах XIX в. содержатся вполне определенные и даже живописные высказывания по этому поводу. Так, священник Александр Устьявольский в 1858 г., поясняя свое поведение следственной комиссии, заявил, что регулярно являлся для исповеди больных, а препятствием для него становились лишь осенние «дожди и грязи», «весною по местам разлив ручьев», «зимой ненастье и морозы» [17. Ф. 25. Оп. 7. Д. 45/10. Л. 169]. Изучавшая его дело следственная комиссия указывала, ссылаясь на местного благочинного, что в данном приходе исповедные ведомости – «документы самые темные и неопределенные» [17. Ф. 25. Оп. 7. Д. 45/10. Л. 174].

В XIX – начале XX в. старые проблемы осуществления таинства покаяния сохранялись. Церковное законодательство предписывало каждому верующему «хотя однажды в год исповедаться и причаститься св. Таин по обряду христианскому, в пост, или в иное время» [9, с. 125]. Устав духовных консисторий требовал от епархиального начальства «прилагать особенное попечение, чтобы миряне ежегодно, во исполнение христианского долга, исповедовались и причащались св. Таин» [26, с. 7]. Регулярная явка верующих на исповедь находилась под контролем приходского священника. Начальники исповедующихся также обязывались участвовать в организации этого церковного обряда: «гражданское и военное начальства также наблюдают, чтобы все лица, им подчиненные, непременно сей долг исполняли» [25, с. 284]. Реальность вносила свои коррективы. В биографии олонецкого преосвященного Аркадия представлены недостатки церковно-приходской жизни в середине XIX в.: «Показания документов о бывающих у исповеди и св. причащения оказывались фальшивыми» [5, с. 576]. В этот же период один

из благочинных, осмотрев исповедные ведомости в Масельском приходе, пришел к печальному заключению: «исповедные документы за прошлый год ведены столь неисправно, что нельзя из оных с вероятностью извлечь достоверных сведений» [17. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/15. Л. 5]. В Шунгском приходе, по данным этого же источника, «основательных сведений о бывших у исповеди священники дать не могут» [17. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/15. Л. 5]. В описании Юргильского прихода Олонецкой епархии содержались аналогичные характеристики действий церковников: «Причт скрывал раскол, чтобы не быть ответственным перед епархиальным начальством. Не бывших у исповеди и святого причастия показывал в исповедных ведомостях бывшими» [4, с. 710].

Преодолеть негативные церковные обычаи оказалось непросто. В 1861 г. в отчете, адресованном Синоду, местный епископ вновь отмечал прежние нарушения: «укоренившийся издавна между духовенством обычай небывших у исповеди и святого причастия показывать бывшими еще не совсем прекращен, только время от времени слабеет» [24. Ф. 796. Оп. 442. Д. 61. Л. 31, об.]. Местные жители нередко проявляли равнодушие к исповеди, нарушая существующие церковные традиции и предписания синодального начальства. В то же время власть продолжала оценивать лояльность граждан исходя из явки на исповедь или отказа от «христианских обязанностей». Не явившиеся на исповедь крестьяне не могли стать, к примеру, волостными старшинами [17. Ф. 25. Оп. 20. Д. 59/655. Л. 43]. В документах консистории встречаются рассуждения о том, что каждого, не являющегося на исповедь, в XIX в. считали не вполне нравственным человеком. Один из олонецких благочинных, высоко оценивая моральные качества местных карелов, отмечал изъяны в их поведении: «Но при всем нравственном состоянии карелов, отличающихся от русских православных своим особенным языком, патриархальными нравами и обычаями в образе жизни, мало заметно в них особенного усердия к церкви и к исполнению христианского долга посредством очищения своей совести через исповедь и святое причащение» [17. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 46]. В 1902 г., оценивая особенности местной паствы, олонецкий благочинный подчеркивал, что исповедь остается важным критерием оценки духовно-нравственного состояния народа. Этот критерий показывает, что ситуация далека от благополучия: число исполняющих долг исповеди хотя и растет, но «в общем оставляет желать еще многого» [17. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 24].

Значительно реже в документах консистории встречаются данные о проблемах с посещением церкви, возникающих из-за бездорожья. Так, в 1879 г. один из каргопольских благочинных писал: «В настоящее время число исполнивших христианский долг исповеди и

святого причастия во всех приходах гораздо значительно противу прошлого года. Причиной послужило то, что зимний путь в течение всего поста был весьма удобный» [17. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 24, об.].

И все же осуществление исповеди постепенно приобретало новые черты. Внимание уделялось не только бюрократическому контролю над церковным покаянием, но и духовной составляющей исполнения этого обряда. Так, в 1870 г. епархиальный архиерей указывал в отчете, адресованном Синоду, что ему приходилось заботиться о «внушении» через священников пастве о «необходимости частого посещения богослужения, неупустительного исполнения долга исповеди и святого причастия надлежащим приготовлением к сим таинствам» [24. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 12–12, об.]. От священника при рукоположении требовали обещания «с должным вниманием и усердием выслушивать исповедь кающихся, не выражая никакого неудовольствия, ни словом, ни видом своим», и также не действовать слишком сурово – «не налагать на кающихся епитимий на долгое время» [17. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49/60. Л. 5, об.]. При представлении сведений о явившихся и не пришедших на исповедь причты обязывались «указывать, почему их прихожане не исполняют христианского долга, а равным образом и те меры, которые принимаются к их исправлению» [5, с. 583].

В начале XX в. местные священники продолжали совершенствовать порядок исповеди по собственному усмотрению. Так, в 1909 г. священник Волостнаволоцкого прихода указывал в своем рапорте архиепископу, что в своем приходе он допускает к исповеди только тех прихожан, которые более-менее регулярно посещают богослужения, за исключением тех, кто живет слишком далеко от церкви. Объясняя свое рискованное решение, иерей писал: «Я, как священник, желал бы, чтобы прихожане как можно лучше приготовлялись к святому причащению» [17. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/42. Л. 37]. В деле нет свидетельств недовольства епархиального начальства этим нововведением. Другой священник, служащий в приходе, населенном карелами, отмечал благотворное влияние на паству использования карельского языка в богослужебном обиходе. Призыв явиться на исповедь, проповедь и беседы с карелами на их родном языке, писал иерей, привели к несомненному успеху, изумившему епархиальное начальство. Несколько лет назад большинство прихожан не являлось на исповедь. Но к 1914 г., когда происходили описываемые события, наоборот, подавляющее большинство посетило церковь и приняло участие в таинстве покаяния [1, с. 317–319].

В новых условиях приходское духовенство активно искало и с разрешения епархиального начальства внедряло в жизнь новые правила осуществления исповеди. Так, по данным рубежа XIX и

XX вв. причт Гимольского прихода во время Великого поста объезжал окрестные деревни. Во время этих поездок все желающие могли исповедаться. Положительный результат не замедлил проявиться. Как писал священник, «число исполнявших долг исповеди и святого причастия с каждым годом увеличивается» [16, с. 228]. К исполнению христианского долга детей приучали в церковно-приходских школах. Так, по данным отчета о состоянии школ за 1907 г., в них важнейшим средством воспитания стало «исполнение христианского долга исповеди и Св. причастия с должным приготовлением к тому». От совершения таинства уклонялись лишь дети старообрядцев [19, с. 16].

В начале XX в. исповедь продолжали считать «главной и существенной мерою к искоренению в приходе раскола» [11, с. 96]. Но и сам «раскол» в этот же период явственно заявлял о себе во время исповеди. Как говорилось в миссионерском отчете, «вредное влияние раскола сказывается и в том отношении, что православные <...> весьма редко посещают храм Божий и редко исполняют долг исповеди и святого причастия» [13, с. 14]. Попытки решить проблему явки на исповедь предпринимались и иными, значительно более радикальными методами. Так, съезд благочинных Олонецкой епархии решил «вменить в обязанность» пастырям Олонецкой епархии «непрерывно требовать» от непосещающих исповедь лиц до совершения таинства брака исповедаться и причаститься [10, с. 256].

Итак, судя по имеющимся материалам, осуществление таинства покаяния стремительно эволюционировало на протяжении изучаемого периода. Суть происходящих изменений заключалась в росте внимания со стороны приходских иереев и церковного начальства к духовному значению исповеди. В XVIII в. основу организации исповеди составляли преследования тех, кто по тем или иным причинам избегал таинства покаяния. Но постепенно формировалось (и ко второй половине XIX в. стало заметным) желание духовных властей понять причины, препятствующие полноценному, осознанному, а не обусловленному страхом перед репрессиями покаянию. В качестве факторов, способствующих негативному отношению к исповеди, современники событий рассматривали как мощное старообрядческое влияние, так и ощутимый языковой барьер между духовенством и прихожанами. Все эти отрицательные проявления религиозной жизни постепенно преодолевались и сглаживались. По мере роста церковного просвещения исполнение таинства покаяния приобретало иной смысл и для мирян: из средства контроля гражданской лояльности оно постепенно становилось важным моментом церковной жизни.

Список литературы

1. А. П-ий. О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел // Олонецкие епархиальные ведомости*. – 1914. – № 14. – С. 317–319.
2. Алексеева Н.В. Церковная исповедь и попытка установления государственного контроля за ее практикой в XVIII в. // Мировоззрение и культура севернорусского населения. – М., 2006. – С. 167–174.
3. Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. – 2008. – № 4. – С. 114–124.
4. Благовещенский А. Юргильский приход Олонецкого уезда Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 20. – С. 708-714.
5. Вениамин (иеромонах). Преосвященный Аркадий, архиепископ Олонецкий, как деятель против раскола // ОЕВ. – 1900. – № 16. – С. 576-583.
6. Государственный архив Архангельской области.
7. Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Православие в русской народной культуре: направления исследований // Этнограф. обозрение. – 1993. – № 6. – С. 54–68.
8. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1981.
9. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству: справ. кн. – СПб., 1883.
10. Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в городе Каргополе // ОЕВ. – 1900. – № 7. – С. 256–257.
11. Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 3. – С. 91–96.
12. Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993.
13. Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // ОЕВ. – 1912. – № 22. – С. 1–23 (Приложение).
14. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. – М., 2000.
15. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. – М., 2004. – С. 725–747.
16. Надпорожский П. Гимольский приход Повенецкого уезда // ОЕВ. – 1900. – № 6. – С. 225–233.
17. Национальный архив Республики Карелия.
18. Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исслед. по истории обществ. сознания эпохи феодализма в России. – Новосибирск, 1984. – С. 131–151.
19. Отчет о состоянии церковных школ в 1907-1908 учебном году // ОЕВ. – 1909. – № 3. – С. 4–18. (Приложение).
20. Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. – С. 367–384.
21. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830.
22. Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань, 1904.
23. Российский государственный архив древних актов.

* Далее ОЕВ.

24. Российский государственный исторический архив.
25. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство: сб. действующих церк.-гражд. законоположений, относящихся к духовн. ведомству. – М., 1901. – С. 231–292.
26. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовн. ведомству. – М., 1901. – С. 3–42.

УДК 94(470+571)«1851/1900»:316.3-055.623
ББК 63.3(2)52/53-2

С. В. Зайцева*

Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX в.

В статье рассматриваются основные факторы, которые могли оказывать влияние на рождение внебрачных детей как в городах, так и в деревнях Российской империи. Особое внимание уделяется таким факторам, как экономические условия и принадлежность лиц к тем или иным вероисповеданиям, в наибольшей степени влиявшим на рост числа незаконнорожденных детей.

The article examines the main factors that might influence the birth of illegitimate children in the towns and villages in the Russian Empire. Particular attention is paid to economic conditions, as well as the peculiarities of faiths, that could explain a significant amount of illegitimate children.

Ключевые слова: внебрачные (незаконнорожденные) дети, метрические записи, рождаемость, губернии, Москва, Санкт-Петербург, отхожие заработки, статистика, религия.

Key words: extramarital (illegitimate) children, metric records, birth rate, the province, Moscow, St. Petersburg, seasonal work, statistics, religion.

На протяжении всей истории в России существовали незаконнорожденные дети, т. е. родившиеся вне брака, от прелюбодейной связи, либо по каким-то другим причинам оставшиеся непризнанными родителями. Жизнь и судьба таких детей в большинстве случаев была плачевной: если они не попадали в воспитательные дома или другие учреждения по призрению детей, не были усыновлены или узаконены родителями, то нередко умирали в раннем возрасте [1; 16, № 3; 17, № 16, № 84, № 91, № 138], становились жертвами преступлений или страдали от негативного отношения общества, зачастую повторяя судьбу матери, сами вставали на преступный путь.

* **Зайцева Светлана Валентиновна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Общее количество незаконнорожденных детей в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. составляло в среднем 2–3 % от общего числа новорожденных. Однако статистические сведения, фиксирующие число рожденных вне брака детей, отличались неполнотой данных. Это объяснялось тем, что подавляющее большинство незаконнорожденных детей включалось в списки лишь после крещения, т. е. если дети рождались мертвыми или умирали до крещения, то во многих случаях сведения о них отсутствовали. Кроме того, в статистические данные не попадала информация и о незаконнорожденных детях, крещеных уже после вступления в брак родителей и таким образом узаконенных ими (после принятия закона 12 марта 1891 г. об узаконении и усыновлении детей), а также о детях, рожденных замужними женщинами от любовных связей на стороне (признание таких детей незаконными осуществлялось на основе заявления мужа [18. Ф. 225. Оп. 1. Т. 2. Д. 6792, 6577 и др.]).

Следует отметить, что число незаконнорожденных детей было разным как по губерниям, так и по городам. Первое место среди городов по количеству рождавшихся вне брака детей занимали столицы Санкт-Петербург и Москва (средний процент рожденных вне брака детей за 1870-е гг. составлял в Москве 44,3, в Санкт-Петербурге – 27 %, тогда как в среднем по городам Европейской России такой процент составлял 17,4 %; в целом же по губерниям количество незаконнорожденных детей в столичных губерниях также значительно преобладало, чем во всех остальных [11; 13; 15 и др.]). Это, несомненно, было связано с деятельностью воспитательных домов, которые нередко именовались «рассадниками разврата», «могилой», в связи с чем в периодической печати и публицистике нередко высказывались предложения закрыть данные учреждения, поскольку «там где есть воспитательные дома, потому именно и родится больше незаконных детей... ибо родители, живущие ли в браке или нет, могут без опасения производить на свет детей, если не имеют надобности заботиться об их будущем» [6, с. 14]. Кроме того, по мнению составителей одного из сборников «Статистика Российской империи», высокий процент незаконнорожденных в столицах зависел прежде всего от большого количества рождений вне брака в самих столицах, «причиной этому не одно столичное население, но также множество рожениц, прибывающих из уездов той же губернии или соседних, а иногда даже и отдаленных и поступающих в многочисленные столичные приюты, родовспомогательные заведения и больницы, как общественные, так и частные». Необходимо также обратить внимание на тот факт, что место рождения многих детей, подкинутых или отданных в воспитательные дома, больницы и другие учреждения, порученных на попечение частным воспитателям в столичных губерниях, было неизвестным, а поэтому они также учитывались в графе рожденных в той или иной губернии [9, с. 17].

В значительной степени увеличению числа детей, рожденных вне брака в столицах и других крупных городах, способствовали и такие факторы, как значительная скученность населения, развитая фабричная промышленность [5, с. 20–21] и, как следствие, перевес мужского населения над женским. Так, если в Санкт-Петербурге в 1861 г. количество незаконных детей составляло 11,7 % от общего числа родившихся в том году в столице детей (5500 детей из 46856) (или 0,18 % от общего числа детей, родившихся в стране в 1861 г.: 5500 детей из 2992755) [2, с. 2–3]; то в 1876 г. данный процент достиг цифры 14 % (7549 детей из 53916) или соответственно 0,24 % (7549 детей из 3193493) [12, с. 62–63]; в 1885 г. – соответственно 28,3 % (8232 ребенка из 29080) [7, с. 50] и 0,2 % (8232 ребенка из 4067618) [7, с. 50; 10, 30–31]; в 1898 г. – соответственно 25,1 % (8965 детей из 35748) [7, с. 50] и 0,19 % (8965 детей из 4754974) [7, с. 50; 8, с. 1].

В Российской империи количество рождавшихся вне брака детей зависело от расположения губернии на карте страны, ее экономического развития, плотности населения и других факторов. Так например, высокий показатель внебрачных рождений в Прибалтийских губерниях (Виленской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской) (см. табл. 1) И. Янжул объяснял большим количеством расположенных на этой приграничной территории войск, бедностью крестьянского населения, не имевшего, таким образом, возможности содержать семью, что усугублялось еще и отсутствием общинного землевладения [19, с. 15].

Таблица 1*

Губерния	Показатель внебрачных рождений, %				
	1861 г.	1865 г.	1872 г.	1876 г.	1882 г.
Виленская	6,2	5,4	3,4	3,1	3,3
Ковенская	3,1	4,2	5,4	3,8	4,2
Курляндская	3,9	4,7	4,4	4,0	3,8
Лифляндская	3,2	4,4	5,0	4,6	5,5
Эстляндская	4,4	4,6	3,8	3,5	3,8
Средний показатель внебрачных рождений по стране	3,4	2,8	3,0	2,8	2,6

* Табл. составлена по: [2; 11, с. 30; 13, с. 62–63; 15, с. 28].

Присутствие военных подразделений и расположение на территории того или иного региона военных гарнизонов оказывало влияние на увеличение числа незаконнорожденных детей и в ряде других губерний страны. Несмотря на то, что общие показатели рожденных вне брака детей по Тверской губернии в целом были невысокими, статистические данные по городам и уездам 1860-х гг. в сравнении показывали противоположный результат: в 1861 г. – 2,6 % (1954 ребенка из 74237 детей, родившихся в губернии), в 1864 г. – 2,5 % (1952 ребенка из 77683), в 1865 г. – 2,1 % (1513 детей из 73055) [2, с. 2–20]. В 1876 г. общий показатель по губернии был еще ниже – 1,9 % (1551 ребенок из 79811), однако в крупных городах процент внебрачных детей был гораздо выше: в Твери – 9 % (131 ребенок из 1451 родившихся в городе), в Ржеве – 11,4 % (79 детей из 695), в Вышнем Волочке – 11,5 % (33 ребенка из 286), в других крупных городах губернии – 10,9 % (242 ребенка из 2225) [13, с. 28–29, 32–33].

Подобную ситуацию можно объяснить ростом промышленных предприятий в городах в 1870-х гг., а также тем фактом, что на территории Тверской губернии длительное время располагался военный гарнизон, а местное мужское население уходило на заработки в Ростов, Петербург и другие города [19, с. 23].

Города, где активно была развита торговля и существовали порты, также имели большие показатели рожденных детей вне брака, поскольку население в таких местах во многом состояло из пришлых, временно проживавших в них матросов, купцов, путешественников, которые стремились к временным связям, результатом которых нередко становились незаконные дети. Такие приморские и портовые города, как Архангельск, Новочеркасск, Херсон и др. имели высокие проценты рожденных внебрачных детей как в рамках губерний, так и в целом по стране [2; 13 и др.].

Таким образом, в крупных губернских городах процент незаконнорожденных в сравнении с общим числом детей, рожденных в этих городах, был достаточно высок, однако то же самое количество детей в сравнении с общим числом детей, рожденных в губернии, было незначительным и редко превышало 1 %, за исключением столичных губерний, где ситуация оказывалась противоположной.

Во многом на степень распространения числа незаконнорожденных детей в губернии оказывало влияние, как уже упоминалось, экономическое развитие и, в частности, формирование промышленности. Так, в Костромской губернии в городах и даже фабричных селах, где существовали льнопрядильные ткацкие фабрики, лесопильные заводы (Костромской, Кинешемский, Нерехотский уезды) данные по количеству незаконнорожденных детей в несколько раз превышали показатели по рождаемости в тех уездах Костром-

ской губернии, где промышленность не была развита, где отсутствовали какие-либо заводы и фабрики [3]. Кроме того, как утверждали многие публицисты, а также составители статистических сборников, значительную роль играли промыслы местных жителей, нередко заставлявшие мужское население на длительное время отлучаться из дома, а также тот факт, что население (как мужское, так и женское) из губерний, находившихся на незначительном расстоянии от крупных городов, уходило на заработки также на продолжительное время, полностью вливаясь в жизнь большого города, но не обременяя себя узами брака и верности. К ним относились Псковская, Костромская, Новгородская, Ярославская губернии, что нашло отражение и в статистических данных по количеству незаконнорожденных детей [2; 19, с. 15; 13, с. 62–63 и др.].

Вместе с тем Д.Н. Жбанков, исследователь влияния отхожих заработков на движение населения, долгое время работавший врачом в Костромской и других губерниях и наблюдавший жизнь крестьян, утверждал, что не все промыслы негативно влияли на количество внебрачных детей. На примере Костромской губернии, он разделил уезды на три группы: отхожие, где большая часть населения, особенно мужчин, уходила на заработки на длительное время в крупные города, в том числе столицы; фабричные, где население как мужское, так и женское, уходило на заработки на близлежащие фабрики и заводы на свободное от сельскохозяйственных работ время; лесные, где также в период, свободный от сельских работ, мужское население занималось охотничьим, рыбным, лесным, деревенским ремесленным промыслом. Главное влияние, по мнению Д.Н. Жбанкова, которое оказывали отхожие заработки на движение населения, – это сокращение рождаемости. Среди причин он называл, прежде всего, длительное отсутствие мужей и вообще мужчин в деревне, а также влияние тяжелых сельскохозяйственных работ на здоровье женщин, которые «так заняты и так изнуряются непосильными для них полевыми работами во все время отсутствия мужей, что у них нет ни времени, ни охоты для половых наслаждений» [4, с. 21]. Тем не менее, сами мужчины, находясь на заработках, могли себе позволить связи на стороне, которые нередко заканчивались рождением ребенка.

Женский отход на заработки был не таким значительным, как мужской. В основном деревенские девушки устраивались прислугой. Так, по данным Московской переписи 1902 г., которые приводил М.Н. Гернет, в качестве женской прислуги работало 94,8 % сельских и деревенских жительниц [1, с. 130]. Вот как он описывал возможные события, ожидавшие девушку в городе: «Приехавшая из деревни, где она испытывала чаще всего нужду, она начинает видеть теперь в семьях своих "господ" картины богатства и достатка. Так

ей, по крайней мере, кажется при сравнении ее положения и своих хозяев. Эта роскошь, действительная или кажущаяся, окружающая ее, создает у нее новые потребности, удовлетворение которых, при ее, обыкновенно, скудной зарплате, является невозможным. Если даже она имеет бесплатный стол и квартиру, то часто заработок ее оказывается настолько недостаточным, что его не хватает на то, чтобы быть одетой так "прилично", как это требуется господами. Пользуясь ее деревенской забитостью к ней предъявляют требования, далеко выходящая за очень широкий круг ее обязанностей. В ней попирается ее человеческое достоинство. Ее рабочий день, начинаясь с раннего утра, кончается поздним вечером и очень часто захватывает период в 16 и более часов. Она не знает отдыха в течение дня и редко получает его в праздники. Молодой организм обременяется непосильным трудом, получает к нему отвращение и с радостью хватается за все, что позволяет, хотя бы на короткое время, забыться, отдохнуть и развлечься. Иногда эти развлечения довольно своеобразного характера предлагаются со стороны самих господ или их знакомых. Обращение этих господ, от которых она привыкла слышать лишь приказания и грубости, к ее сердцу должно тем более действовать на нее, что она еще не искушена, по молодости лет, житейским опытом. Потеря места, при отсутствии всяких сбережений, ставит девушку также в очень тяжелое положение, при котором облегчается возможность сделать так называемый "ложный" шаг» [1, с. 130–131]. Неудивительно, что наибольшее количество внебрачных детей рождалось именно у женщин, работавших прислугой, и только на втором месте – у женщин, работавших на фабриках и заводах. С.А. Селюгин в исследовании, посвященном рождаемости и смертности внебрачных детей в Санкт-Петербурге, приводил следующие сведения о занятиях матерей незаконных детей: в 1898 г. из 8475 матерей 3840 (45,3 %) работали кухарками, нянями, судомойками, горничными, 2220 (26,2 %) матерей являлись чернорабочими и фабричными поденщицами, 1248 (14,7 %) – были заняты в сфере ремесла [7, с. 38–39].

Немаловажную роль играл также религиозный фактор. Наибольшее число внебрачных детей было связано с такими вероисповеданиями, как православие (в среднем, 3 % от всех рожденных в православной вере), католицизм (в среднем, 3,3 % от числа рожденных в римско-католической вере), протестантизм (в среднем, 3,5 %), а также раскольничество (около 7,5 %). Однако в численном соотношении, количество детей, рожденных в православной вере, существенно превышало остальные группы: так, в 1867 г. среди детей насчитывалось незаконных в православии – 92217, в католицизме – 4238, в протестантизме – 2542 [14, с. 10–11]. Чем же можно

объяснить высокое количество внебрачных детей в данных религиозных группах? Прежде всего необходимо учитывать, что православие являлось государственной религией, а следовательно, основная масса населения во всех губерниях страны придерживалась именно этого вероисповедания. В таком случае основное влияние на появление незаконнорожденных детей в губерниях Европейской России оказывали рассмотренные выше факторы. Другая ситуация сложилась в западных и юго-западных губерниях страны. Население Виленской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской губерний исповедовало, главным образом, католицизм и протестантизм, были приверженцы и православия. Во всех трех религиозных группах в данных губерниях процент незаконнорожденных детей был очень высок. Так например, в 1868 г. количество внебрачных детей среди всех рожденных детей православного вероисповедания составляло 18,9 % (Ковенская губерния), 10,5 % (Курляндская губерния), 6,0 % (Лифляндская губерния), 5,1 % (Эстляндская губерния), средний процент среди православного населения составлял 2,9 % [12, с. 8]. Данные по двум другим религиям представляли следующее: внебрачных детей протестантской веры насчитывалось 3,7 % (Ковенская губерния), 4,2 % (Курляндская губерния), 4,1 % (Лифляндская губерния), 3,8% (Лифляндская губерния), средний процент внебрачных детей протестантской веры по стране составлял 3,3 % [12, с. 12]; среди католиков незаконнорожденные дети составляли 4,3 % (Ковенская губерния), 3,2 % (Виленская губерния), средний процент – 2,3 % [12, с. 10]. Поскольку, как уже упоминалось выше, население данных губерний придерживалось разных вероисповеданий, заключение законных браков между представителями которых было крайне затруднительным, то значительное распространение получали внебрачные связи, в результате которых появлялись незаконнорожденные дети. Что касается раскольничества, то большое число детей среди этой группы населения объяснялось тем фактом, что часть староверов не признавала брак и всех детей считала законными, в то время как, с точки зрения государства и церкви, эти дети являлись незаконнорожденными, поскольку родились вне брака.

В других религиозных группах, в частности среди приверженцев ислама (магометанства) и иудаизма, число незаконнорожденных детей было значительно меньше: средний процент внебрачных детей у магометан составлял 0,2, у евреев – 0,3. Такое соотношение было связано со специфическими особенностями последних двух религий, в результате признание и предоставление прав незаконным детям было особенно распространено среди данных групп населения.

Таким образом, на увеличение числа незаконнорожденных детей как в крупных городах (в том числе и столицах), так и в провинции оказывали влияние разнообразные факторы. Тем не менее, И. Янжул в качестве основной причины роста рождаемости внебрачных детей выделял следующее: «количественным соотношением полов определяется и количество незаконных рождений, т. е. чем более один пол имеет перевес над другим [например, мужского пола над женским в городах на фабриках и заводах либо при размещении военных гарнизонов при деревнях; женского пола над мужским в деревнях при уходе мужчин на заработки], тем более незаконнорожденных и обратно» [19, с. 22]. Некоторые же исследователи, составители статистических сборников указывали на трудности выделения какой-либо причины, оказывавшей особое влияние на количество внебрачных детей в той или иной губернии, и даже говорили об отсутствии таковой, подкрепляя это утверждение данными по разным губерниям о высокой степени развития фабричной промышленности, приграничном положении, стоянке войск на территории губернии и в то же время низком количестве незаконнорожденных детей [20]. В местностях, где процент внебрачных детей был высок, по мнению данных исследователей, решающую роль играли традиции и условия, сложившиеся непосредственно на данной территории. Так например, в Архангельской губернии значительное число незаконнорожденных объяснялось «скорее ... вероятным существованием в губернии тайного раскола, допускающего сожителство, но не браки» [9, с. 16].

Несомненно, на количество незаконных детей в той или иной губернии оказывал влияние целый комплекс факторов, включавший в себя, очевидно, как вышеуказанные обстоятельства, так и специфические особенности каждой конкретной губернии.

Список литературы

1. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. – М., 1911.
2. Движение населения в Европейской России. 1861–1865 гг.
3. Движение населения Костромской губернии, за десятилетие 1871–1880 (Цифровые данные по городам и уездам). – Кострома, 1884.
4. Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. – СПб., 1895.
5. Жижиленко В. Призрение подкидышей земствами в 1903–1906 гг. – [1908].
6. Радецкий И.М. Брошенные дети (Материалы к вопросу о подкидышах). – СПб., 1894.
7. Селюгин С.А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в Санкт-Петербурге: дис. на степень доктора медицины / сер. докт. дис., допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1906–1907 учебном году. – № 9. – СПб., 1906.

8. Статистика Российской империи. – LVI. – СПб., 1903.
9. Статистика Российской империи. XVIII. – СПб., 1891.
10. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. – СПб., 1887.
11. Статистический Временник Российской империи. – Серия II. – Вып. 18. – СПб., 1882.
12. Статистический Временник Российской империи. – Серия II. – Вып. 12. – СПб., 1877.
13. Статистический Временник Российской империи. – Серия II. – Вып. 23. – СПб., 1883.
14. Статистический Временник Российской империи. – Серия II. – Вып. 8. – СПб., 1872.
15. Статистический Временник Российской империи. – Серия III. – Вып. 21. – СПб., 1889.
16. Судебная газ. – 1883.
17. Судебный вестн. – 1875.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА). – Ф. 225. Оп. 1. Т. 2.
19. Янжул И. О незаконнорожденных. – М., 1870.
20. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения (Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения). – СПб., 1892.

УДК 94(470+571)«1875-1917»:343.84/85
ББК 63.3(2)53-36

*Л. В. Шевнина**

Патронат над преступными детьми в России в конце XIX – начале XX в.

В данной статье анализируется процесс становления системы покровительства над малолетними и несовершеннолетними преступниками, вышедшими из исправительных учреждений в России конца XIX – начала XX в.

Основная часть работы содержит сведения о внедрении патроната для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи, его деятельности и значению

Given article is devoted how patronage business over the juvenile and minor criminals who have left correctional facilities in Russia of the end XIX – the beginnings of XX centuries developed.

In work the analysis of process of formation of system of protection over criminal children is short given. The basic part of article contains, directly, date on introduction of patronage for minor offenders in the Russian empire, to its activity and value.

* **Шевнина Лилия Валерьевна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Ключевые слова: детская преступность, исправительные заведения несовершеннолетних, патронат, перевоспитание, попечительство, правонарушение.

Key words: children's criminality, penal institutions, the minor, patronage, re-education, guardianship, offence.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи крайне важной и острой стала проблема детской преступности. Обозначился стремительный рост данного социального недуга. Детская беспризорность, а за ней и преступность, наблюдались как в провинции, так и больших городах. Таким образом, эта "социальная язва" распространялась все более быстрыми темпами.

В общественной жизни России конца XIX – начала XX в. данная проблема находилась в центре внимания. В периодической печати активно обсуждались причины детской преступности, ее специфика, динамика и проч. Но самым трудным и особенно сложным являлся, на наш взгляд, все-таки вопрос о перевоспитании малолетних и несовершеннолетних преступников.

Изначально «преступных детей» сажали в тюрьмы, где они отбывали свое наказание вместе со взрослыми правонарушителями, которые по большей части были рецидивистами, что по сути дела не имело ровным счетом никакого эффекта в процессе перевоспитания детей, поскольку «...приговаривая малолетнего к заключению в тюрьме,..... окружая нравственный мир мальчика обществом взрослых преступников, успевших пройти всю лестницу порока, мы обрекаем ребенка на окончательную гибель» [17, с. 324]. Ни положительного примера, ни заботы в таких местах не существовало, и малолетний преступник, выйдя из заключения, как правило, оставался таким же, как раньше и возвращался к прежним деяниям. В связи с этим уже в середине XIX в. в России стали использовать западный опыт развития воспитательно-исправительных заведений с целью перевоспитания несовершеннолетних преступников. Началом этому послужило издание Высочайше утвержденных правил об исправительных приютах от 5 декабря 1866 г. [16, с. 1139], позволявших создавать исправительные заведения как частным лицам, так и общественным организациям. Нужно заметить, что «...закон 5 декабря 1866 года был издан при отсутствии у нас собственной практики. Поэтому она была составлена на основании опыта иностранных государств, в которых воспитательно-исправительные заведения уже существовали и действовали более или менее долгое время» [18. Л. 1]. Примечательно, что данный подход оказался более эффективным, поскольку содержал в себе идею именно перевоспитания как средства борьбы против детской преступности.

Далее последовал ряд законов и распоряжений, касавшихся малолетних преступных детей (например, закон от 2 февраля 1893 г., представлял начальству исправительных заведений право помещать детей для труда и обучения ремеслу к мастерам, а также на сельскохозяйственные работы [16]; закон от 2 июля 1897 г., существенно изменил порядок уголовного судопроизводства над несовершеннолетними [14]).

Таким образом, была создана целая сеть воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних нарушителей закона. Но в то же время остро обозначился следующий вопрос – как быть с теми малолетним, которых выпустили из колонии или приюта? Как помочь им обустроиться в жизни после обучения в заведении? Решением данной проблемы явилось создание системы патроната (или попечительства) над «выпущенниками» воспитательно-исправительных колоний, так как опыт работы доказал, что деятельность одних только воспитательно-исправительных заведений недостаточна и нужна комплексная работа в борьбе против детской преступности.

Прежде чем исследовать проблему попечительства над выпускниками исправительных учреждений в России конца XIX – начала XX в., следует определить понятие «патронат» и рассмотреть историю его возникновения.

Понятие патроната разрабатывалось многими специалистами. Так например, исследователь Д. Тальберг понимал под патронатом специально-организованные меры попечения об освобожденных из мест заключения [6, с. 48]. При этом он утверждал, что эта помощь четко организована, а не случайна. П.И. Люблинский, давая определение патронату, указал на его государственную значимость и как свободное служение членов общества государству в сфере борьбы с преступностью [17, с. 711].

Само же слово «патронат» происходит от латинского «patronus», «pater» – отец, т. е. главный, покровитель, что свидетельствует о заботе (покровительстве) со стороны более сильных над слабыми, беззащитными.

В целом же патронат обозначается как система попечения над вышедшими из мест заключения с целью адаптации их в обществе и организации их труда.

Насколько важна и необходима была данная система в комплексе мер перевоспитания несовершеннолетних преступников? Нужно сказать, что, несомненно, создание ее являлось крайне необходимым, так как «самое большое затруднение, с которым приходится бороться освобожденному – это то недоверие, которое внушает человек, подвергшийся осуждению» [12, с. 2–3]. Естествен-

но, что после того, как малолетний преступник оказывался на свободе, пытался получить место, позволявшее ему содержать себя, то возникали затруднения. Как правило, мастера и семьи, в которые направлялась данная категория заключенных, относились крайне скептически и настороженно к новоиспеченным работникам, что сказывалось на их материальном положении. А что могло произойти с тем, кто недавно отбывал наказание, например в обвинении по воровству? Очевидно, что участь такого несовершеннолетнего при отсутствии у него каких бы то ни было средств к существованию и моральной поддержки, могла быть определена, а именно: возвращение к прошлому уголовному образу жизни. Конечно, мы не утверждаем, что абсолютно все бывшие воспитанники снова становились преступниками, но все же проблема эта была крайне сложна и требовала своего решения, каковым стало введение в России системы патроната.

Необходимость введения системы патроната доказывал М.В. Шимановский (общественный деятель, правовед, член Одесского общества патроната). В своей публичной лекции, прошедшей 18 апреля 1888 г. в Биржевом зале он отмечал: «...в конце 60-х, когда сознание русского общества было потрясено теми картинами, которые начал раскрывать суд гласный, публичный, когда начали выясняться жалкие картины рецидива, того положения, в которое был поставлен выпущенник, общество наше пробудилось, и идея о помощи выпущенникам начала все более и более делаться его достоянием, чему способствовало издание законов от 5 декабря 1888 г.» [13, с. 11].

Начало возникновения системы попечительства над бывшими осужденными относится к XVIII в. Колыбелью рождения данной идеи является Запад. Так например, первое Общество патроната было основано в Филадельфии 7 февраля 1776 г. Ричардом Уистером под названием Philadelphia society for assisting prisoners [12, с. 13]. Вскоре по аналогии с ним в США стало возникать множество других союзов, преследующих те же цели.

В Англии система патроната начала действовать с 1823 г. и охватывала не только малолетних, но и взрослых преступников. Организация данной системы осуществлялась попечительством над освобождаемыми из тюрем известного Society for the improvement of prison discipline, при поддержке государства.

Во Франции вопрос о патронате был поставлен Законом 5 августа 1850 г. [9, с. 4–5], по которому молодые заключенные, в момент отбытия своего наказания и освобождения из тюрьмы, отдавались под покровительство общественной помощи, по крайней мере, в течение трех лет.

Как заметил в своей речи Г. Блюменфельд (член Одесского общества), лучше всего дело патроната было организовано в Америке, объясняя это тем, что «в этой стране, где чувствуется недостаток в рабочих руках, где труд высоко ценится и где предрасудкам, разъедающим старое европейское общество нет места, найти работу патронируемым чрезвычайно легко; дети большею частью разбираются фермерами; а мирный характер земледельческого труда совершенно убивает в них преступные инстинкты» [9, с. 4–5].

Таким образом, мысль о создании и сама организация попечительства над бывшим заключенным как малолетними, так и взрослыми впервые появилась на Западе в XVIII в., где и были сформулированы основные его идеи.

В России началом возникновения патроната над несовершеннолетними заключенными можно считать середину XIX в. Как уже отмечалось выше, законом 1866 г. «О воспитательно-исправительных заведениях» данным учреждениям вменялось в обязанность оказывать возможное содействие своим выпущенникам в деле устройства их будущей жизни.

Практическая работа по оказанию поддержки вышедшим из исправительных заведений подросткам, как правило, осуществлялась двумя путями. Некоторые приюты и колонии сами занимались устройством жизни бывших воспитанников (Киевская, Студзенецкая, Вологодский приют и др.), что, в принципе, и было зафиксировано в их уставах. В иных учреждениях патронат осуществляли специально созданные для этого различные общества попечительства, которые занимались как взрослыми освобожденными, так и несовершеннолетними.

Первая попытка самостоятельного учреждения патроната в России принадлежала Санкт-Петербургскому попечительству о тюрьмах комитету [1, с. 78]. Поначалу данная организация представляла собой лишь убежище для малолетних до 16 лет, являясь как бы временным приютом для безнадзорных и бесприютных детей. Приют этот являлся только временным, малолетний мог в нем оставаться до приискания ему занятия или работы.

Одним из первых организаторов патронажа стало также Петербургское общество, возникшее в 1879 г. по инициативе Е.Е. Вагановой. Как отмечают современники «...пораженная большим числом рецидивистов в петербургском тюремном отделении для малолетних преступников, г-жа Ваганова, при содействии нескольких лиц, начала в 1879 году свою деятельность. В маленьком домике на Цесках открыто убежище: поставлено несколько кроватей и нанят дядька для присмотра за детьми и подыскивании им работы» [9, с. 6].

Итак, российское общество не было равнодушно к проблеме детской преступности, и что очень важно, делались первые попытки облегчить жизнь не только бесприютным детям, но и тем, которые встали на неправильный путь. Таким образом, начатое в очень скромных размерах дело попечительства приобретало все более четкие формы. С течением времени так называемое «убежище Вагановой» превратилось в крупное общество.

В Москве при содействии Московского Рукавишниковского приюта [8], одного из известнейших заведений для преступных мальчиков, было организовано Московское общество попечительства. Чуть позднее уже возникли и другие благотворительные общественные организации: Одесское, Варшавское, Казанское общества и др.

Все общества организовывались на добровольных началах. Для исполнения этой задачи, как видно из отчета о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, «...правление было вынуждено обращаться за покровительством и содействием к разным лицам и долгом считает засвидетельствовать, что не только ни разу не встретило неблагоприятного отказа, но напротив всегда испытывало со стороны этих лиц горячее содействие» [10, с. 5], что свидетельствует о том, что дело приобретало все более общественный характер.

Основной деятельностью обществ патроната являлось «устройство целесообразной опеки над выбивающимися из заведения воспитанниками» [10, с. 4] Как видно на примере деятельности Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, задачей являлось «окружить опекой выпущенников», что означало «приискать им подходящее помещение и заработок, поддерживать в них нравственные начала, пособлять во всех житейских потребностях, доколь не станут самостоятельными...» [2, с. 5–6].

Таким образом, целью данных общественных структур являлась организация трудовой деятельности и жизни выпускника какого-либо воспитательно-исправительного заведения с целью социализации его в обществе и поддержании в нем морально-нравственных качеств.

Органом управления каждого отдельного общества являлось так называемое правление или комитет, куда входили почетные члены общества (платежеспособные) и те, кто непосредственно занимался попечительством над бывшими воспитанниками приютов и колоний. Правление состояло из членов общества, входивших туда.

В общество патроната мог вступить любой желающий, каких-либо ограничений для вступления не существовало, но главным условием являлось, конечно, благотворительная помощь в виде внесения различных денежных сумм. Например, Варшавское общество

собирало не только денежные средства, но смогло исходатайствовать бесплатный проезд для воспитанников Студзенецкой колонии, организованной тем же обществом. Для воспитанников было открыто свободное передвижение по Варшаво-Венской, Бромбергской, Лодзинской, Тереспольской, Привислянской, Домбровецкой дорогам [11. с. 6]. Это в значительной степени упрощало возвращение выпускника после истечения срока пребывания в приюте. Также Варшавское общество земледельческих колоний и приютов пользовалось бесплатными объявлениями в варшавских и провинциальных периодических изданиях.

Источники доходов обществ были самые разнообразные (табл. 1).

Таблица 1*

Общие доходы общества

Статьи сметы	Наименование статей, руб.	По смете предполагалось, руб.	Действительно поступило, руб.	Более, руб.	Менее, руб.
1,2,3	Проценты с основного, запасного и оборотного капиталов	3234,37	3514,73	280,63	---
4	а) Вклады почетных членов	5800	4793	---	1007
	б) Пожертвования деньгами и в натуре	1200	1181,10	---	18,90
	в) Публичные лекции, концерты, представления и т. п.	800	271	---	797,29
	г) Непредвиденные доходы	1000	1425,63	425,63	---
	д) Продажа «Ежегодников», дипломов и т. п.	120	11,50	---	108,50
	Итого	12154,37	10928,67	705,99	1931,69

* Взята из: Отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1887 год, представленный Комитету Общества председательствующим в Правлении директором В. Микляшевским. – СПб. – 1888. – С. 8.

Таблица 2*

Основные капиталы

Источник капитала	Наличными деньгами, руб.	Процентными бумагами, руб.
1. Пожертвованные покойною Осклою Рапацкою, обеспеченные ипотекой имения Станишевице	6000	
2. Завещанные покойным домиником Дзевановским, обеспеченные ипотекой имения Дзялынь	2000	
3. Завещанные покойным Густавом Зелинским, обеспеченные ипотекой имения Оссовка-Витовонж	1000	
4. Отказанные покойною Каролиною Брандышь, обеспеченные ипотекою дома № 828 в г. Варшава	1000	
5. Пожертвованные покойным Андреем Плодовским, обеспеченные ипотекой имения Жероминь	1000	
6. Оказанные покойным Иваном Добошинским, закладными листами города Варшавы		2200
7. По дарственной записи покойного ксендза Брудзынского, закладными листами города Варшавы		4500
8. Вклады 56 постоянных Членов Общества, закладными листами города Варшавы		5960
9. Пожертвование ксендза Войцеха Фрича, закладными листами Земского Кредитного Общества		15000
10. Завещанный покойным ксендзом Владиславом Рудковским билет Государственного Банка		500
11. Пожертвованные покойным Карлом Пашкевичем, закладными листами: Земского Кредитного Общества и города Варшавы		1000
Итого	11000	29160
Всего 40160		

Из табл. 2 следует, что все-таки основными источниками являлись капиталовложения почетных членов как наличными, так и ценными бумагами (с процентом), далее следовали пожертвования на меньшие суммы, доходы с лекций, изданий журналов, газет и проч.

Нужно заметить, что деятельность исправительных заведений и обществ патроната тесным образом переплеталась, так как многие из них как раз были созданы при самих учреждениях (Одесское, Ки-

* Взята из: Отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1887 год, представленный Комитету Общества председательствующим в Правлении директором В. Микляшевским. – СПб., 1888. – С. 9.

евское, Московское общество и др.) После выпуска бывший малолетний преступник не пропадал из поля зрения своего заведения.

Обратимся непосредственно к практической деятельности обществ. Во время пребывания несовершеннолетних в приюте или колонии члены обществ систематически посещали их, знакомились лично, собирали различные справки и сведения о воспитанниках.

По выходе из заведения бывшего питомца, общество сразу же подыскивало ему место, которое бы соответствовало его трудовым навыкам. Также активно оказывалась помощь в прописке по месту жительства, без которой невозможно было устроиться на работу.

Воспитанникам выдавалась одежда (летняя и зимняя), пара сапог, которая рассчитывалась на два года. Кроме того, несовершеннолетние обеспечивались необходимым инвентарем для рабочей деятельности, но, денежные суммы, как правило, не выдавались по причине того, что бывший воспитанник, может употребить ее не на нужды, а развлечения. Выдача денег питомцу исправительного заведения осуществлялась только в крайних случаях и сложных ситуациях.

Общество патроната подыскивало для малолетних хозяев и мастеров, у которых они могли бы работать. Если обе стороны были согласны, то заключался официальный контракт. После этого, несовершеннолетний в большинстве случаев проживал у своего хозяина, который был обязан обеспечивать его пищей, одеждой, рабочим материалом. Но как показывала практика, хозяева свои обязательства выполняли частично, чтобы не затрачивать средства на подопечных. В то же время бывшие воспитанники имели право доложить Комитету общества, если хозяева очень жестоко с ними обращались. Тогда они переводились к другим мастерам, или могли остаться для работы в самом заведении, но уже как подмастерья.

Общество назначало попечителя для каждого малолетнего, вышедшего из воспитательно-исправительного заведения, с целью контроля над его поведением и трудом. Попечитель был обязан регулярно посещать своего несовершеннолетнего, следить за его успехами (или наоборот) и докладывать правлению в виде письменного отчета.

В тех случаях, когда патронат осуществляли сами заведения, их помощь могла быть осуществлена путем трудоустройства, определения опекуна, создания депо для временно не работающих, как это делалось, например, в Студзенецкой колонии [1].

Несомненно, что дело попечительства над малолетними преступниками, имело свои положительные моменты, но также и наблюдались несовершенства системы и ее организации.

Существенные недостатки внутренней организации системы патроната в России отметила Е.Е. Ваганова, учредительница Пе-

тербургского общества, говоря о том, что «неправильная постановка дела представляется ныне уже ошибкой настолько серьезной, что может подорвать в корне общественное доверие к молодому и, несомненно, полезному учреждению. В нашей текущей деятельности нет общего направления...нет связующего центра» [7, с. 1–3], «важным условием правильного функционирования органов патроната, независимо от их внешней организации, является то обстоятельство, чтобы они были объединены в лице какого-нибудь одного центрального комитета,...в котором могли бы обсуждаться и вырабатываться новые усовершенствованные приемы попечительства» [12, с. 21]. Естественно, что существование центрального органа управления патронатом в России могло способствовать более тесной взаимосвязи и сотрудничеству всех обществ.

Ко всему прочему общества просто не в состоянии были обеспечить всех своих бывших подопечных необходимыми материальными средствами.

Таким образом, к середине XIX в. в России была сформирована система попечительства над малолетним и несовершеннолетними осужденными с целью их реабилитации после выхода из исправительно-воспитательных учреждений. Организация и деятельность патроната в целом принадлежала различным благотворительным обществам. В общество мог вступить любой желающий, вносящий регулярно пожертвования в помощь выпускникам приютов и колоний. Количество членов того или иного общества не фиксировалось.

Попечительство над бывшими воспитанниками воспитательно-исправительных приютов и колоний осуществлялось в виде выдачи одежды, обуви, необходимых инструментов, а также трудоустройстве их к мастерам или в семьи для работ. Патронат продолжался в основном в течение трех лет после выпуска питомца из заведения.

Нужно отметить, что при всей своей необходимости, система патроната над несовершеннолетними преступниками имела ряд недостатков, одним из которых являлось отсутствие единого связующего центра (органа) между всеми обществами попечительства.

Список литературы

1. Варшавское Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов и его исправительно-воспитательные заведения: кр. оч. проф. В. Микляшевского. – СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1910.
2. Ведомство учреждений императрицы Марии, состоящее под высочайшим их императорских величеств покровительством: сб. сведений. Ч. XIV – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1897.
3. Ежегодник Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1895 год (Изданный Правлением Общества). Ч. 1. – Варшава, 1896 г.
4. Ежегодник Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год (Изданный Правлением Общества). Ч. 1. – Варшава, 1898.

5. Ежегодник Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год (Изданный Правлением Общества). Ч. 2. – Варшава, 1898.
6. Журнал Министерства Юстиции. Орган Министерства Юстиции – СПб., 1911.
7. Записка члена комитета Е.Е. Вагановой по предмету дальнейшей деятельности Общества пособия над несовершеннолетними, вышедшими из мест заключения. – СПб.: Типография Цедербаума и Гольденблюма, 1880.
8. Московский городской Рукавишниковский приют. Сообщение, сделанное 31 января 1891 года, Почетным попечителем Приюта, К.В. Рукавишниковым, в здании Императорского Московского университета господам студентам 8-го семестра Юридического факультета. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1891.
9. О падших детях и обществах патроната. Речь, произнесенная в годичном заседании Одесского юридического общества 19 февраля 1887 года Г.Р. Блюмендельфом. – Одесса, Тип. «Одесского вестника», 1888. – 24 с.
10. Отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1887 год, представленный Комитету Общества председательствующим в Правлении директором В. Микляшевским. В заседании Комитета того же Общества 26 мая 1888 г. – Варшава: Губернская тип., 1888.
11. Отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1888 год, представленный Комитету Общества председательствующим в Правлении директором В. Микляшевским в заседании Комитета того же Общества 26 мая 1889 г. – Варшава: Губернская тип., 1889.
12. Патронат. Его необходимость и принципы организации. Из журнала «Вестник Права» (апрель и май 1900 г.) – СПб.: Сенатская тип., 1900.
13. Патронат в России. Публичная лекция, читанная 18-го апреля 1888 года, в Биржевом зале в пользу Одесского Общества Исправительных приютов и Одесского Общества покровительства отбывшим наказание и бесприютным. М.В. Шимановским. – Одесса: Тип. «Одесского Вестника», 1888.
14. Российское законодательство X–XX веков. – Т. IV. – М.: Юрид. лит., 1986.
15. Свод законов Российской империи. – Т. XV. – 1875, 1890. – СПб. – Пг.: Гос.тип.
16. Свод судебных уставов Российской империи. – М.: Университет. типография, 1870.
17. Тюремный вестник. Орган Главного тюремного управления. – СПб., 1896.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(430).084 «1897»
ББК 63.3(4Гем)53-6

*А. В. Гостенков**

Начало германской мировой политики. Оккупация Цзяочжоу

Длительное время в историографии ведется дискуссия о германской мировой политике, ее целях, авторах, результатах. В статье предпринята попытка проследить ее зарождение и первые итоги.

For a long time there have been debates in the historiography about Germany's world policy, its objectives, the authors, the results. The article attempts to trace its origin and first results.

Ключевые слова: Германия, Вильгельм II, Китай, Россия, Цзяочжоу, Булов, Гольштейн, Тирпиц, Япония, Брандт, Вальдерзее.

Key words: Germany, Wilhelm II, China, Russia, Jiaozhou, Bulow, Holstein, Tirpitz, Japan, Brandt, Valderzee.

Еще до объединения Германии Пруссия организовала Восточную экспедицию (1860–1862 гг.) под руководством графа Фридриха Эйленбурга, позже, при Бисмарке, министра внутренних дел. В составе экспедиции находились люди, занявшие в объединенной Германии важные государственные посты: Ф. Гольман стал статс-секретарем военно-морского ведомства, Э. Кнор возглавил главное командование флота, М. Брандт и К. Эйзендехер стали известными дипломатами – Брандт был признан одним из лучших экспертов по странам Дальнего Востока, Эйзендехер сыграл видную роль в формировании германской политики в отношении с Японией.

В задачу экспедиции входило посетить Китай, Японию и Сиам. Наряду с подписанием торговых договоров, членам миссии вменялось в обязанность исследовать почву на предмет наличия полезных ископаемых. Незадолго до отплытия эскадры граф Эйленбург получил еще одно задание: ему поручалось найти в Китае пункт, в который в перспективе можно было бы основать прусское переселение [16, р. 76]. Среди участников экспедиции (он неоднократно принимал участие в подобных мероприятиях) был географ барон

* **Гостенков Анатолий Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Ф. Рихтгофен. Свои изыскания и выводы он представил в сочинении: «Китай: результаты собственного плавания и основанное на этом исследование». Работа включала широкий спектр вопросов по геологии, геофизике, а также истории, топографии, формам поселений, транспорта, экономических отношений. В отличие от сочинений других авторов, особенно миссионеров, в работе Рихтгофена Китай представлен не стагнирующей страной, а обществом с огромным потенциалом развития. Рихтгофен признавал, что Китай остановился в своем развитии и своими силами у него нет шансов справиться с проблемами, нужен импульс извне. Человек своего времени Рихтгофен считал, что сооружение железных дорог, рудников иностранными державами не является эксплуатацией, а лишь помощь в развитии китайской экономики и обозначал это как «поднятие страны» [16, р. 63].

В ходе Восточно-Азиатской экспедиции Пруссия от имени входящих в Таможенный союз стран заключила с Китаем договор о дружбе, торговле и мореплавании. В 1865 г. в Пекине было учреждено прусское представительство.

При премьерстве О. Бисмарка идея германского опорного пункта в Китае хотя и обсуждалась, но никогда серьезно не рассматривалась – для него важнейшей задачей оставалось объединение Германии. И даже после основания империи в 1871 г. в центре внимания канцлера оставалось укрепление позиции империи в Европе. Тогда Бисмарк оспаривал политическую и экономическую ценность колоний и отклонял активную колониальную политику [15, р. 81, 87]. С отставкой Бисмарка приоритеты изменились. Политика «нового курса» канцлера Л. Какриви наряду с задачей на улучшение отношений с Англией была нацелена на активизацию колониальной политики. Китай пока оставался вне зоны особых интересов. Китайско-японская война 1894–1895 гг. привлекла внимание великих держав и внесла коррективы в политику Берлина.

Различные доклады и памятные записки бывшего посланника в Пекине М. Брандта, в которых он подчеркивал политическое и экономическое значение Китая побудили германское руководство к обдумыванию прежней, больше прояпонской восточноазиатской политики [23, р. 92–95]. Следует заметить, что с самого начала войны кайзер Вильгельм II занял сторону Японии и при каждом удобном случае так решительно высказывался за ее победу, что все в его окружении вынуждены были придерживаться подобного взгляда. Тщетно предупреждали канцлер и внешнеполитическое ведомство перед последствиями подобной односторонности не только для будущего германо-китайских отношений, но и для отношений с другими великими державами, которые имели в Восточной Азии свои интересы. С тревогой отмечал бывший начальник генерального

штаба А. Вальдерзее в своем дневнике, что высказываемая кайзером политическая односторонность неумна. «В Берлине ... японскую победу праздновали как немецкую. Каждый, не принадлежащий к японской партии, считается ограниченным и злонамеренным человеком». Во внешнеполитическом ведомстве про- японская позиция кайзера воспринималась «очень неприятно», – писал далее Вальдерзее, – так как в Китае об этом знают и естественно придут к заключению, что Китаю политика Германии враждебна. Фактически это не так «... и наши интересы – прежде всего оставаться нейтральными. Япония во всех областях деятельности быстро становится независимой от Европы, в известной мере не нуждается более в нашем импорте... Немцы не имеют пользы от этой дружбы; напротив, Китай больше открыт европейцам и наша промышленность может найти там огромный рынок сбыта товаров» [18, р. 830].

17 сентября 1894 г. в Западно-Корейском заливе у побережья Маньчжурии в сражении сошлись китайский и японский флот. Быстроходные новейшие японские крейсера возобладали над старыми китайскими броненосцами. Окончательное изгнание китайцев из Кореи и наступление японских войск в Маньчжурию становилось реальным. «Путь в Маньчжурию японцам открыт» [23, р. 73], – сообщал германский посланник в Токио Гутшленд на следующий день после сражения.

Еще до победы Японии 17 ноября 1894 г. кайзер Вильгельм II заявил, что в случае если в Китае другие державы сделали бы приобретения, Германия также должна в этом участвовать [11. Bd. IX, р. 245–246]. Незадолго до открытия японо-китайских переговоров о мире германские лидеры уяснили озабоченность России и Франции возможными требованиями победителя. Понимали в Берлине и желание Токио в преддверии переговоров найти дипломатическую поддержку у Германии. Виконт Ш. Аоки*, японский посланник одновременно в Берлине и Лондоне, предложил немцам воспользоваться ослаблением Китая и захватить его юго-западные провинции, утверждая, что такие владения были бы более ценными, чем все германские колонии в Африке [11. Bd. IX, № 2231]. Советы Аоки не были востребованы, а рекомендации Брандта, считавшегося не только немцами, но и французами лучшим знатоком дальневосточных дел, сводились к тому, чтобы вместе с Россией воспрепятство-

* Аоки считался рупором германофилов, прибыл на учебу в Германию в 1869 г., в 1873 г. стал первым секретарем тогдашней дипломатической миссии. Год спустя был назначен посланником в Берлин, пост, который он занимал с перерывами до 1885 г. Затем был в Германии как посланник с 1891 по 1897 г. С 1898 по 1900 г. был министром иностранных дел Японии. Был женат на немецкой дворянке и перешел в протестантство [24, р. 48–49].

вать чрезмерным притязаниям Японии за счет Китая и как ответную услугу потребовать у Китая уступить Германии в аренду порт или угольную станцию. Развивая свои соображения, Брандт на следующий день указал на то, что такая политика на Дальнем Востоке не только не ослабит позиции Германии в Европе, а напротив, улучшит ее стратегическое положение, так как, поддерживая Россию в Китае и отвлекая ее к делам Дальнего Востока, она ослабит русский нажим на восточной границе Германии [11. Bd. IX, № 2238, 2240].

По инициативе кайзера и в тесном взаимодействии с командованием военно-морского флота сформировались конкретные намерения приобрести опорный пункт в Китае. Первоначально действия Германии в 1895–1896 гг. носили дипломатический характер, т. е. они были направлены на приобретение или аренду китайского побережья мирными средствами. В конце 1896 г. правительство под руководством Вильгельма II смещало акцент к мировой политике, которая делала ставку не на дипломатические средства, а на демонстрацию военной силы.

Некоторые современные немецкие историки переход к мировой политике объясняли наряду с экономическими и внешнеполитическими промахами и внутривнутриполитическими соображениями. В период после отставки Бисмарка Германия пережила ряд острых внутривнутриполитических кризисов [17]*. Кроме успешных действий против социал-демократии, гарантию сохранения существующей системы кайзер видел во внешней политике, именно в мировой политике и во флоте [10, р. 173–188]. В этом же сборнике, составленном английским историком Д. Рёлем, П. Винцен констатирует, что генезис «германской мировой политики» до сих пор убедительно не раскрыт. Но предпринятые этим исследователем архивные изыскания позволили ему представить убедительную картину всемирно-политических амбиций кайзеровской Германии. Первые контуры «германской мировой политики» были очерчены будущим канцлером Б. Бюловым и морским министром А. Тирпицем во время их встречи 19 и 21 августа 1897 г., и ключевым был вопрос о строительстве флота.

Китайско-японская война стала рубежом в принятии решения о занятии опорного пункта на китайском побережье. Предложение о выборе пригодного места с осени 1896 г. поручалось главному командованию военно-морского флота и внешнеполитическому ведомству. Соответственно выдвигались предложения стратегического и внешнеполитического содержания. Представители флота высказались за оккупацию двух пунктов, одного на юге и одного на севере, тогда «эффективность находящихся в Восточной Азии кораблей

* К настоящему времени проблема представлена в огромной, трехтомной биографии Вильгельма II, составляющей (!!!) 4028 с.

распространится от Сингапура до Хакодате». Адмирал Ф. Гольманн сделал три предложения для возможной оккупации – перед Шанхаем на севере и острове Амой на юге, бухте Цзяочжоу на севере и в районе Гуандун на юге, острове Монтебелло на севере и Пескадорскими (Пенчху) островами на юге. Предпочтение отдавалось первой паре, так как эти оба пункта предвещали доступ к экономически важным и развитым регионам Янцзы и Гуандуна [16, р. 90]. Секретарь иностранного ведомства Маршалл считал оптимальным вариантом оккупацию Цзяочжоу. Командование флота выступало все же за пункт в районе Шанхая, утверждая, что Цзяочжоу мало пригодна.

Ставший в мае 1896 г. начальником восточноазиатской крейсерской эскадры Тирпиц сразу после своего назначения активно включился в работу по изысканию пригодного опорного пункта и после обстоятельных личных инспекций в августе 1896 г. предложил бухту Цзяочжоу. Тирпиц сообщил адмиралу Е. Кнорру, что бухта зимой не замерзает. За Цзяочжоу решительно выступил и посланник в Пекине Гейкинг. Канцлеру Х. Гогенлоэ дипломат предлагал использовать инцидент с немецкими миссионерами или инструкторами как предлог для захвата бухты [16, р. 91]. 8 ноября 1896 г. кайзер дал главному командованию задание разработать план захвата бухты восточноазиатской крейсерской эскадрой. 15 декабря главное командование представило сценарий оккупации. Адмирал Е. Кнорр пришел к заключению, что овладение бухтой не представляет труда, поскольку не обнаружено по «настоящему возведенных укреплений» [16, р. 91].

Перед германской оккупацией Цзяочжоу китайские власти рассматривали возможность создать там военный и коммерческий порт. Еще в середине правления династии Мин (она правила в 1368–1644 гг.) бухта подвергалась нападениям японских пиратов. Для борьбы против этих набегов на севере и юге бухты построили укрепления, разместили корабли и около 1 тыс. солдат. Как в эпоху Мин, так и позже правительство признавало стратегическое значение бухты. Продвижение иностранных государств в Китай, их стремление добиться «открытия» страны побудило правительство выдвинуть программу реформ, известную как политика «самоусиления», т.е. модернизации армии, флота, усиление защиты побережья. Сторонники политики «самоусиления» обратили внимание на значение бухты. Во время китайско-французской войны 1884–1885 гг. распространились слухи о планируемом Францией продвижении на север Китая через Цзяочжоу. Ли Хуанчжан, крупный сановник, глава Аньхуэйской группировки, решал важнейшие вопросы вооружения и снабжения армии и флота. Будучи наместником столичной провинции Чжили, Ли Хунчжан сконцентрировал в своих руках огромную власть. В ведении Ли Хунчжана находились оборона и внешняя тор-

говля Северного Китая и Маньчжурии, эскадра современного военно-морского флота, он решал крупные внешнеполитические вопросы [5, с. 454–455].

В преддверии нового натиска «варваров» Ли Хунчжан отдал предпочтение постройке портов Таку и Порт-Артуру. Для одновременного сооружения трех портов не имелось средств. Все же после посещения бухты в 1891 г. вместе с губернатором провинции Шаньдун Ли Хунчжан ходатайствовал об организации обороны бухты, и в том же 1891 г. поблизости были размещены четыре батальона. В окрестностях были заложены четыре лагеря, и началось строительство трех огневых позиций для артиллерии. Строительство укреплений финансировалось из морского бюджета провинции Шаньдун, что затрудняло работу. Хотя через шесть лет первая огневая позиция была готова, орудия частично оказались непригодными. В феврале 1897 г. принц Гонг в тронной речи говорил о бухте и предложил строительство верфи, дока и стоянки для современных кораблей. Незавершенность планов, как установил К. Мюльхан, связаны не с сопротивлением консервативных чиновников или неосведомленностью в плане модернизации, а главным образом с финансовой ограниченностью государственного бюджета [16].

После того как сомнения в выборе опорного пункта были сняты, в Берлине ожидали лишь благоприятного повода. Адмирал О. Дидерикс, назначенный командующим восточноазиатской эскадрой, в июне 1897 г. вступил в командование эскадрой, получив инструкции срочно на месте подготовить оккупацию бухты.

Вскоре между китайским населением и германскими моряками и офицерами в городе Учане, где находился Гейкинг, произошел инцидент, спровоцированный немцами. В ответ из китайской толпы в моряков были брошены комья грязи. Немецкая сторона начала усиленно раздувать инцидент и, вероятно, добилась бы цели – создать предлог для занятия порта, но сообщение о более серьезном инциденте отвлекло внимание от Учанского.

1 ноября 1897 г. в провинции Шаньдун были убиты два немецких католических миссионера – Р. Гель и Ф. Нис. 6 ноября об этом узнал Вильгельм и приказал оккупировать Цзяочжоу.

Утром 14 ноября три германских корабля с 30 офицерами, 77 унтер-офицерами и 610 матросами вошли в гавань Цзяочжоу. Китайские войска были отведены [12, р. 56]. Две недели спустя уже официально назначенный статс-секретарем иностранного ведомства Б. Бюлов доверительно поведал саксонскому посланнику в Берлине, что акция давно готовилась, и убийство католических миссионеров было лишь каплей, переполнившей чашу. Подлинной же причиной акции стала угроза потери американского рынка и, таким образом, потребность приобрести рынок сбыта в Восточной Азии [9, р. 259].

16 ноября из Петербурга было получено сообщение о неизменности позиции России в вопросе о Цзяочжоу. Муравьев напомнил Берлину, что Россия получила от Китая обязательство в случае передачи Цзяочжоу иностранной державе сохранить за Россией право первой претендовать на эту бухту. Министр заявил, что он «скорбит» по поводу задуманного немцами шага [6, с. 56]. Германское правительство было раздражено выступлением Муравьева, к тому же оно опасалось, что если даже Россия сама не решится на войну из-за стоянки, но может подтолкнуть на конфликт Китай. Была ли Германия готова вести войну за тысячи километров от дома? На тот период к крупномасштабным акциям страна не была готова ни экономически, ни политически, ни в военном отношении. Немецкая буржуазия, лишь приступившая к освоению колоссального китайского рынка, от войны только проиграла бы. Гогенлоэ в те дни записал в дневнике о неблагоприятном отношении армии к китайской авантюре; учитывалась при этом и позиция союзников по альянсу, а также реакция других заинтересованных государств. Бывший начальник Генштаба Вальдерзее в те дни отмечал в дневнике: «... Некоторые державы будут очень обрадованы, что мы крепко завязнем в этом деле» [21, р. 406]. Вероятно, генерал имел в виду Францию, которая год от года укрепляла союзнические отношения с Россией, и осенью 1897 г. во время визита главы французской республики в Петербург не только Фор, но и Николай II назвали свои государства союзными. Германские дипломаты сообщали из Парижа и Петербурга о реакции прессы по итогам встречи: французская пресса бурными овациями приветствовала сближение и выражала мнение, будто германское господство закончилось и восстановлено европейское равновесие; германский посол Радолин сообщал о высказываемых мнениях, будто Германия изолирована [9, р. 359]. Если официально ни тогда, ни позже германское руководство не смогло адекватно оценить происходившие на международной арене изменения, то проницательная, свидетельница Вильгельмовской эпохи, баронесса Спитцемберг о высказанных президентом Ф. Фором и царем оценках в дневнике отозвалась как о взорвавшейся бомбе [19, р. 359].

Договоренность с Россией стала главной задачей германской дипломатии. Однако русский министр иностранных дел придерживался взятого курса, подтвердив, что русский флот имеет в Цзяочжоу право первой стоянки [4. Телегр. Муравьеву – Остен-Сакену (4) 16 ноября 1897 г., 46].

Но и 8 (20) ноября русскому послу была вручена декларация, в которой Вильгельм заявлял, что он не собирается отменить морскую экспедицию в Цзяочжоу, а свой насильственный образ действий объяснял необходимостью поднять престиж Германии на

Дальнем Востоке [4. Декларация Вильгельма II, (8) 20 ноября 1897 г., 48]. Канцлер развил эти мысли, заявив, будто Германия находится по отношению к Китаю в «состоянии войны». Посол отклонил подобное заявление, предупредив при этом о возможных международных осложнениях. Однако царь отступил от прежней жесткой линии. На депеше Остен-Сакена он сделал запись: «Пусть немцы сами расхлебывают заваренную ими кашу» [1. Д. 21. Л. 293].

Между тем действия Германии в Китае носили вызывающий характер. Немецкий адмирал Дидерикс без всяких на то оснований арестовал китайского генерала Чжан Гаюань и его свиту, пытавшихся выяснить мотивы действий германской стороны [4: Депеша Павлова, (12) 24 ноября 1897 г., 53]. 19 ноября уже Гейкинг в Пекине вручил китайскому МИДу ноту, составленную в Берлине, с заведомо невыполнимыми требованиями. Они сводились к следующему: устранение губернатора Шаньдуна от должности и со службы; задержание и строгое наказание всех виновных и денежное вознаграждение за убитых и имущество; предоставление Германии исключительных преимуществ по сооружению железных дорог и разработке рудников в Шаньдуне; принятие Китаем действенных мер обеспечения германским миссионерам безопасности и покровительства властей; завершение на средства китайского правительства начатой епископом Анчером постройки собора; военное вознаграждение за издержки, причиненные оккупацией Цзяочжоу [4. Телегр. Павлова – Муравьеву (9) 21 ноября 1897 г., № 33, 48].

Признавая оскорбительный характер германских действий, китайское правительство заявило о готовности их рассмотреть при условии ухода немецких войск с его территории. Германское руководство, понимая роль России в сложившейся ситуации, усиленно пыталось убедить Петербург в правомерности своих действий. Гейкинг убеждал русского посланника Павлова, будто оккупация китайской территории является следствием непредвиденных обстоятельств. На вопрос Павлова, как долго германские войска останутся в Цзяочжоу, Гейкинг мог сказать лишь, что они там временно. Уточнение срока показало лишь лицемерие германского дипломата, заявившего, будто «ввиду того возбуждения, которое вызвано нынешними событиями в Германии, он лично полагает, что германское правительство будет вынуждено продлить оккупацию на несколько более продолжительный срок, чем оно само находило бы это желательным» [4. Депеша Павлова (12) 24 ноября 1897 г., 54–55].

Успех при захвате Цзяочжоу вызвал в Германии большое возбуждение. Берлинская пресса «с нескрываемым удовольствием» сообщала о долгожданном событии. Вместе с тем, как передавал русский посол, «здешние газеты крайне осторожно относятся к этому вопросу и как бы по указанию свыше, не вдаются в более под-

робную оценку событий, ограничиваясь по большей части простой передачей их хода» [4. Деша Остен-Сакена (13) 25 ноября 1897 г.].

Захват Цзяочжоу вызвал повышенный интерес у германских деловых кругов, рассчитывавших вокруг захваченной территории создать подконтрольную немцам область. Правительство не было против подобных планов, однако на раннем этапе это могло вызвать негативную реакцию других держав, прежде всего России. Преждевременной активностью, полагало внешнеполитическое ведомство, можно лишь помешать. Оказываемое на Китай давление пока не приносило результатов, правительство Поднебесной империи продолжало настаивать на первоначальном условии, а именно: условием переговоров должна быть эвакуация германских войск из Цзяочжоу. Германское руководство твердую позицию Китая представляло так, будто эти настояния «суфлируются Муравьевым и Ганото» [11. Bd. XIV, № 3713, 99–100]. В свою очередь в Китае, при дворе богдыхана получила большое влияние группа старых сановников, требовавшая «немедленных военных действий для истребления горсти иностранных варваров, самовольно вторгшихся в пределы Китая» [4. Деша Павлова, (12) 24 ноября 1897 г., 54]. Противостоящая ей группировка, напротив, считала военную борьбу с Германией бессмысленной и возлагала надежду на дипломатическое искусство.

В правящих сферах Германии напряжение не спадало, особенно в окружении кайзера. «Наружно в высших сферах Берлина вполне спокойно, – сообщал в те дни русский военный агент в Берлине П. Енгальчев, – но в действительности положение признается крайне натянутым, опасаются, что возможны серьезные осложнения с Россией. Морское ведомство настроено прямо воинственным образом. Высшие же военные круги покуда сдержанны; но мнение воинствующей партии, считающей, что Германия теперь более готова во всех отношениях, чем ее соседи, может найти некоторую почву при нынешних политических обстоятельствах» [4. Из донесения военного агента Енгальчева, Берлин, 4 дек. (22 нояб.) 1897 г., 56–57]. Уверенность в полной готовности германской армии и всей страны на случай войны придавала имперскому правительству решительность в принятии таких рискованных мер, как, например, занятие бухты Цзяочжоу.

Позиции России на Дальнем Востоке, как, впрочем, и в Европе в этот период, были не самыми благоприятными, чтобы обострять отношения с немцами. Поэтому было решено в вопросе Цзяочжоу им не препятствовать, а для русского флота найти другую стоянку. Вскоре русское правительство информировало германское, что по договоренности с Китаем оно направляет свою эскадру в Порт-

Артур*. С занятием Россией Порт-Артура, считает Р.-Г. Виппих, удалось по крайней мере официально урегулировать германо-русские разногласия [20, р. 475–489, 481]. Остен-Сакену поручалось передать германскому руководству, что Россия и Германия должны и могут идти рука об руку в делах Крайнего Востока [4. Телегр. Муравьева – послам в Берлине, Париже, Лондоне и Токио – Сакену, Моренгейму, Стаамоллю, Розену, 11 дек. (29 нояб.) 1897 г., 58]. Бюлова сообщение русского посла привело в восхищение [4. Секретная телеграмма Остен-Сакена – Муравьеву, (2) 14 дек. 1897 г., 58]. В критические дни кризиса он преднамеренно не спешил официально занять пост статс-секретаря [22, р. 130]. Возвратившись из Рима 25 ноября, он должен был определить направление соглашения. Посол Г. Радолин получил задание искать поддержки у наиболее влиятельных русских политиков, настроенных против германской оккупации, в частности, у Витте. Ему поручалось довести до сведения русского министра, что сближение с Россией «больше чем что-либо другое подходит Германии на пути германской мировой политики», что империя для Англии с ее огромным флотом и маленькой армией может быть «несравненным дополнением». С оккупацией вблизи русской сферы интересов, полагали в Берлине, царская империя имеет безопасность и готовность к соглашению и компенсации, в то время как оккупация вблизи английской сферы отсылает немцев на поддержку политики Лондона. Соответствующим властям было отдано распоряжение не предпринимать ограничительных мер против экспорта свинины из России [9, р. 262]. В тот же день, незадолго до беседы с Остен-Сакеном у Бюлова сложилось впечатление, что высшее напряжение конфликта спало.

* Решение об отказе от Цзяочжоу было принято на совещании у царя, состоявшемся 26/14 ноября. Тогда же обсуждалась записка Муравьева о положении на Дальнем Востоке и о политике России. Министр считал, что с 1895 г. Россия проявила равнодушие к бухте Цзяочжоу и после ее занятия немцами посылать туда русскую эскадру нецелесообразно, тем более, что морское ведомство не проявило к бухте интереса из-за ее удаленности как от Владивостока, так и от России. «... Но если в силу этих соображений мы отныне можем равнодушно относиться к действиям, предпринимаемым Германией на юго-восточном побережье Шаньдунского полуострова, то для нас представляется совершенно невозможным примириться с фактом полного отсутствия в Тихом океане вполне удобного и оборудованного порта для надобностей нашей эскадры» [4. Т. 3 (52).1982, 103–104]. Кайзер был раздосадован, что Муравьев не сообщил ему о занятии Порт-Артура. [23, р. 362, Note]. Решение о занятии Порт-Артура С.Ю.Витте считал стратегическим просчетом: «Таким образом совершился тот роковой шаг, который повлек за собой все дальнейшие последствия, кончившиеся несчастной для нас японской войной и затем и смутами» [2, с. 143].

1 декабря советник германского посольства в Петербурге Б. Чиршки сообщил о готовности Витте принять во внимание аргументы Бюлова [9, p. 263].

В то время как прояснилась позиция России, поведение Японии внушало опасение. В Берлине понимали ее обеспокоенность и нежелание иметь на Востоке Азии столь опасного конкурента. В Токио были сильно озабочены действиями Германии и ждали, что будет дальше. В обеих столицах еще не забыли итоги Симоносекского мира, и чтобы успокоить японцев, в Берлине стали разрабатывать план, имевший целью усиление японской экспансии в сферу интересов Франции и России. Основную цель плана Бюлов сформулировал так: «жить и давать жить другим» [11. Bd. XIV, №3732, 118–121, 120].

Составление плана оказалось более простым делом, чем его выполнение. Не только Германия стремилась захватить как можно больше территории Китая. Скоро в Берлине узнали о домогательствах Англии и Японии. Китайское правительство обратило внимание германского на эти домогательства в тщетной надежде смягчить немецкие требования. Их обращение не встретило понимания. Тогда китайское правительство предложило объявить Цзяочжоу открытым портом. Однако и это предложение немцами было отвергнуто [4. Телегр. Павлова – Муравьеву (12) 24 дек. 1897 г., 59]. Наконец Китай предложил уступить Германии порт в арендное пользование сроком на 50 лет [4: Телегр. Павлова – Муравьеву (23 дек.) 4 янв. 1898 г., 60]. Но даже эта уступка не удовлетворила аппетиты Германии: барон Гейкинг потребовал увеличения срока аренды Цзяочжоу до 99 лет и предоставления германской компании концессии на сооружение железной дороги от захваченного порта в глубь Шаньдунской провинции. При этом немецкий дипломат использовал метод давления – пока Китай не соглашается на требование Германии, он не подписывает договора о Цзяочжоу [4. Телегр. Павлова – Муравьеву (23 дек. 1897 г.) 4 янв. 1898 г., 60]. Вновь китайское руководство не решилось оказать сопротивление столь грабительским и циничным требованиям; оно даже заявило, что подписанным договором должно «доказать на деле свою искреннюю признательность за дружбу, оказанную ему до сих пор Германией» [3, с. 116].

Спустя несколько дней после урегулирования вопроса о занятии Цзяочжоу Радолин от австро-венгерского дипломата узнал, что Россия может поддержать Германию, если радиус действий немецких интересов ей будет известен [23, p. 356].

В успешном окончании предпринятой акции Бюлов видел благоприятный знак для будущей внешней политики: как ее общий итог неизбежный разрыв с Англией, по возможности, сближение с Росси-

ей на основе целесообразности, поддержание Тройственного союза в течение того времени, пока это возможно; как России, так и Англии не делать слишком большие авансы [14, р. 1878]. «Немецкие интересы» должны больше, чем прежде, стать критерием сделки.

Все же в Берлине сомневались в безусловной прогерманской позиции России в случае возникновения осложнений. Поэтому Бюлов был готов пообещать России территориальные компенсации за счет Китая. Однако радужные настроения омрачала позиция, занятая Японией: стало известно о некоторых мобилизационных мерах, принятых в Стране восходящего солнца. В Японии усиливались голоса, защищавшие необходимость организации фронта обороны против активности Восточноазиатской тройственной группы, с Японией и Китаем как твердым ядром и Англией как благосклонным, если не твердым партнером по союзу [20, р. 475–488, 483]. В срочном порядке, пришлось направить на Крайний Восток дополнительные военно-морские силы. Впрочем, у Берлина не было желания воевать с Японией, гораздо перспективнее выглядела идея сблизиться с ней и, по возможности, использовать ее как противовес России и Франции. «...Во всяком случае в этом, как и во всех других вопросах, нашей путеводной звездой должен остаться принцип: "Do ut des" ... Русские будут нуждаться в нашей помощи тем больше, чем больше неприятностей им, а также Франции будут доставлять япошки и чем сильнее последние станут» [11. Bd. XIV, № 3744, 135–137, 137].

6 марта 1898 г. после напряженного противостояния Германия добилась от Китая согласия на договор об «аренде» на 99 лет бухты Цзяочжоу [3, с. 116–119, № 38]* для своей военно-морской базы, а спустя три недели Россия добилась от Китая договора об «аренде» Порт-Артура и Даляньваня на 25 лет [3, с. № 39]. В Берлине могли перевести дыхание и подвести предварительные итоги.

Выразителем настроения в обществе в значительной мере стала пресса. Анализируя поведение прессы различных партий на события вокруг оккупации Цзяочжоу, К. Канис пришел к заключению о поддержке акции проправительственными газетами. «С исключительным удовлетворением приветствуем мы энергичное выступление нашего правительства в Китае», – приводил он мнение «Новой прусской газеты» от 24 ноября 1897 г. – «С таким мнением правительство могло считаться» [9, р. 268], – не без иронии замечает Канис. В декабре на обсуждении в рейхстаге морского законопроекта депутат Б. Шенлок выразил опасение положением Германии: ход дел в Восточной Азии ведет к столкновению великих держав. Бюлов, еще находившийся под впечатлением удачного старта мировой

* На полуострове Шаньдун проживало тогда 33 млн китайцев [9, р. 264].

политики, защищал имевшиеся у Германии в Восточной Азии интересы торговли, промышленности, судоходства. Его речь была впечатляющая. «Времена, когда немцы одним соседям отдавали землю, другим море, а себе оставляли небо, где чистая доктрина правит – эти времена прошли... Мы не хотим стоять в тени, но мы требуем также нашего места под солнцем» [7, р. 166]. Речь Бюлова произвела очень сильное впечатление не только на правительственные партии, она придала импульс и масштаб новым германским требованиям. Газеты захлебывались от восторга. Первоначальное беспокойство улетучилось. После речи Бюлова газеты консервативного и национально-либерального толка усилили упреки в адрес Англии и голоса в пользу сближения с Россией, не замечая, что германская мировая политика неизбежно ведет к усилению конкуренции и с Россией.

Февральско-мартовские дебаты 1898 г. в рейхстаге показали, что оккупация Цзяочжоу, как заметил в своем дневнике генерал Вальдерзее, «породила бодрое национальное движение». Вальдерзее считал, что вторжение в Китай может втянуть Германию в авантюру. «Мы должны проводить мировую политику. Если бы я только знал, что это такое; пока что это только лозунг» [21, р. 449]. И, как сообщал австро-венгерский посол в Берлине Сечени, это нашло одобрение почти во всех политических партиях империи [9, р. 269]. Новым явлением, отмечает Канис, стало то, что политику захватов поддержала свободомыслящая народная партия, а также мелкие и средние предприниматели, делавшие ставку на китайский рынок. Лидер свободомыслящих Е. Рихтер корректировку курса партии объяснил выгодой, которую давал опорный пункт в Китае в сравнении с другими немецкими колониями [9, р. 270]. То, что акция представлялась в прессе как искупительное мероприятие, как расплата за убийство миссионеров, придавало ей дополнительный импульс. Церковь поддержала мировую политику [13, р. 33, 56].

Не скрывали своего удовлетворения промышленники и банкиры. Директор Дисконтогезельшафт А. Ганземанн в письме Бюлову 22 февраля 1900 г. с удовлетворением констатировал отход от политики разочарования – промышленность, банки и торговля единодушно приветствуют овладение Цзяочжоу [9, р. 271]. Они высказывались за создание опорного пункта как предпосылки для увеличения германского экспорта и увеличения прибыли и включения провинции Шаньдун в немецкую сферу влияния. В предшествовавшие годы немецкие фирмы слабо участвовали в железнодорожном строительстве в Китае и теперь рассчитывали на преимущество. Внешнеполитическое ведомство с конца 1897 г. оказалось заполненным предложениями по железнодорожному строительству, горному делу, сооружению доков.

Промышленники не хотели ограничиваться господствующим положением лишь в провинции Шаньдун, они не выпускали из поля зрения долину Янцзы. Отражая взгляды этих кругов, Пангерманский союз требовал проведения энергичной мировой экономической политики с целью гарантировать для Германии «должную часть в экономическом использовании мира» [9, р. 272].

Выход Германии на мировую арену потребовал от партии центра и свободомыслящих внести коррективы в вопросе поддержки нового флотского проекта. В одной из газет партии центра откровенно назывались мотивы ревизии прежней политики – события в Китае и новые надежды для торговли и миссий требуют готовности к жертвам для флота [9, р. 273]. В рейхстаге же правительство не раскрыло политические мотивы создания флота, чтобы, как подчеркивал Тирпиц, не дать в руки потенциальному сопернику аргументы и материалы [8, р. 144].

Все же представляется сомнительным, что поставленная руководством империи цель – добиться внешнеполитического успеха и расширить социальную базу правительства внутри страны, была решена.

Строительство большого флота неизбежно вело к ухудшению отношений с Англией. И Бюлов, и Тирпиц не могли этого не понимать. Предостережение Бебеля в рейхстаге относительно опасности строительства флота в Германии не было услышано. «Полагать, что мы нашим флотом, как теперь требуют, можем бороться с Англией, граничит с безумием» [9, р. 273]. Правительство либо делало вид, что не понимает последствий, либо утратило способность трезво просчитывать ответные шаги предполагаемого противника.

Неделю спустя после успешной акции в Восточной Азии И. Микель с удовлетворением констатировал удачное начало мировой политики. «Во внешнеполитических вопросах чувства нации большей частью приведены к общему знаменателю. Наш бесспорный успех во внешней политике при обсуждении в рейхстаге произвел хорошее впечатление и тем самым смягчил политический контраст» [9, р. 274]. Еще большее удовлетворение испытывал Бюлов. «Я возлагаю главный акцент на внешнюю политику», – писал он Эйленбургу. «Лишь успешной внешней политикой можно помочь, помирить, успокоить, собирать, объединять» [17, р. 229; 14, р. 1877–1878]. Но Бюлов не мог не видеть, как была бы воспринята неудача – «беспредельная непопулярность его величества». Поскольку обстоятельства сложились благоприятно, Бюлов, пожалуй, больше других извлек пользу. Кайзер был восхищен своим статс-секретарем, ни один из его предшественников не имел такого политического веса. Внешнеполитическое ведомство получило высокое признание среди других ведомств империи, и были преодолены его трения с кайзером. Наконец и это, быть может, еще важнее: проявилась стабильность руководства и однородность высших прави-

тельствственных учреждений [9, р. 274]. В марте 1898 г. после некоторой дискуссии рейхстаг одобрил проведение реформы военной юстиции. Ю. Боссе считал, будто вернулось «некоторое определенное доверие» между кайзером, правительством и населением [17, р. 224].

Оккупация Германией Цзяочжоу усилила антигерманский акцент как в Англии, так и в России. Незаметно для Берлина между Лондоном и Петербургом с начала 1898 г. началось зондирование с целью договоренности по всему спектру спорных вопросов. Хотя попытка осталась лишь начинанием, специфика бесед указывала на то, какие побуждения вели к идее соглашения против Германии [9, р. 266].

Список литературы

1. АВП РИ. Ф. Канцелярия. 1897.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. – Т. 2. – М., 1960.
3. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М., 1927.
4. «Красный архив». Т. LXXXVII.
5. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цинь. – М., 2005.
6. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – М.-Л., 1955.
7. Behnen M. Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus 1890-1911. – Darmstadt, 1977.
8. Berghahn V. / Deist W. (Hg.) Rüstung im Zeitalter der Wilhelminischen Weltpolitik. Gundlegende Dokumente 1890-1914. – Düsseldorf, 1988.
9. Canis K. Von Bismarck. Zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902. – Berlin, 1997.
10. Der Ort Kaiser Wilhelms in der deutschen Gesenichte. – München, 1991.
11. Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. – Berlin, 1922–1927. Bd. IX, XIV.
12. Die Zeit. № 47. 14 November, 1997.
13. Dülffer J. / Holl.: Bereit zum Krieg. Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890-1914. – Göttingen, 1986.
14. Eulenburgs Korrespondenz. – Bd. 3. № 1356.
15. Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismark bis Hitler. – Stuttgart, 1995.
16. Mühlhahn K. Herrschaft und Widerstand in der Musterkolonie Kiautschau. – München, 2000.
17. Röhl J. C. G. Deutschland ohne Bismarck. Die Regierungskrise im Zweiten Kaiserreich 1890–1900. – Tübingen, 1969.
18. Röhl J. C. G. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönliche Monarchie 1888–1900. – München, 2001.
19. Spitzemberg. Tagebuch der Baronin Spitzemberg. – Hg. R. Vierhaus, Göttingen, 1960.
20. Vermiedene Kriege. – München 1997.
21. Waldersee. Denkwürdigkeiten. Bd. II. – Stuttgart, 1922.
22. Winzen P. Bülow's Weltmachtkonzept. – Boppard, 1977.
23. Winzen P. Zur Genesis von Weltmachtkonzept und Weltpolitik.
24. Wippick R.-H. Japan und die deutsche Fernostpolitik 1894–1898. – Stuttgart, 1987.

УДК 94(470.23)«1917»
ББК 63.3(2)611-9

*И. А. Тропов**

Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 г.

В статье рассматриваются основные изменения в системе местных органов власти в Лужском уезде Петроградской губернии в период с февраля по октябрь 1917 г. Показана роль местных общественных сил (солдат, крестьян, рабочих, интеллигенции) и Временного правительства в формировании уездных органов государственного управления и самоуправления. Раскрыты основные противоречия в функционировании системы местных органов власти в Лужском уезде в 1917 г.

This article discusses the major changes in the system of local government in the Luga district of Petrograd province in the period from February to October 1917. The author pays attention to the role of local social forces (soldiers, peasants, workers, intellectuals) and the Provisional Government in the formation of county government and public authorities. It outlines the main contradictions in the system of local government in the Luga district in 1917.

Ключевые слова: Революция 1917 г., власть, Временное правительство, комиссары, общественные исполнительные комитеты, партийные комитеты, Советы рабочих и солдатских депутатов, народная милиция, земство, городские думы

Key words: The revolution of 1917, power, Provisional government, commissars, public executive committees, Party committee, Soviets of workers' and peasants delegates, People's militia, zemstvo, urban Dumas

В отечественной историографии серьезное внимание на региональные особенности революционных событий 1917 г. ученые обратили с конца 50-х гг., когда в условиях хрущевской «оттепели» при накопленном исторической наукой фактическом материале появилась возможность отойти от схем «Краткого курса истории ВКП(б)» и, опираясь на архивные источники, глубже исследовать изменения, происходившие в революционную эпоху на местах. Впрочем, и методологические основы исследований, и круг изучаемых проблем не

* Тропов Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

изменились: огромное количество работ было посвящено деятельности В.И. Ленина и РСДРП(б), истории формирования и деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, революционным настроениям и борьбе народа против «контрреволюции». Но, наверное, главная проблема состояла в том, что эти региональные исследования служили некой иллюстрацией к петроградским событиям 1917 г., подтверждая успехи ЦК большевистской партии в борьбе за перерастание революции «буржуазно-демократической» в «социалистическую».

В современной историографии революционным событиям на местах уделяется значительно больше внимания, чем раньше. Стремясь к заполнению «белых пятен», ученые занялись изучением социальной психологии, трансформации культурных ценностей и норм на изломе истории, функционирования ранее не изученных органов власти и управления на местах и т. п. Правда, и сегодня можно встретить недооценку самостоятельного значения событий семнадцатого года в губерниях, уездах и волостях. Например, Г.И. Злоказов и Г.З. Иоффе утверждают следующее: «Победа Февральского переворота решилась в Петрограде. Вторая столица – Москва, другие крупные города, фронт, вся обширная периферия, в сущности, вполне спокойно и мирно приняли то, что в конце февраля – начале марта свершилось в Петрограде» [6, с. 27].

Лужский уезд Петроградской губернии, на территории которого проживало в то время около 200 тыс. чел., был небольшой частью той «обширной периферии», о которой писали историки. Это был регион с ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией, слабым развитием ремесленного и кустарного производства, малой долей как рабочих, так и предпринимателей, и с многочисленным гарнизоном, дислоцировавшимся в Луге. Вследствие постоянно происходивших изменений в составе воинских частей трудно установить их общую численность в уезде. По одним данным, Лужский гарнизон достигал 10 тыс. чел. [3, с. 26], по другим – его численность была существенно больше и колебалась в пределах от 20 до 60 тыс. военнослужащих [1, с. 58; 2, с. 315, 319]. Для Лужского гарнизона была характерной ситуация, сложившаяся в целом в русской армии: «Деструктивные тенденции, вызванные мировой войной, серьезно обострили сложнейшую внутривойсковую обстановку в армии, и к февралю 1917 года она подошла психологически и духовно расшатанной. В ней царила вырвавшаяся из глубины социального организма атмосфера всеобщего недоверия и ненависти...» [3, с. 31]. Так например, командиры запасного артиллерийского дивизиона и автомобильной роты на собрании начальников воинских частей гарнизона 27 февраля откровенно заявили, что они не уверены «в благонадежности своих солдат» [2, с. 298].

Сведения о петроградских революционных событиях стали проникать в Лугу уже с 24 февраля 1917 г., а наиболее интенсивно – 27–28 февраля от совершенно разных лиц: от приехавших из столицы офицеров, отдельных солдат и, среди прочего, от родственников воинских начальников Лужского гарнизона [2, с. 297–301]. Суть политического кризиса им виделась в противостоянии Временного комитета Государственной думы (ВКГД), взявшего власть в свои руки, и царского правительства, стремившегося «силой устранить от власти комитет». Расстановка социально-политических сил вырисовывалась также достаточно четко: полиция и часть войск на фронте – на стороне старой власти, петроградские рабочие – на стороне ВКГД [11. Д. 1397. Л. 8–9]. После того, как в ночь с 28 февраля на 1 марта комиссаром ВКГД в Министерстве путей сообщения А.А. Бубликовым была разослана адресованная железнодорожникам телеграмма председателя ВКГД М.В. Родзянко о том, что «Гос[ударственная] дума встала во главе революции» [13, с. 308–309], стало очевидным, что силы правительственного лагеря практически сломлены. Вся эта неожиданно ворвавшаяся в жизнь провинции информация побудила активную часть населения взяться за формирование народных органов власти.

Уже 28 февраля в автомобильной роте начались «волнения», выразившиеся пока что в отказе солдат на вечерней переключке «петь гимн» [2, с. 303]. 1 марта 1917 г. настроения изменились еще больше: на митинге солдат автомобильной роты был сформирован Военный комитет в количестве 5 чел. под председательством унтер-офицера А.П. Заплавского [11. Д. 1397. Л. 10]. Вскоре к солдатам присоединилось и гражданское население. Днем в Петроград на имя М.В. Родзянко из Луги была направлена телеграмма, сообщавшая, что вся власть находится в руках Лужского гарнизона, который ждет распоряжений Государственной думы [9. Д. 168. Л. 62]. Лужский Военный комитет, действительно, проявлял себя в качестве полномочного распорядительного органа, хотя справляться с погромами и самосудами ему удавалось далеко не всегда [2, с. 308, 313]. Комитетом была сформирована особая боевая дружина, с помощью которой проводились аресты и разоружение полиции и части офицеров, устанавливался контроль над наиболее важными объектами города, включая железнодорожную станцию [1, с. 59]. В ночь с 1 на 2 марта солдатами Лужского гарнизона был задержан направленный с фронта эшелон 68-го лейб-Бородинского полка для подавления революции в столице. Переговоры с офицерами и солдатами привели к быстрому и мирному разоружению «бородинцев», которые в большинстве своем были вскоре отправлены обратно в Псков [2, с. 314–316; 11. Д. 1397. Л. 19–22].

Временный комитет Государственной думы был заинтересован в установлении своего контроля над Лужским гарнизоном. С этой целью утром 2 марта в Лугу прибыл комиссар ВКГД, член кадетской партии, инженер Ю.М. Лебедев. Полагая, что существовавший там Военный комитет не отражал интересы всего гарнизона, а также учитывая его несговорчивость по вопросу о беспрепятственном проезде через Лугу царского поезда, Лебедев настоял на переизбрании комитета. В состав обновленного Лужского Военного комитета, который возглавил генерал Беляев, вошли 12 чел. – по 6 от офицеров и от солдат. Комитет подчинялся ВКГД и объявлялся единственной властью в Луге [7, с. 389; 2, с. 317–318]. Этот наспех реорганизованный орган оказался, впрочем, непопулярным в солдатских массах, да и недолговечным: различное отношение солдат и офицеров к Петроградскому совету и к его приказу № 1 вызвало раскол, и под угрозой ареста Беляев «дал торжественное обещание обратить военный комитет в послушное орудие Петроградского Совета» [2, с. 320].

Впрочем, в это обещание поверили далеко не все. Часть членов Военного комитета во главе с ротмистром, эсером Н.В. Вороновичем вечером 3 марта приступили к созданию другого органа, обладавшего доверием большинства солдат и претендовавшего на власть в Луге. Им стал Совет солдатских и офицерских депутатов Лужского гарнизона, о создании которого Воронович заявил на митинге в запасном артиллерийском дивизионе. Собравшимся было предложено избрать от взводов (команд) по одному делегату, «который бы пользовался общим доверием своих товарищей». Всего в Совет было избрано около 300 чел. от всех воинских частей. Из своей среды они избрали исполком в количестве 12 чел. под председательством Вороновича [2, с. 320–323].

Одновременно с этим происходило формирование Лужского объединенного комитета рабочих и служащих. Данный орган, созданный 9 марта 1917 г., стал воплощением идеалов «народного фронта», столь характерных для политической жизни страны весной 1917 г. Через неделю – 17 марта – Военный комитет вошел в состав Лужского объединенного комитета [1, с. 60–61].

Между советом и объединенным комитетом развернулась борьба за распространение своего влияния на массы как в Луге, так и за ее пределами. Объединенный комитет сформировал несколько комиссий (продовольственную, финансовую, юридическую, просветительскую и др.), инициировал роспуск городской управы, но его деятельность в целом не выходила за пределы Луги.

Еще более энергично действовал Лужский совет. Его руководство не только способствовало расширению численности совета за счет вхождения в его состав представителей рабочих местных

предприятий, но и направляло агитаторов-солдат «в села для проведения среди крестьян агитации в поддержку революции и для подготовки выборов волостных комитетов, призванных заменить волостные правления». Кроме того, «представители Совета развернули в деревнях агитационную работу, направленную на подготовку к уездному съезду крестьянских депутатов, с тем, чтобы в ближайшем будущем ввести в Совет представителей от крестьянского населения уезда» [1, с. 62].

19 апреля 1917 г. был одобрен проект реорганизации совета. Согласно этому документу рабочим и крестьянским депутатам предоставлялась половина мест, еще половина отводилась солдатским депутатам. Исполком совета формировался в количестве 30 чел., «из коих 20 мест предоставляется солдатским депутатам и 10 – рабочим и крестьянам» [1, с. 254–255]. Вероятно, все же до полного объединения дело не дошло, или оно могло быть лишь номинальным. Во всяком случае, еще в мае 1917 г. прибывавшие на места агитаторы называли себя членами «Совета рабочих и солдатских депутатов Лужского военного гарнизона» [12. Д. 51. Л. 103 об.].

Объединенный комитет и совет были общественными органами власти, формировавшимися «снизу», хотя и с опорой на разные социальные группы. Временное правительство во главе с кн. Г.Е. Львовым, безусловно, не могло остаться в стороне от данного процесса. Получив власть, оно сразу же приступило к созданию губернского и уездного административного аппарата вместо разрушенного старого. Согласно постановлению правительства «О реорганизации административной власти на местах» от 4 марта 1917 г. [4, с. 29] правительственными комиссарами становились председатели губернских и уездных земских управ. Петроградский губернский комиссар Е.И. Яковлев, вступив в должность, уведомил телеграммой от 6 марта о возложении обязанностей уездного комиссара на председателя Лужской уездной земской управы Василенко [12. Д. 23. Л. 8–9].

Стремительность и масштабность произошедшего в февральские дни переворота привела к тому, что многие из новоявленных комиссаров, в том числе и лужский, оказались не готовыми к исполнению возложенных на них обязанностей и слабо представляли себе свои функции. Об этом свидетельствует, в частности, сохранившийся в архиве «Вопросный лист», направленный от Василенко к губернскому комиссару 7 марта 1917 г. Данный документ содержал в себе 15 вопросов: о правах и обязанностях уездного комиссара, о численности и порядке формирования милиции и др. В большинстве случаев письменные ответы губкомиссара носили совершенно неопределенный характер («по усмотрению», «выяснится»), что отражало и его собственную неосведомленность по многим

важным вопросам местного управления [12. Д. 23. Л. 10, 11]. Через два дня Василенко предпочел взять недельный отпуск «по болезни», что означало не что иное, как подготовку к уходу с занимаемой должности. 13 марта 1917 г. новым комиссаром Лужского уезда был назначен А.Н. Панов [12. Д. 23. Л. 44, 45], утвержденный в этой должности МВД 22 апреля 1917 г. [12. Д. 23. Л. 81], помощником уездного комиссара 19 апреля 1917 г. был назначен П.А. Максимов [12. Д. 23. Л. 74].

Наряду со становлением системы управления в уездном центре происходило формирование новых органов власти на местах. Не отрицая высказанного советскими историками положения о большой роли солдат Лужского гарнизона в этом процессе [1, с. 62], следует указать, что в историографии явно недооценены инициативы самого местного населения и вклад правительственных структур в местное государственное строительство.

Именно на сельском и волостном уровнях отчетливо проявлялось стихийное начало в реорганизации местной власти. Собиравшиеся на сходо-митинги крестьяне – как мужчины, так и женщины – принимали решение о ликвидации старых сословно-бюрократических органов и о формировании общественных учреждений, выражавших интересы всего местного населения. Одним из первых в начале марта сформировался Временный Струги-Бельский общественный комитет, получивший признание и поддержку со стороны Лужского совета солдатских и офицерских депутатов. Совет признал права временного комитета издавать «обязательные постановления по продовольственным и общественным вопросам, если таковые не будут противоречить объявленной свободе всех свободных граждан России» [1, с. 247–248]. 18 марта состоялось «организационное собрание» жителей местечка Плюсса, на котором было принято решение об образовании местного районного комитета в составе 5 чел. [12. Д. 51. Л. 24].

23 марта 1917 г. лужским уездным комиссаром была получена телеграмма от Е.И. Яковлева с изложением следующего решения Временного правительства от 19 марта: «... немедленно приступ[ь] через посредство уездных комиссаров ... к организации волостных комитетов, которым временно надлежит поручит[ь] функции волостного управления. При образовании этих комитетов следует опираться на существующие волостные продовольственные комитеты, на кооперативные организации, на волостные попечительства по призрению низших чинов или на избранные уже волостные комитеты в зависимости от того, какие и[з] этих организаций по местным условиям являются более жизнедеятельными, работоспособными и внушают наибольшее доверие населению» [12. Д. 23. Л. 16–16 об.]. Это решение, по справедливому замечанию А.Б. Николаева, озна-

чало намерение «Временного правительства ликвидировать институт земских начальников», что совпадало с интересами местного крестьянства [8, с. 387].

После появления постановления Временного правительства от 19 марта, процесс реорганизации волостного управления пошел более быстрыми темпами, и в середине апреля 1917 г. представители волостных, поселковых и мелкорайонных комитетов избрали уездный комитет во главе с агрономом А.В. Костюковым. В уездный комитет, по сообщению лужского комиссара от 21 апреля, «вошли представители волостей по 1 от каждой, 5 мест предоставлено представителям от кооперативных объединений, 5 – от поселковых управлений, 3 – от военного комитета местного Лужского гарнизона и 1 – от городского самоуправления» [1, с. 256–257]. Избранная из их состава исполнительная комиссия в количестве пяти человек во главе с ученым-агрономом Н.Э. Госом взяла на себя выполнение функций уездной земской управы [1, с. 62, 257].

Много внимания центральная и местная власть уделяла формированию милиции, призванной охранять общественный порядок и безопасность граждан. Уже 7 марта 1917 г. петроградский губкомиссар Е.И. Яковлев потребовал от лужской уездной земской управы «безотлагательно приступить» к формированию милиции. На следующий день соответствующее распоряжение было направлено из уезда волостным старшинам. Им поручалось созвать собрания граждан и «произвести выборы состава милиции по 10 человек на волость и одного начальника из них же» [12. Д. 51. Л. 7, 4]. 16 марта уездный комиссар А.Н. Панов сделал важное уточнение: избирать милиционеров надлежало «по селениям по одному человеку на каждые 50 человек жителей обоего пола» [12. Д. 51. Л. 15].

Одними из первых органы народной милиции были сформированы 12 марта в Лудонской волости и 14 марта в Павской волости [12. Д. 51. Л. 18–19, 77], а затем и в других волостях. 29 марта 1917 г. уездный комиссар докладывал Е.И. Яковлеву о том, что «сельская милиция организована и начала свою деятельность». Здесь же сообщалось о встречающихся затруднениях «в снабжении милиционеров оружием» [12. Д. 51. Л. 89]. Данная проблема, как свидетельствуют архивные материалы, оставалась нерешенной и в последующее время. 20 апреля начальник милиции Феофиловской волости В.А. Карнилов обращался к уездным властям с просьбой «выслать инструкции и вооружения», подчеркивая, что без этого «действовать невозможно» [12. Д. 51. Л. 94]. 14 июня начальник Запольской волостной милиции В. Земский «экстренно» просил уездного комиссара предоставить ему хоть какое-нибудь вооружение, мотивируя это невозможностью в противном случае «правильно исполнять свои служебные обязанности» [12. Д. 51. Л. 155].

Другая важная проблема, тяжело сказывавшаяся на положении милиционеров, состояла в катастрофической нехватке финансовых средств. Широко распространенные в этой связи настроения ярко отражены в заявлении милиционера Городенской волости А. Тимофеева от 19 апреля 1917 г.: «... а служить так без жалованья я первый не могу, потому что делов (так в тексте – И.Т.) возложено много, со стороны зарабатывать некогда» [12. Д. 51. Л. 158 об.].

Обязанности милиционеров были действительно весьма широки. Согласно «Временному положению о милиции» от 15 апреля 1917 г. к их компетенции относились дела по охране общественного порядка, а также дела по судебному и военному ведомствам [8, с. 389]. К исполнению этих обязанностей многие были просто не готовы. Так, даже в мае и июне (!) 1917 г. из некоторых волостей Лужского уезда сообщалось, что «пока еще нет ясных определений об обязанностях и труде, должных возлагаться на милиционеров» [12. Д. 51. Л. 130 об., 157]. О слабом знании милиционерами законов и процессуальных норм сообщал судебный следователь 2-го участка Лужского уезда Петроградского окружного суда в своем отношении от 26 мая 1917 г. [12. Д. 51. Л. 166–166 об.]. Милиционеры зачастую не справлялись не только с преступными группами, но даже с отдельными солдатами-дезертирами, которые совершенно легально проживали в своих деревнях и откровенно игнорировали распоряжения милиции о возвращении в воинские части [12. Д. 58. Л. 11]. На состоявшемся 27 сентября 1917 г. в Петрограде губернском совещании начальник Лужской уездной милиции М.Н. Пащенко вынужден был признать, что штатские милиционеры в его уезде «совершенно не пользуются никаким авторитетом как среди местного населения, так в особенности [среди] солдат» [12. Д. 7. Л. 5].

Наряду с формированием народной милиции важным направлением в преобразовательной деятельности нового правительства была демократизация органов местного самоуправления – земств и городских дум. Под этим подразумевалось, во-первых, избрание их всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием лицами обоего пола (постановление Временного правительства «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных») и, во-вторых, выборы в волостное земство (постановление «О волостном земском управлении»). Оба постановления вышли 21 мая 1917 г.

Еще задолго до появления этих законодательных актов, сразу после свержения царской администрации, Лужская городская комиссия местного общественного исполнительного комитета распустила городскую думу, переизбрала городскую управу [1, с. 61], а также полностью обновила состав гласных уездного земства и уездной земской управы [5. № 7. С. 304].

В августе – начале сентября 1917 г. после длительных приготовлений началась избирательная кампания по выборам в волостные земства Лужского уезда. Новые органы должны были заведовать в своих волостях вопросами продовольствия, земледелия, торговли и промышленности, земскими повинностями, охраной общественного порядка, содержанием местных дорог, мостов, образовательных учреждений и т. п. Несмотря на то, что в ряде случаев население отнеслось к выборам без особого интереса и даже инертно, волостные земства были в большинстве мест Лужского уезда сформированы, их работа началась весьма интенсивно. Но в условиях углубления экономических проблем и поляризации общества земства не смогли выполнить в полной мере возложенных на них функций [10, с. 197–198].

К этому времени со всей очевидностью проявилась также слабость власти комиссаров Временного правительства. Они буквально «тонули» в море различных документов, поступавших на их рассмотрение «для сведения и зависящих распоряжений». По нашим подсчетам, сделанным на основе архивных материалов, на рассмотрение Лужского уездного комиссара в марте 1917 г. поступило 310 документов, в мае – 1045, в августе – 577 [12. Д. 23. Л. 4, 59, 97, 135, 234, 251 об.]. Неслучайно поэтому уездные комиссары то и дело критиковались вышестоящим начальством за то, что они «не отвечают на письменные запросы и телеграммы Министерства внутренних дел или отвечают со значительным опозданием» [12. Д. 23. Л. 118]. Но самое главное, комиссар не имел реальных средств воздействия ни на самочинные организации, ни на действия отдельных групп местного населения. Вот лишь один, но вполне типичный пример. По поступавшим губернскому комиссару и в Главное управление по делам милиции сведениям, в Лужском уезде местные комитеты под угрозой расправ требовали от военнообязанных железнодорожных служащих бросать свою работу и поступать в ряды войск. Все призывы и увещевания со стороны уездного комиссара и его помощника к населению, что подобные действия парализуют работу транспорта, оказывались безрезультатными. Это побуждало губернские власти вновь и вновь обращаться к властям уездным с требованием «принять безотлагательные самые решительные меры к пресечению вышеуказанных явлений», но дальше бюрократических отписок дело так и не продвинулось [12. Д. 23. Л. 225–227, 236].

Таким образом, на протяжении весны – осени 1917 г. в Лужском уезде, как и в других регионах, одновременно «снизу» и «сверху» происходил процесс стремительного крушения царской администрации и постепенного формирования новой системы местной власти. Ее главнейшими звеньями на уровне уезда были уездный

комиссар Временного правительства, Лужский объединенный комитет, Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, волостные комитеты и земские (уездные и волостные) органы с подчиненной им милицией. Данная система отличалась не только своей громоздкостью и многослойностью. Серьезной и, пожалуй, основной проблемой ее функционирования была разнонаправленность устремлений различных властных институтов, отсутствие слаженного взаимодействия между ними. При таком положении дел местные власти оказывались бессильными в поддержании порядка на территории уезда и в проведении распоряжений центрального правительства. Более того, своей деятельностью они зачастую углубляли анархию, объективно способствуя радикализации масс и успеху большевистского переворота в октябре 1917 г.

Список литературы

1. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918): оч. и док-ты. – Л.: Лениздат, 1972.
2. Воронович Н.В. Записки председателя Совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М.: Книга, 1991.
3. Журавлев В.А. Без веры, царя и Отечества: Российская периодическая печать и армия в марте – октябре 1917 года. – СПб.: Изд-во ГУАП, 1999.
4. Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. – Т. 1. Март – апрель 1917 г. – М.: РОССПЭН, 2001.
5. Земское дело. – 1917.
6. Из истории борьбы за власть в 1917 году: сб. док-тов. Введение / сост. Г.И. Злоказов, Г.З. Иоффе. – М.: ИРИ РАН, 2002.
7. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
8. Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М.: РОССПЭН, 2006.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 152. Оп. 4.
10. Тропов И.А. Волостное земское управление на Северо-Западе России в 1917–1918 гг.: от создания до упразднения // Науч.-техн. вестн. СПбГУ ИТМО. Вып. 27. Исследования в области гуманитарных наук / гл. ред. В.Н. Васильев. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2006.
11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). – Ф. 4000. Оп. 5.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 8309. Оп. 1.
13. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1976.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+4)«1917/1988»(049.32)
ББК 63.3(2)6-36

*Б. Вайль**

Незаменимый справочник

Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – 2-е изд., исп. и доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 468 с.

В предисловии к данной книге автор – профессор С.-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук, справедливо замечает, что «книжная культура русской эмиграции – своеобразное «белое пятно» в истории отечественной культуры». Тем более это касается издательской деятельности политических организаций. Между тем «в современной России практически все политические организации и идеологические течения конъюнктурно используют наследие русской эмиграции». В этой связи автор приводит примеры: «национал-большевики» – лимоновцы, русские фашисты и т. д.

Сам П.Н. Базанов утверждает, что рассматривает издательскую деятельность лишь тех политических организаций, которые можно интерпретировать как политические партии. Он оставляет в стороне национальные и областнические политические организации, «издательская деятельность которых имеет свою специфику и требует особого рассмотрения». И это понятно. Вместе с тем вызывает некоторое сомнение, что автор не исследует издательскую деятельность евразийцев на том основании, что это движение «не вмещается в рамки политической организации». Действительно, это была не партия, а «движение», и все же.... Готовит ли Петр Базанов отдельную работу по издательской деятельности евразийцев и сменовеховцев? Это было бы оправданно.

Библиография использованной автором литературы, включая сюда и архивные источники в России и за границей, не может не вызвать восхищения: 999 позиций! Из них – более 200 – архивные материалы, а около 700 – печатные (книги и статьи).

Содержание книги – шире ее названия. Ведь это поистине справочник по политическим организациям русского зарубежья, притом всех трех волн эмиграции. Их идеология, история, их лидеры, установки, размежевания, девизы и символы.... Редакторский состав газет и журналов, их сотрудники. И, конечно, сама издатель-

* **Вайль Борис**, независимый публицист, Копенгаген (Дания)

ская деятельность (причем не только книги, но и листовки, гектографические и ротаторные издания и даже ... наклейки). Наконец, степень проникновения этой литературы в СССР и источники ее финансирования.

Содержание построено по хронологическому принципу (4 главы), а внутри каждой главы – «слева направо», т. е. сначала идут «левые» организации, потом – «центристы» и затем крайне правые. Правда, меньшевики оказываются у автора «крайне левыми», а левые эсеры (ПЛСР) – которые ведь ближе к большевикам, чем меньшевики, и к тому же являлись союзниками пришедшей к власти партии, вскоре после октября 1917 г. – идут вторыми.

Кажется крайне упрощенной (если не искажающей смысл) приведенная П. Базановым «формула» меньшевиков – «социализм в России такой, потому что страна плохая и народ дикий». Если бы меньшевики так думали, то зачем бы они издавали свой «Социалистический вестник»? Это противоречит самому факту, подтвержденному и П. Базановым, что «Социалистический вестник» был популярен в СССР в 20-е гг.

«Младороссам» автор уделяет чуть больше внимания, чем меньшевикам (12 стр.). Их «закат», по мнению автора, связан с тем, что их лидера – А. Казем-Бека – эмигранты выследили в парижском кафе на встрече с генералом А.А. Игнатьевым, поступившем на советскую службу. П. Базанов отмечает, что «побег» Казем-Бека в СССР в 1957 г. был неожиданным даже для его родных и самых близких его друзей. Но автор не сообщает – хотя бы даже и в примечании – где работал Казем-Бек после возвращения в СССР. А Казем-Бек сразу же по возвращению в СССР начинает печататься в «Журнале Московской патриархии», а с 1962 г работает в Московской патриархии в качестве старшего консультанта в Отделе внешних церковных сношений. Этим все сказано.

Одна из многолетних политических организаций в эмиграции (а сейчас вернувшаяся в метрополию) – НТС. Ей П. Базанов уделяет довольно много внимания, и она этого безусловно заслуживает. Хотя понять идеологию НТС и нелегко. (Может быть, именно поэтому он так долго и просуществовал?). Автор отмечает, что свои базисные концепции НТС заимствовал у Салазара («корпоративное государство»). В его сменяющихся программах нет места политическим партиям. Им на смену придут «трудовые группы» или, как в новой программе (2000 г.) – «трудовые союзы». Что такое вообще «солидаризм»? Базанов отмечает, что это «учение о взаимопомощи различных классов и сословий в государстве». Так может быть, мы тут имеем дело с социал-демократией, со «скандинавской моделью»? Вряд ли. НТС никогда не отождествлял себя с социал-демократией. Действующая ныне программа НТС (2000 г.) повторяет установки прошлых программ на «трудовые союзы» (все программы НТС выложены на его официальном сайте: www.ntsrs.ru/docum.htm).

В программе 1944 г., изданной в Словакии, которая, как известно, всецело тогда подчинялась Гитлеру, говорилось: «влияние народностей, не входящих в состав российской нации, на государственную или общественную жизнь, должно быть полностью исключено. Евреям предоставляется право или свободно покинуть пределы России, однако без вывоза капиталов, или же поселиться на территории Российского союзного государства, в специально отведенной для них области». Очевидно, что украинцы или татары входят в «состав российской нации», а евреи – нет, даже и крещеные.

В начале рецензии мы цитировали П. Базанова, который говорит, что «в современной России практически все политические организации и идеологические течения» используют наследие эмиграции. Представляется, что и нынешнее кремлевское руководство позаимствовало кое-что из наследия НТС. Ну, во-первых, практическое отсутствие политических партий (правда, нет и «трудовых союзов»...). «Крепкая» власть («солидаристам» было незнакомо понятие «вертикаль власти» или «суверенная демократия»). Пункт из программы НТС 2000 г.: «Губернаторы назначаются верховной властью» – это за пять лет до введения этого института В.В. Путиным. А вот что нынешняя власть почерпнула из программы НТС 1950 г.: «православие, как религия подавляющего большинства российской нации, а также в силу своего духовного, исторического и культурного значения для России, призвано быть и впредь важнейшим фактором духовного развития нации». И, наконец, еще один пункт из программы НТС 2000 г.: «Исторические интересы России требуют объединения с Белоруссией и Украиной, с возможным вхождением в новый Союз Казахстана и Киргизии».

П. Базанов рассказывает о методах засылки литературы эмигрантскими партиями в СССР. Например, НТС изобрел акцию «Стрела»: из советских телефонных справочников и из газет выбирались случайные адреса и на них посылались – через иностранных туристов, находящихся в СССР – «антисоветская» литература. Представьте: Вы обычный советский гражданин до перестройки, скажем, в 60–70-е гг. Открываете свой почтовый ящик, там толстый конверт, в нем – антисоветская брошюра. Первая реакция: это провокация! меня проверяет КГБ! Ведь почта перлюстрируется. Пожалуйста, отнесу-ка я это в КГБ! (Или своему парторгу). Если человек принес такое письмо в КГБ, то его, конечно же, поблагодарят, ну а дальше, предложат ему и в дальнейшем сотрудничать с ними. (Говоря по совести, я не знаю: принесла ли эта акция больше вреда, чем пользы...).

Словом, книга П. Базанова наводит на самые разнообразные мысли, а не только на издательскую деятельность эмиграции. Например, американцы субсидировали так называемую «книжную программу». Что это значит? Они закупали продукцию эмигрантских изданий – и не только «антисоветскую» – т. е., они по сути дела да-

вали деньги на русскую культуру. Без американских денег в эмиграции не были бы изданы произведения Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Николая Гумилева, Юрия Анненкова, Андрея Платонова и многих, многих других. Это редчайший случай в истории, когда одно государство выкладывает деньги на издания произведений культуры враждебного государства (что-то подобное было, правда, и в межвоенной Польше).

В книге П. Базанова есть и мелкие огрехи и недочеты. Мне, например, не хватает в списках архивов, где хранятся документы по истории эмиграции, хотя бы указания на исторический архив Бременского университета. И чисто издательский недочет: книга П. Базанова обозначена как «издание 2-е, исправленное и дополненное». А когда же вышло первое издание? Об этом в книге не найти.

УДК 94(47).084.8:623.764(049.32)
ББК 63.3(2)631/632-35

*Н. Д. Козлов**

Ученые Ленинграда и оборона страны

Судариков А.М. Ученые-ленинградцы и создание ракетно-ядерного щита страны в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – 244 с.

История защиты Отечества вызывала и вызывает интерес исследователей. Однако, несмотря на значительное количество защищенных диссертаций, опубликованных статей и монографий, до сих пор недостаточно изучен вклад ученых ленинградских научных школ в создание ракетно-ядерного комплекса СССР в 1945–1955 гг., роль партийно-государственного руководства в реформировании организации научных исследований в ходе этого процесса, значение копирования передовых образцов военной техники в успешном создании ядерного оружия и его носителей. Эти проблемы и стали предметом комплексного изучения автором рецензируемой монографии.

В первой главе дан обстоятельный анализ историографии проблемы, в процессе которого вполне обоснованно выделено три этапа и дана глубокая научная характеристика каждого из них. Автор справедливо подчеркивает, что историография темы носит многоуровневый характер и включает литературу, посвященную ВПК Советского Союза, исследования по реализации атомного проекта,

* **Козлов Николай Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

созданию средств радиолокации и разработке стратегических носителей, а также издания, посвященные деятельности ученых отечественного ВПК. Историографический раздел монографии представляет самостоятельный научный интерес и серьезную помощь для начинающих исследователей.

Для того чтобы раскрыть проблему, А.М. Судариков выявил и проанализировал огромный пласт исторических источников. Большинство из них обнаружены им в пятнадцати центральных, местных и ведомственных архивах Москвы и Санкт-Петербурга и впервые введены в научный оборот. Разнообразные и репрезентативные источники позволили автору глубоко проникнуть в суть исследования и сделать объективные и значимые выводы.

Руководствуясь принципом историзма, автор справедливо подчеркивает, что в сталинскую эпоху подход к обеспечению военной безопасности определялся реалиями послевоенной Европы и ядерным превосходством США. А.М. Сударикову удалось, на наш взгляд, преодолеть определенную тенденциозность, конъюктурность и отенок сенсационности, присущие ряду работ предшественников, и объективно раскрыть характерные черты организации научных исследований для укрепления безопасности страны, и состояние партийно-государственного руководства научными программами в военно-промышленном комплексе.

В рецензируемой монографии многопланово применяется важнейший методологический принцип научного исследования – глубокое изучение событий и явлений прошлого во всей противоречивой сложности, со всеми позитивными и негативными проявлениями, трудностями и ошибками. С этих позиций раскрыты характерные черты и методы организации и партийно-государственного руководства научными исследованиями в интересах обороны страны в 1945–1955 гг., определен вклад в решение этих задач ведущих руководителей того времени. При этом достаточно широко и полно показана организаторская роль И. Сталина и Л. Берии по обеспечению безопасности страны и реализации основных программ ВПК, в целом преодолены одномерные подходы и оценки, присущие работам об этих исторических деятелях.

В меньшей мере это имеет место при характеристике роли Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева, определение вклада которых в некоторой степени имеет декларативный характер.

Вклад ленинградских ученых и научных организаций в реализацию стратегических программ решения проблем советского атомного проекта, в развитие теории и практики радиолокации и других средств ПВО страны, создание стратегических носителей ядерного оружия занимает центральное место в рецензируемой работе. Особое внимание уделено характеристике деятельности Физико-технического и Государственного радиевого института, Государственного института прикладной химии, ряда менее известных НИИ и

ЦКБ, решающего вклада ученых Политехнического и Технологического институтов, Ленинградского государственного университета в подготовку кадров для исследовательской работы в ВПК, таких ученых как Г.Н. Фиров, В.С. Шпак, Н.Н. Исакин, Г.В. Кисунько, А.А. Расплетин, В.Н. Перегудов и многих других. Автор подчеркивает, что характерными чертами развития отечественной науки в послевоенные годы стали организационная, финансовая государственная поддержка, пристальное внимание со стороны политического руководства страны к развитию инфраструктуры науки и подготовке кадров. В то же время централизованная система советской науки позволяла партийно-государственной элите осуществлять идеологическое, политическое и организационное давление на ученых. Такая система порождала неизбежную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции. А.М. Судариков приходит к выводу о том, что все политические кампании 40-х гг. среди ученых были результатом борьбы за власть в научном сообществе, а в самой системе не было места для развития идей и концепций ученых, не соответствовавших признанным теориям, что нередко имело тяжелые последствия.

На основе анализа источников и документов сделан принципиальный вывод о том, что кампания борьбы с «низкопоклонством» перед западной наукой была вызвана вполне объективными причинами – началом «холодной войны» и необходимостью опираться в развитии науки на собственные силы. Ленинградские ученые, вузы и научные организации занимали лидирующие позиции при зарождении и развитии отечественной радиолокации, в создании топлива для стратегических носителей, сыграли существенную роль в реализации атомного проекта и разработке средств доставки.

Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что Советский Союз был вынужден реагировать на агрессивную политику США и следовать за ними в гонке вооружений, а американцы были инициаторами ядерной программы, создания стратегической авиации, межконтинентальных ракет, атомных подводных лодок с целью добиться ядерного превосходства над СССР.

В работе подчеркнута большое современное значение опыта быстрого и эффективного решения крупных научно-технических проблем, быстрого освоения новых технологий и создания целых отраслей производства. Вызовы XXI в. требуют оперативного решения проблем путем объединения усилий. Опыт середины XX в. подсказывает целесообразность создания такой структуры развития науки, в которой сочетание фундаментальных и прикладных исследований, опытно-конструкторских разработок позволил бы быстро включить государство в создание новых технологий.

Сведения об авторах

Алексеев Тимофей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и военного права, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского; e-mail: timofey1967@mail.ru

Бородин Михаил Павлович – старший преподаватель кафедры переподготовки и повышения квалификации, Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России; e-mail: michaelborodin@mail.ru

Вайль Борис – независимый публицист, Копенгаген (Дания); e-mail: itropov@ya.ru

Голубев Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Петербургский государственный университет путей сообщения, Петрозаводский филиал; e-mail: kasa-g@yandex.ru

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Данильченко Виталий Иванович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: kveldulv82@mail.ru

Ершов Николай Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры морально-психологического обеспечения войск, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского; e-mail: ershov_n@mail.ru

Зайцева Светлана Валентиновна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: svlapanaz@ya.ru

Иванченко Нелли Юрьевна – кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: nelly00@list.ru

Исаев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, отдел всеобщей истории; e-mail: isayevsviir@yandex.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Николаенко Петр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: itropov@ya.ru

Николенко Александр Викторов – соискатель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Санкт-Петербургское высшее военное училище радиоэлектроники (Военный институт); e-mail: a19820429@mail.ru

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; e-mail: vmp@sampo.ru

Рыбин Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции России (Санкт-Петербург); e-mail: danilarybin@rambler.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Фортунов Владимир Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения; e-mail: itropov@ya.ru

Шевлякова Валентина Владимировна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Шевнина Лилия Валерьевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: lilichka.shev@gmail.com

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 479-90-34

Образовательный кредит с государственным субсидированием

Основное условие для получения кредита – поступление Заемщика в ВУЗ участника «Эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов студентам образовательных учреждений высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию». Кредит предоставляется гражданам РФ в возрасте от 14 лет, являющимися студентами (отвечающими критериям успеваемости) любого курса очной формы обучения, получающим впервые образовательные услуги по реализации основных образовательных программ на основании заключенного с ВУЗом договора о предоставлении платных образовательных услуг или являющимися участниками программы "Кредо" ООО "Крэйн" и АКБ "Союз"(ОАО).

ВУЗ – участник программы:

Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина»

<ul style="list-style-type: none">✓ сумма кредита: соответствует стоимости обучения или остатку задолженности в АКБ «Союз»✓ валюта кредита: рубли✓ срок кредитования: срок обучения + период погашения кредита (в течение 10 лет после завершения учебы)✓ процентная ставка: 4,94%✓ обеспечение: не требуется
<p>Порядок пользования кредитом</p> <ul style="list-style-type: none">✓ погашение задолженности по кредиту осуществляется ежемесячно в соответствии с графиком платежей✓ досрочное погашение части кредита осуществляется без ограничений по сроку и минимальной сумме досрочного возврата кредита✓ Предоставление отсрочки по погашению основного долга и уплате части процентов

Кредит предоставляется гражданам РФ в возрасте от 14 лет на оплату обучения в образовательном учреждении, зарегистрированном на территории РФ и имеющем лицензию на право ведения образовательной деятельности для получения:

- начального профессионального образования,
- среднего профессионального образования,
- высшего профессионального образования,
- дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов.

<p>Условия предоставления:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ валюта кредита: рубли; ✓ процентная ставка: 12% ✓ срок кредитования: до 11 лет ✓ максимальная сумма кредита: до 90 % стоимости обучения ✓ минимальная сумма кредита: 30 тысяч рублей ✓ обеспечение: поручительства физических лиц, залог имущества. 	<p>Преимущества пользования кредитом</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Банк не ограничивает выбор Заемщика/Созаемщиков по типу образовательного учреждения. ✓ Отсутствует комиссия за выдачу кредита и ведения ссудного счета. ✓ Возможность досрочного погашения кредита. ✓ Возможность предоставления отсрочки в погашении кредита. ✓ Возможно предоставление кредита частями.
--	---

Получить дополнительную информацию вы можете:
в информационной службе:

(812) 329-29-29;
8-800-333-00-88

(звонок бесплатный)

на официальном веб-сайте Сбербанка России:

<http://www.sberbank.ru>

Пушкинское отделение № 2009
г.Пушкин, ул. Оранжерейная, д. 46
☎ 335-10-27; 329-21-07

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 22.06.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № 536

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а